ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

МАТЕРИАЛЫ VIII КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

МАТЕРИАЛЫ VIII КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Москва, 1–4 апреля 2025 г.

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Ответственный редактор к.и.н. В.Е. Родинкова

Релакционная коллегия:

С.А. Володин, к.и.н. Д.К. Еськова, А.Д. Климова, к.и.н. В.Е. Родинкова, к.и.н. Н.Г. Свиркина, к.и.н. Е.В. Суханов, А.Н. Федорина

Рецензенты:

д.и.н. Ш.Н. Амиров, к.и.н. М.В. Андреева, к.и.н. М.Н. Анкушев, Е.Е. Антонов, к.б.н. А.Н. Бабенко, к.и.н. Д.Ю. Бадеев, А.Н. Берлизов, Я.С. Внуков, С.А. Володин, к.и.н. А.Н. Ворошилов, к.и.н. А.В. Выборнов, И.О. Гавритухин, к.и.н. Д.В. Герасимов, к.и.н. А.А. Гомзин, Л.Н. Гриценко, д.и.н. М.В. Добровольская, к.и.н. Д.К. Еськова, А.С. Желудков, д.и.н. М.Г. Жилин, к.и.н. Д.В. Журавлев, к.и.н. И.Е. Зайцева, к.и.н. О.В. Зеленцова, д.и.н. Э.Д. Зиливинская, к.и.н. С.М. Ильяшенко, д.и.н. А.М. Илюшин, д.и.н. А.Р. Канторович, к.и.н. Н.С. Кирьянов, к.и.н. А.А. Клещенко, к.и.н. Е.А. Клещенко, д.и.н. С.Н. Кореневский, д.и.н. Д.С. Коробов, к.и.н. В.М. Костомаров, Ю.В. Костомарова, к.и.н. В.В. Кропотов, к.и.н. С.В. Кузьминых, к.и.н. Е.В. Куприянова, к.и.н. В.С. Курмановский, д.и.н. И.Л. Кызласов, О.С. Лебедева, к.и.н. С.Ю. Лев, к.и.н. Е.С. Леванова, к.и.н. Е.В. Леонова, О.С. Литвиненко, к.и.н. О.А. Лопатина, к.и.н. Ю.В. Лунькова, д.и.н. В.В. Майко, к.и.н. В.Е. Маслов, к.и.н. А.Н. Масловский, д.и.н. А.В. Мастыкова, Е.А. Миклашевич, д.и.н. Р.А. Мимоход, А.С. Морозов, д.и.н. Л.Ф. Недашковский, к.и.н. А.К. Очередной, к.и.н. Д.В. Папин, к.и.н. М.Л. Перескоков, к.и.н. В.Е. Родинкова, д.и.н. К.А. Руденко, к.и.н. И.В. Рукавишникова, к.и.н. Н.С. Савельев, к.и.н. С.Н. Савенко, А.Н. Свиридов, к.и.н. Н.Г. Свиркина, к.и.н. Э.И. Сейдалиев, к.б.н. С.М. Слепченко, к.и.н. И.А. Сорокина, к.и.н. Д.А. Сташенков, к.и.н. Н.И. Сударев, к.и.н. Е.В. Суханов, к.и.н. Г.В. Требелева, к.и.н. О.И. Успенская, к.и.н. О.С. Хомякова, д.и.н. Ю.Б. Цетлин, В.А. Чаукина, к.и.н. Л.В. Яворская

Н76 территории и границы в археологическом измерении. Материалы VIII конференции молодых ученых. — М.: ИА РАН, 2025. — 182 с.: ил. ISBN 978-5-94375-460-9

В сборник включены материалы к докладам, представленным на VIII конференции молодых ученых «Новые материалы и методы археологического исследования: территории и границы в археологическом измерении», прошедшей в Институте археологии РАН 1—4 апреля 2025 г. Тематика статей охватывает широкий круг проблем современной археологии от палеолита до Нового времени.

Книга предназначена археологам, историкам, специалистам в области охраны культурного наследия, музейным работникам, студентам исторических специальностей и всем, интересующимся историей.

УДК 902/904 ББК 63.4

Издание подготовлено и опубликовано в рамках реализации поддержанного фондом «История Отечества» проекта «VIII конференция молодых ученых "Новые материалы и методы археологического исследования: территории и границы в археологическом измерении"»

В оформлении обложки использована иллюстрация к статье Д.А. Геворковой

ISBN 978-5-94375-460-9

DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-460-9

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2025
- © Авторы статей, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ В АРХЕОЛОГИИ КАМЕННОГО ВЕКА

Бородулин К.И. К вопросу о северном ареале сероглазовской культуры	8
Глушко Н.В. Особенности геоморфологического контекста	
неолитических стоянок Приобского плато	9
Демкина А.Р. Пластинки в комплексах ранних этапов верхнего палеолита	
Монголии: специализированная технология или побочный продукт расщепления	11
Деревнина А.С., Плотников Д.Р., Козликин М.Б. Первые результаты иссле-	
дования пещеры Берёзовка на Алтае	13
Колясникова А.С. Морфологическая изменчивость порезов от каменных	
орудий на костях	15
Левина Е.В. Результаты экспериментально-трасологического	
исследования верхнепалеолитических скребков из Денисовой пещеры	17
Можаева А.А. Использование бифасиальной обработки в каменных инду-	
стриях постнеолита и энеолита Верхнего и Среднего Прикамья (на примере	
новоильинской и борской культур)	.18
Некипелова А.В. Осадочные летописи: главные источники вещества и	
интенсивность заселения пещер животными и человеком	.20
Ожгихин В.О. Каменный диск-навершие с территории лесостепного	
Притоболья	22
Пантелеева Т.Ю. Проблема культурного единства посуды без орнамента и	
украшенной наколами в раннем неолите лесного Среднего Поволжья	23
Первакова А.В. Типологический анализ каменного инвентаря памятника	
Соколова Пустынь (по материалам раскопок 2023 г.)	25
Плотников Д.Р., Деревнина А.С., Козликин М.Б. Антропогенные следы на	
костях из среднепалеолитических слоев Денисовой пещеры	.27
Сомов А.В. Особенности расположения памятников каменного века (мезолит	
– энеолит) долины реки Сок (среднее течение)	29
Турина Е.А. Типология и технология изготовления проколок волосовской	
культуры на памятниках Озерной Мещеры	.31

ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ В АРХЕОЛОГИИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Алексеенко М.В., Клещенко Е.А. Методические аспекты изучения шлаков	
из погребений с кремациями (по материалам могильников срубной культуры	
Западного Оренбуржья)	33
Букачёва А.О. Каменные орудия с поселения бронзового века	
Большая Березовая-2 (Южное Зауралье)	35
Валавин Н.А. Следы обрядовых действий в курганах федоровской культуры	
(по материалам могильника Звягино-1)	38
Валавина И.С. Интерпретационные ресурсы карты археологических	
памятников позднего бронзового века степного и лесостепного Зауралья	.40
Геворкова Д.А. Бронзовые «медальоны» как элемент погребального костюма	
населения северокавказской культуры	.43
Зеленкова Р.Р. Земледельческие орудия позднего бронзового века из	
лесостепи Тоболо-Ишимского междуречья	.46
Керик А.Д. Трасологическое изучение костяных орудий поселения Березовая	
Лука (конец III – начало II тыс. до н.э.): историографический обзор	.47
Краснова Е.Л. Последовательность этапов создания антропоморфного	
изображения в наскальном искусстве каракольской культуры	.49
Ларенок О.П. Поселенческие памятники финала средней бронзы на	
территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья в контексте	
культурных взаимодействий	50
Наджафов Ш.Н., Мурсагулиев М.Г., Алиева С.Б. Археологические	
раскопки на Джейранчёльской равнине в 2024 г. Курганы Карванской долины	52
Никифорова Ю.Н. Сопоставление стилей в наскальном искусстве	
Калбак-Таша в эпоху поздней бронзы и скифское время (по изображениям оленя)	55
Пельве К.Ю. Культура «морской Трои»: к постановке проблемы	56
Пинской В.Н. Паразитологические исследования культурных слоев	
археологических памятников Западного Крыма	58
Старшова А.В. История технологических исследований гравированных	
наскальных изображений	60
Сыроватко Ф.А. К вопросу о «южных» чертах погребального обряда в	
фатьяновской культуре	.61
Трофимов А.Г. К проблеме взаимодействия хвалынской и самарской культур	
в Среднем Поволжье (по материалам керамических комплексов)	63
Шибанова Д.А., Леонтьев А.А., Чечина А.Ю. Фосфатный анализ грунта из	
сосудов эпох средней и поздней бронзы курганного могильника Вертолетное Поле	
Ростовской области	.66
Ячменёв О.Ю., Власенко Д.Е., Киенко А.В. Писаница Софьин Гриб	
(Восточное Забайкалье): проблемы и перспективы изучения	68

ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ В АРХЕОЛОГИИ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Бирюков М.Д. Разработки А.А. Миллера в области методики полевых иссле-
дований археологических памятников в 1920–1930-х годах
Блохин Г.О. Наконечники стрел с раздвоенным черешком в культурах
Восточной Европы в эпоху раннего железа: основные проблемы и перспективы
исследования
Боярский А.С. Иконографический анализ столбообразных металлических
идолов иткульской культуры раннего железного века Среднего и Южного Зауралья75
Воробьева А. В Мир живых и мир мертвых в архитектурном пространстве
курганов позднего бронзового и раннего железного веков в Юго-Восточной
Прибалтике
Геншпринг Д.М. Наконечники стрел могильника Новозаведенное II в
контексте стрелковых наборов раннескифской эпохи
Гражданкина В.А. Образ лошади в искусстве древних кочевников Алтая
(по материалам раскопок В.В. Радлова)
Касинцева Е.О. Комплекс золотых изделий III в. до н.э. из склепа на
Маркульском городище как пересечение границ культур
Краснобаев Д.А. Фанагорийская столовая керамика V в. до н.э. из
некрополя Волна 1 (по материалам раскопок 2015 и 2016 гг.)
Максименков В.К. Периодизация грунтовых некрополей Предгорного Крыма
II в. до н.э. – IV в. н.э. на основе изменения типов погребальных сооружений 88
Мосалева П.А. История изучения римской дорожной системы в Анатолии91
Му Цилэ О связи оленных камней с херексурами
Образцов И.Ф. Ранние формы фибул позднелатенской схемы в зарубинецкой
культуре Припятского Полесья: типолого-хронологический аспект95
Онамун Д.Л.А., Снопков С.В., Константинов К.М., Коншин И.О.,
Лобузов И.В. Разномасштабная магнитная съемка в контексте поиска древних
металлургических объектов в Прибайкалье
Пашкова А.Н. Вклад В.А. Могильникова в изучение памятников пазырык-
ской культуры на территории Алтая
Перевозчикова А.А. Об опыте работы с палеоантропологическим материа-
лом низкой сохранности: границы преемственности культур могильника
Заюково-3
Резникова В.А. Доспех скифского времени из кургана 5 могильника
Колбино-І на Среднем Дону в контексте скифского защитного снаряжения

культуры: вопросы хронологии и возможности определения функциональных	
особенностей	104
Русанова С.В. Палеодемографическая характеристика населения Предгор-	
ного Крыма по материалам могильника Опушки 2018–2020 гг.	107
Синцерова К.Л. Три разновидности сельских домов эллинистической	
Греции	109
Тишкин Ал.Ал. (мл.) Возможности реконструкции процесса изготовления	
пазырыкских щитов	112
Ходырева Д.С., Шведчикова Т.Ю. Одонтологическая характеристика	
погребенных в сырцовой гробнице 631 на античном некрополе	
Волна 1 (VI–II вв. до н.э.)	113
Чебышев Г.С. Распространение «римских светильников с волютами» на	
Боспоре	115
Шишелова В.В. Акра в римский период: основные тенденции	
пространственного развития	117
Лян Юй Анализ хуннуского (сюннуского) влияния в археологическом	
комплексе Шижэньцзыгоу на территории Синьцзяна	118
Юрков В.Г., Егоров И.В., Юрков А.Г. Эллинистический склеп на Маркуль-	
ском городище: вопросы культурной интерпретации	121
В АРХЕОЛОГИИ ЭПОХ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ	
Бакулина У.Д. О культурной принадлежности больших ажурных лунниц	
Бакулина У.Д. О культурной принадлежности больших ажурных лунниц круга восточноевропейских выемчатых эмалей	123
	123
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	126
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	126
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	126 128
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	126 128
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	126 128 129
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	126 128 129
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	126 128 129 132
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	126 128 129 132
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	126 128 129 132 134
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	128 129 132 134 136
круга восточноевропейских выемчатых эмалей Ибрагимова Т.А. Границы гляденовской и неволинской культур на территории нижнего и среднего течения р. Сылва в І тыс. н. э. Ивкин И.А. Пространственное расположение археологических памятников нижне-неманской группы IV—IX вв. Каширин Д.Р. О происхождении и типологии элементов конского оголовья в самбийско-натангийской культуре конца І — начала ІІІ в. н.э. Косяченко А.К. Территория древней мордвы в эпоху Великого переселения народов на археологической карте Петрова А.Е. Новые материалы по ранней истории мордвы Письмарова А.В. Бусы раннесредневековых днепровских кладов ІІ группы Пичугина А.А. Керамика Зильгинского городища из раскопа КР-2: опыт анализа массового материала Ферапонтов А.И. Салтовские поясные накладки с пальметтой в	128129132134136
круга восточноевропейских выемчатых эмалей	128129132134136
круга восточноевропейских выемчатых эмалей Ибрагимова Т.А. Границы гляденовской и неволинской культур на территории нижнего и среднего течения р. Сылва в І тыс. н. э. Ивкин И.А. Пространственное расположение археологических памятников нижне-неманской группы IV—IX вв. Каширин Д.Р. О происхождении и типологии элементов конского оголовья в самбийско-натангийской культуре конца І — начала ІІІ в. н.э. Косяченко А.К. Территория древней мордвы в эпоху Великого переселения народов на археологической карте Петрова А.Е. Новые материалы по ранней истории мордвы Письмарова А.В. Бусы раннесредневековых днепровских кладов ІІ группы Пичугина А.А. Керамика Зильгинского городища из раскопа КР-2: опыт анализа массового материала Ферапонтов А.И. Салтовские поясные накладки с пальметтой в	126 128 132 134 136 139

ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ В АРХЕОЛОГИИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Бояринцева К.Е. Половозрастная дифференциация украшений из	
погребальных комплексов сросткинской культуры	145
Бурашникова К.С., Жилич С.В., Шашков М.В. Погребальная пища	
древних тюрок Минусинской котловины (по данным липидного анализа, анализа	
крахмалов)	148
Воробьев К.С. История и археология августинского монастыря Патоллен в	
Восточной Пруссии	149
Горлышкин Н.Е. Проблема переходного этапа от позднего Средневековья	
к Новому времени на территории Кузнецкой котловины в отражении письменных	
и археологических источников.	151
Громоздова О.М. Границы Монгольской империи в Енисейской Сибири	
по археологическим источникам	153
Зиновьева А.А., Кольченко В.А. Керамические курильницы средневекового	
городища Кен-Булун (Кыргызстан)	154
Карепин К.В. Среднее течение Северского Донца в XIV в.: пограничье или	
контактная зона?	157
Коновалова К.Ю., Половников Л.В. Археозоологические материалы из	
раскопок городища Купрос 2024 г.	158
Кузнецов В.Е. Весовые стандарты в средневековом Пермском Предуралье	161
Магаляс О.Ю. Каолиновые курительные трубки из предместья Кенигсберга	
– Фордестен Хуфен: импорты, протекционизм, контрафакт	163
Мальцев В.С. Орудия рыболовства в погребениях Рождественского	
(языческого) могильника в Пермском крае	165
Назаров А.А. Пространство захоронения в мусульманском погребальном	
обряде: сохранение традиций или трансформация?	168
Павлов Д.М. Местонахождения петроглифов Яманка I, II и их	
ландшафтный и археологический контекст	169
Прокудина А.М. Анатомический анализ деревянных антропоморфных	
скульптур городища Усть-Войкарское	171
Фисенко А.В. К проблеме выявления производственных комплексов по	
обработке костяного сырья (на примере Новоторговского-6 раскопа 2008 г.	
в Пскове)	172
Чакилева Ю.И. Пространственные характеристики поселенческих	
памятников ломоватовской и родановской культур	175
Шалфеев П.С. Зерновые ямы как отдельная группа хозяйственных построек	
на территории Среднего Поволжья в эпоху Средневековья (история вопроса)	176
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	170
CITION COMPULITION	・・・1 /

ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ В АРХЕОЛОГИИ КАМЕННОГО ВЕКА

К.И. Бородулин

Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань kborodulin@mail.ru

К ВОПРОСУ О СЕВЕРНОМ АРЕАЛЕ СЕРОГЛАЗОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 60–70-х годах XX в. А.Н. Мелентьев проводил археологическое обследование Прикаспийской низменности, где выявил пункты со скоплениями микролитического кремня и изделиями геометрических форм. Данные материалы послужили основанием для выделения сероглазовской культуры. Некоторые местонахождения помимо каменного инвентаря содержали фрагменты неолитической керамики, что стало аргументом для эпохального разделения комплексов в рамках единой культуры на принадлежащие позднему мезолиту и раннему неолиту. Неолитические памятники фиксировались от р. Урал до Кумо-Манычской впадины, а мезолитические комплексы локализовались на территории Северного Прикаспия (Мелентьев, 1977).

В 1980–1990-е годы экспедицией Куйбышевского педагогического института под руководством И.Б. Васильева проводились археологические исследования в районе Рынпесков. Качественное отличие данных работ заключалось в изучении стоянок с полностью или частично сохранившимся культурным слоем. Их результатом стало внесение корректировок в модели развития мезолита — неолита Северного Прикаспия. Анализ каменных артефактов позволил выявить две традиции в инвентаре мезолитических комплексов: раннюю и позднюю, за которыми, без включения неолитических памятников, закрепилось название «сероглазовская культура» (Васильев и др., 1988).

Для инвентаря ранней жекалганской группы характерно устойчивое сочетание сегментов и параллелограммов. Последние имеют характерную «сероглазовскую» или мелкую краевую ретушь. Сегменты с односторонней обработкой дуги преобладают, в то время как гелуанские единичны (Васильев и др., 1991. С. 11–13). Орудийный набор памятников истайского типа разнообразнее. Серией изделий представлены скребки и угловые резцы, а геометрические формы микролитов более вариабельны. Среди них выделяются гелуанские сегменты, трапеции разных пропорций, единичные треугольники и прямоугольники (Комаров, 2006. С. 223–226). Стоит отметить, что предложенная схема соотнесения орудийных наборов с культурными группами является рабочей. Это доказывается четким выделением мезолитического компонента среди материалов смешанных памятников (Бородулин и др., 2023).

Вопрос о проникновении южных групп населения с территории Северного Прикаспия в Среднее Поволжье в эпоху мезолита впервые был поставлен Г.И. Матвеевой и И.Б. Васильевым (Васильев, Матвеева, 1986. С. 23). Дальнейшее развитие данный тезис нашел в исследованиях А.А. Ластовского (Ластовский, 2000. С. 96); основным аргументом для этого послужило наличие сегментов в материалах комплексов Захар-Калма и Нижняя Сызрань. Так сформировалось представление об ограниченной миграции южного населения на рассматриваемую территорию в мезолитический период (Андреев, Бородулин, 2022).

В рамках ревизии данной гипотезы автором настоящей работы пересмотрены коллекции находок и архивные материалы. Установлено, что в каменном инвентаре стоянки Нижняя Сызрань сегменты отсутствуют, архивные документы сведений об их обнаружении не содержат. Сегментовидное изделие из комплекса Захар-Калма единично и лишено качественного сходства с микролитами Северного Прикаспия. К тому же, указанные памятники Среднего Поволжья являются дюнными, материал переотложен и содержит артефакты более поздних эпох, что вызывает сомнения в хронологической интерпретации находок.

Характерная черта сероглазовской культуры — сочетание в орудийном комплексе форм геометрических микролитов: сегментов и параллелограммов. Подобные изделия не фиксируются в инвентаре стоянок Захар-Калма и Нижняя Сызрань. Таким образом, на данном этапе исследований стоит ограничить северную часть ареала сероглазовской культуры низовьями рек Большой и Малый Узень, а именно памятниками Сарайдин и Миндали. Их инвентарь полностью соответствует существующим критериям и позволяет атрибутировать их как принадлежащие рассматриваемой общности (Ластовский, Комаров, 1988).

- Андреев К.М., Бородулин К.И., 2022. Миграционные процессы в эпоху мезолита на территории лесостепного Поволжья (постановка вопроса) // XXII Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Т.М. Потемкиной (Курган, 21–25 ноября 2022 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. С. 22–23.
- Бородулин К.И., Дога Н.С., Игнатьев Ю.И., 2023. Культурно-хронологический анализ комплекса стоянки каменного века Истай II в Северном Прикаспии // Сборник материалов VII Всероссийской Нижневолжской археологической конференции / Сост. и отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Изд. Сорокин Р.В. С. 9–13.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М., 1988. Мезолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ. С. 3–42.
- Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М., 1991. Мезолит Северного Прикаспия: итоги и задачи изучения / Отв. ред. Л.И. Бордунова. Препринт. Свердловск; Самара: Институт истории и археологии УрО АН СССР. 32 с.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во. 232 с.
- Комаров А.М., 2006. Культурная принадлежность и локальная специфика мезолита Северного Прикаспия //Археология Нижнего Поволжья: в 4 т. Т. 1.Каменный век / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградское научное изд-во. С. 221–239.
- Ластовский А.А., 2000. Мезолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Отв. ред. П.С. Кабытов. Самара: СНЦ РАН. С. 81–140.
- Ластовский А.А., Комаров А.М., 1988. Памятники с микролитическим инвентарем низовьев реки Малый Узень // Археологические культуры Северного Прикаспия / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Куйбышев: КГПИ. С. 42–51.
- Мелентьев А.Н., 1977. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия) // КСИА. Вып. 149. С. 100–108.

Н.В. Глушко

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск glushko nadia@inbox.ru

ОСОБЕННОСТИ ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА НЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ПРИОБСКОГО ПЛАТО

В основу настоящего исследования легли результаты анализа архивных источников, публикаций, работы с выборками из археологических коллекций, а также материалы разведки 2024 г. на юге Алтайского края. Особенности и сложности изучения неолитических древностей региона неоднократно отмечались в литературе (Шмидт, 2005.

С. 3; История Алтая, 2019. С. 72). На территории Приобского плато, в частности долины р. Алей, зафиксировано много местонахождений с археологическими находками вне стратиграфического контекста (размывы, выдувы, перемещенный материал) при малом количестве объектов с сохранившимися культурными слоями (Памятники истории..., 1996. С. 6, 37; Клюкин, 2002. С. 124, 130).

В этой связи особый интерес представляет поселение Рубцовское, открытое в 1991 г. в ходе земляных работ, приведших также к уничтожению большей части памятника (Тишкин, 1995. С. 30). Общее число находок с объекта составляет около 4000 экз., включая репрезентативную коллекцию нуклеусов, пластинчатых сколов, ретушированных и шлифованных каменных орудий. Расположение стоянки и характерный орудийный набор свидетельствуют о приоритете рыбной ловли в хозяйстве обитателей поселения (Тишкин, 1995. С. 34; История Алтая, 2019. С. 75). Сегодня можно определить очертания древней береговой линии р. Алей и высотные характеристики палеорельефа прилегающей территории, которые свидетельствуют о том, что неолитические рыболовы предпочитали жить почти у самой кромки воды. В древности этот участок ничем не выделялся на общем фоне. Почему же именно здесь зафиксировано крупное неолитическое поселение? Ответ кроется в особенностях формирования речных и озерных долин региона. Если сравнить р. Алей с другими притоками р. Обь в Новосибирской области (Казьмин, 2017. С. 228) и Алтайском крае (особенно правобережными), а также с реками Западного и Северо-Западного Алтая (История Алтая, 2019. С. 30, 77, 83), выяснится, что в голоцене абсолютное их большинство незначительно меняли русло. Река Алей, напротив, почти не углубляясь, активно меандрировала по всей ширине долины (до 10–12 км), вовлекая в процесс переработки береговых отложений свои притоки (рис. 1). Уникальность поселения Рубцовское связана не с особой привлекательностью данного участка реки в древности, а с удачным изменением русла, пощадившим стоянку.

В 2024 г. сотрудниками ИАЭТ СО РАН осмотрена территория поселения Рубцовское, которое подвергается разрушению и в настоящее время (Кирюшин и др., 2019), и проведена разведка в долине р. Алей с целью обнаружения новых стратифицированных объектов мезолита — неолита, имеющих близкий геоморфологический контекст (рис. 1). Наиболее перспективными представлялись окрестности с. Бобково, расположенного по

Рис. 1. Карта района проведения разведки 2024 г.

Обследованные территории обведены пунктирной линией. 1 — поселение Рубцовское; 2 — стоянка Перешеечное-I; 3 — место сбора экспонированных находок возле с. Бобково.

правому борту долины р. Алей на берегу схожей старицы. Площадки террасы имеют здесь ровный рельеф и удобную южную экспозицию. В ходе осмотра многочисленных обнажений обнаружен разрозненный археологический материал: нуклевидный обломок, сколы без вторичной обработки (пластины — 7 экз., отщепы — 5 экз.) и неорнаментированный фрагмент керамического сосуда. Пластинчатые снятия по сырьевому составу и морфологии схожи с неолитическими древностями региона. Артефакты зафиксированы вблизи заболоченного водоема не выше 0,5 м от современного уровня воды, в то время как все более высокие сухие площадки оказались полностью стерильны в археологическом отношении (Марковский, Глушко, 2024. С. 176). Схожий контекст — максимальная близость находок к водоему — четко фиксируется и в материалах памятника Перешеечное-І в пойме озера Горькое-Перешеечное (Онников, 2006. С. 74), расположенного в соседней долине (рис. 1).

При поиске объектов неолитического времени и более ранних периодов надо учитывать, что гидрологическая карта юго-запада Алтайского края, а также прилегающих территорий северного Казахстана, активно менялась в период голоцена. Сохранившиеся культурные отложения сейчас могут располагаться очень близко к воде, на частично заболоченных или даже подтопляемых участках, что создает трудности при визуальном обследовании и ведении раскопочных работ.

История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье, 2019 / Под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа. 392 с.

Казьмин С.П., 2017. Генезис древних ложбин Обь-Иртышского междуречья // Сборник материалов XIII Международного научного конгресса «Интерэкспо-ГЕО-Сибирь 2017», 17–21.04.2017 г., Новосибирск. Т. 3. № 2. Новосибирск: СГУГиТ. С. 224–229.

Кирюшин К.Ю., Онников А.В., Тишкин А.А., 2019. Новые разрушения на поселении Рубцовское: необходимость сборов подъемного материала и аварийных исследований // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул: Изд-во АлтГУ. С. 91–97.

Клюкин Г.А., 2002. Рубцовский район. Памятники археологии // Краеведческие записки. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Т. Мохова. Рубцовск. С. 124–133.

Марковский Г.И., Глушко Н.В., 2024. Подъемные сборы в окрестностях села Бобково Алтайского края в ходе разведки в 2024 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXX. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 172–177.

Онников А.В., 2006. Археологический памятник в пойме озера Горькое-Перешеечное // Русская культура: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции 18–19 мая 2006 г. Ч. 1. Рубцовск: Рубцовский индустриальный институт. С. 73–79.

Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края, 1996. Барнаул: АлтГУ. $256~\mathrm{c}$.

Тишкин А.А., 1995. Поселение Рубцовское в пойме р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. Барнаул. С. 30–35.

Шмидт А.В., 2005. Неолит Приобского плато. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул. 24 с.

А.Р. Демкина

Новосибирский государственный университет, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск a.demkina@g.nsu.ru

ПЛАСТИНКИ В КОМПЛЕКСАХ РАННИХ ЭТАПОВ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА МОНГОЛИИ: СПЕЦИАЛИЗИРОВАННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ИЛИ ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ РАСЩЕПЛЕНИЯ¹

Памятники долины р. Их-Тулбэрийн-гол, правого притока р. Селенга в Северной Монголии, представляют собой многослойные стратифицированные местонахождения верхнего палеолита. В настоящее время изучены стоянки Толбор-4, -15, -16, -17, -21. Комплексы, которые можно отнести к начальному верхнему палеолиту (45000–40000 л. н.),

¹ Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 24-18-01099.

выделены в ансамблях Толбор-4 (гор. 6 и 5) и Толбор-21 (гор. 4). Они характеризуются доминированием пластинчатого компонента (Рыбин и др., 2023. С. 1053). В индустриях данного периода представлены нуклеусы-резцы и плоские маленькие нуклеусы для производства пластинок (пластин, имеющих ширину ≤12 мм) (Рыбин и др., 2016. С. 6).

Артефакты раннего верхнего палеолита зафиксированы во всех комплексах Толборской группы. Археологический материал этой культурно-хронологической страты присутствует в следующих горизонтах: Толбор-15 (гор. 6-7 и 5), Толбор-4 (гор. 4), Толбор-21 (гор. 3). Комплексы раннего верхнего палеолита Северной Монголии датируются радиоуглеродным методом в интервале от 35000 до 26000 л. н. (Rybin et al., 2020. Р. 140. Таb. 6). В выделенных стратиграфических подразделениях прослеживается увеличение доли пластинок и возрастает количество торцовых нуклеусов, которые использовались для производства мелких пластин. В зависимости от стоянки и используемого сырья их доля разнится. Получение пластинок ведется однонаправленным параллельным скалыванием в рамках подпризматического, призматического и плоскостного расщепления, но вместе с тем прослеживается и заметное несоответствие в остающемся относительно небольшим количестве мелкопластинчатых нуклеусов и высокой доле пластинок в составе продуктов первичного расщепления (Рыбин и др., 2016. С. 8; Хаценович, 2018. С. 17–18).

В ходе исследования рассматривалось производство пластинок в рамках специализированных технологий двух указанных этапов верхнего палеолита. Однако остается неясным, действительно ли торцовые нуклеусы, нуклеусы-резцы и плоские маленькие нуклеусы для производства пластинок оформлялись для производства пластинок, или это был финальный этап утилизации нуклеусов в рамках пластинчатого производства. Также вполне вероятно, что пластинки могли представлять собой побочный продукт расщепления при серийном производстве пластин.

Для изучения этой проблемы к.и.н. В.М. Харевичем (ИАЭТ СО РАН) проведена серия экспериментов по производству пластин и пластинок. В рамках экспериментального расщепления реплицирована технологическая цепочка утилизации следующих типов нуклеусов, характерных для ранних стадий верхнего палеолита Северной Монголии: подпризматический одноплощадочный монофронтальный, подпризматический двуплощадочный монофронтальный, подпризматический бипродольный, плоскостной одноплощадочный монофронтальный и нуклеус-резец (торцовый нуклеус для изготовления пластинок, оформленный на удлиненном массивном сколе) (Рыбин и др., 2023. С. 1048).

В основе исследования лежит слепой тест, в рамках которого технико-типологический анализ сколов и нуклеусов с применением атрибутивного подхода проведен экспериментатором и археологами, изучающими палеолит долины Толбора. В эксперименте использован 51 нуклеус. Автором настоящей работы этот анализ проведен для пластинок в количестве 504 экз. Для выявления корреляций с археологическим материалом изучены 90 пластинок и их фрагментов из гор. 4 памятника Толбор-4, а также привлечены полученные ранее данные атрибутивного анализа для пластинок этого комплекса. Просмотрены все сколы, произведенные в результате расщепления, из их числа для дальнейшего анализа отобраны пластинки (пластины, имеющие ширину 6–12 мм). При обработке выборки пластинок использован тип-лист, который применялся для анализа коллекций Толбора-15, -21. Помимо метрических параметров он включал характеристику вентральной поверхности, площадки (тип площадки, способ подправки приплощадочной зоны расщепления, наличие точки удара и губы), огранки дорсальной поверхности (тип огранки, количество граней, количество и направление сколов по секторам), тип окончания скола и др.

Результаты технико-типологического анализа экспериментальных пластинок сопоставлены с признаками пластинок памятников Толбор-15 и Толбор-21. Как показывают полученные данные, пластинки могли быть побочным продуктом при производстве крупных пластин. Такие пластинки часто не обладают параллельной огранкой, фрагментированы, имеют иррегулярные очертания, то есть, являются техническими/случай-

ными сколами. В ходе эксперимента подобные изделия непреднамеренно получены с нуклеусов для средних и крупных пластин. Нуклеусы-резцы также не могли обеспечивать серийное производство пластинок, сколы с них зачастую не обладают параллельной огранкой и регулярной формой. Таким образом, представления о высоком значении мелкопластинчатого производства на начальных стадиях верхнего палеолита Центральной Азии должны учитывать возможную погрешность в типологических определениях продуктов расщепления.

- Рыбин Е.П., Хаценович А.М., 2023. Начальный верхний палеолит Южной Сибири и Центральной Азии: концепции, хронология и пути распространения // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 68. Вып. 4. С. 1039–1071. https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.413.
- Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Павленок Г.Д., 2016. Последовательность развития индустрий раннего позднего палеолита Монголии // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этология. Антропология. Т. 16. С. 3–23.
- Хаценович А.М., 2018. Ранние этапы верхнего палеолита Северной Монголии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 30 с.
- Rybin E.P., Paine C.H., Khatsenovich A.M., Bolorbat T., Talamo S., Marchenko D.V., Rendu W., Klementiev A.M., Davakhuu O., Gillam J.C., Gunchinsuren B., Zwyns N., 2020. A new Upper Paleolithic occupation at the site of Tolbor-21 (Mongolia): Site formation, human behavior and implications for the regional sequence // Quaternary International. Vol. 559. P. 133–149.

А.С. Деревнина*, Д.Р. Плотников**, М.Б. Козликин**

*Новосибирский государственный университет **Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск fjellvarrulv@gmail.com, plotnikov_daniinl_romanovich@mail.ru, kmb777@yandex.ru

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЩЕРЫ БЕРЁЗОВКА НА АЛТАЕ

Долина р. Ануй в северо-западной части Российского Алтая сложена известняковыми породами. Развитие карстовых явлений по тектонически ослабленным зонам привело здесь к формированию пещер, навесов и гротов, служивших убежищами для древнего человека (Деревянко и др., 2003. С. 37). В регионе известны десятки археологических объектов широкой хронологии (Шульга, Шуньков, 2004. С. 34–71), включая опорный памятник – Денисову пещеру. Новый этап разведочных работ показал перспективность обнаружения в Ануйской долине не известных ранее стоянок, в том числе связанных с карстовыми формами рельефа (Козликин и др., 2020. С. 123). Одним из таких объектов стала пещера Берёзовка в 1 км к северу от одноименного села в Солонешенском районе Алтайского края. Местонахождение приурочено к борту глубокого лога, прорезанного сезонным водотоком и выходящего устьем к Аную на его правом берегу.

Пещера находится на высоте 367 м над уровнем моря и 20 м над дном лога. Полость выработана по субгоризонтальным, реже вертикальным трещинам известнякового скального массива. Вход подтреугольной формы ориентирован на юго-восток. Свод полого опускается до уровня пола, уходя на расстояние до 3,8 м от капельной линии. Перед входом в пещеру имеется относительно ровная площадка длиной около 4 м и шириной около 2,5 м, с легким наклоном в долину, резко переходящая в крутой склон.

На предвходовой площадке заложен шурф, исследованный до скального основания на максимальную глубину 3,1 м. В разрезе рыхлых отложений выделены пять литологических слоев, сложенных серовато-коричневыми и светло-коричневыми суглинками с включениями известнякового обломочного материала, опесчаненных и одресвяненных, содержащих фаунистические остатки и артефакты.

Палеонтологическая коллекция включает кости мелких и крупных млекопитающих, птиц и рептилий. В числе остатков мегафауны, согласно определению к.б.н. С.К. Васи-

льева, отмечены бурый медведь, пещерная гиена, мамонт, лошадь Оводова, шерстистый носорог, марал, косуля, сибирский козерог, бизон и архар.

Если генезис тафоценоза слоя 1 связан с жизнедеятельностью животных, то более чем на половине костей из слоя 2 фиксируются следы антропогенного воздействия — раскалывания, порезов, обжига. На боковом резце копытного из слоя 4 обнаружены борозды скобления. К слою 5 приурочен крупный фрагмент диафиза трубчатой кости со следами раскалывания и серией порезов на внешней стороне компактного вещества.

В пределах слоев 1 и 3 археологический материал не обнаружен.

Археологическая коллекция слоя 2 включает три фрагмента тулова от двух сосудов. Один из них орнаментирован наклонными оттисками гребенчатого штампа, на поверхности другого отмечены горизонтальные и наклонные борозды, вероятно, от щепы. Единственный каменный артефакт — отбойник на крупной уплощенной гальке песчаника со следами забитости на торцах и боковом ребре. В слое 4 обнаружены краевой скол с гладкой остаточной ударной площадкой и радиальной огранкой дорсальной поверхности, отщеп с точечной площадкой и ортогональной огранкой, а также манупорт — плитка сланца. Каменная индустрия слоя 5 включает отбойник, колотую гальку, обломки, отщепы, в том числе с ретушью. Для сколов характерны гладкая остаточная ударная площадка, продольная однонаправленная или ортогональная огранка. Один скол бивентральный, другой представляет собой краевое снятие с радиального нуклеуса.

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что слои 1 и 2 формировались в эпоху голоцена. Именно во время накопления слоя 2 карстовая полость наиболее активно использовалась человеком в качестве временной стоянки, о чем свидетельствуют кости со следами порезов, раскалывания и обжига. Фрагменты сосудов из этого слоя относятся, предположительно, к афанасьевской культуре раннего бронзового века. Аналогичная керамика обнаружена в Денисовой пещере, в 65 км выше по течению р. Ануй.

Плейстоценовая часть разреза представлена литологическими слоями 3–5. Во время их накопления костные остатки приносились в пещеру преимущественно хищниками, что подтверждает преобладание в остеологической коллекции образцов со следами погрызов и переваривания. Находки расколотых и порезанных костей, костяных отщепов и сколов бивня наряду с немногочисленными каменными артефактами свидетельствуют об использовании карстовой полости палеолитическим человеком в качестве места кратковременного пребывания. Малая представительность археологической коллекции пещеры Берёзовка пока не позволяет точно определить культурно-хронологическую принадлежность памятника. Но обнаруженные короткие отщепы с ортогональной огранкой и краевые сколы с радиальных нуклеусов наиболее характерны для индустрий сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая (Деревянко и др., 2013. С. 92–97), зафиксированных на ближайших к Берёзовке известных стоянках — пещерах Окладникова и Верхняя Сибирячиха в 12 км к югу, и пещере Чагырской, расположенной в 70 км к юго-западу.

- Деревянко А.П., Маркин С.В., Шуньков М.В., 2013. Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1. С. 89–103.
- Козликин М.Б., Васильев С.К., Шуньков М.В., 2020. Археологическая разведка в бассейне верхнего течения реки Ануй в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVI. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 119–123.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А., 2003. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 448 с.
- Шульга П.И., Шуньков М.В., 2004. Древнее прошлое Солонешенского района // Солонешенский район: очерки истории и культуры. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та. С. 34—71.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ ПОРЕЗОВ ОТ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ НА КОСТЯХ 1

Порезы – повреждения, непреднамеренно оставленные человеком на костях, зубах или роге животных в процессе разделки добычи. Это уникальный источник информации о пищевом поведении древнего человека. В результате многочисленных экспериментальных работ установлено влияние на порез таких факторов, как сырье, форма и наклон орудия, что, несомненно, является важнейшим шагом на пути к определению закономерностей формирования подобных повреждений (Greenfield, 1999; Maté-González et al., 2018). Один из наиболее эффективных методов – геометрико-морфометрический, позволяющий выявить сходства и различия форм следов без учета их размеров. Ранее было проведено исследование по определению влияния наклона и типа каменных орудий на форму пореза с помощью метода двухмерной геометрической морфометрии (Колясникова и др., 2023). В результате установлено, что угол наклона орудия влияет на форму пореза в некоторых случаях больше, чем форма его края. Порезы, нанесенные под разным углом орудиями с односторонней ретушью, схожи. Следы работы орудиями с двусторонней ретушью имели небольшие морфологические различия в зависимости от угла резания. Порезы неретушированным отщепом, делавшиеся под разными углами, значительно отличались. Геометрико-морфометрический анализ является эффективным и достоверным исследовательским инструментом, однако ограничивается лишь констатацией различия или сходства рассматриваемых объектов без уточнения морфологических особенностей. Еще к его недостаткам можно отнести то, что он требует значительного количества времени, что существенно удлиняет процесс изучения, особенно при работе с большим объемом данных.

В настоящем исследовании предлагается новый метод анализа формы порезов, заключающийся в их делении по категориям и дальнейшей оценке распределения профилей разных категорий по группам. Также сравниваются результаты применения метода двухмерной геометрической морфометрии (Колясникова и др., 2023. С. 54) и предлагаемого типологического анализа профилей порезов на костях каменными орудиями с разными типами лезвия под острым и прямым углами. Целью работы является определение эффективности типологического деления профилей порезов и возможностей применения такого метода.

В ходе эксперимента использовались фрагмент свежей лопатки коровы, очищенный от мяса, и каменные орудия из эффузивных горных пород с тремя типами лезвий: 1) без ретуши; 2) с односторонней ретушью; 3) с двухсторонней ретушью. На плоский участок лопатки орудием каждого типа наносились порезы под прямым углом (34) и под углом 45° (24) с одинаковым давлением на инструмент. Каждый порез делился на равные отрезки с промежутком 2 мм. При помощи промышленного профилометра Gocator получены профили 58 равноудаленных участков порезов.

В результате изучения следов определены семь форм профилей, обозначенные цифрами от 1 до 7 (рис. 1). При помощи нормированных гистограмм накопления проанализировано их распределение в исследуемых группах порезов. Порезы неретушированным отщепом под прямым углом преимущественно (65 % профилей) симметричны и имеют V-образную форму, соответствующую типу 5. У порезов под углом 45° форма более 80 % профилей ассиметрична (тип 1). У следов резания орудием с бифасиальной ретушью в зависимости от угла резания незначительно (30–40 %) преобладают следующие типы следов: 45° – тип 7; 90° – тип 1. У большинства порезов орудиями с односторонней рету-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ, проект № 25-28-00605 «Стратегии использования животных ресурсов неандертальцами Чагырской пещеры в позднем и среднем палеолите Алтая».

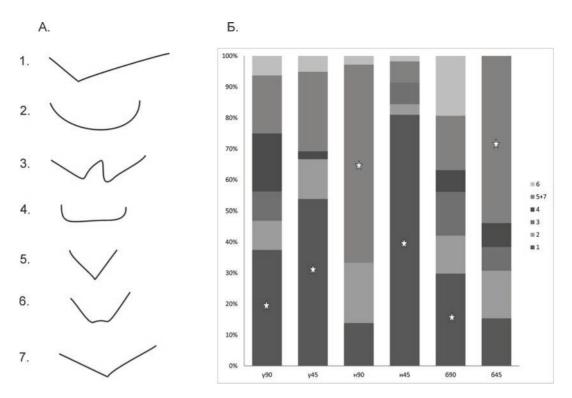

Рис. 1. Профили порезов от каменных орудий на костях.

A – основные типы профилей порезов от орудий с разным типом режущего края; B – распределение профилей разной формы у экспериментальных порезов.

Обозначения на графике (Б): у — край с унифасиальной ретушью; н — неретушированный край; б — край с бифасиальной ретушью; 45 — угол 45° ; 90 — угол 90° . Звездочками отмечены преобладающие типы порезов.

шью наблюдается один тип профилей — первый. Таким образом, при изменении угла работы наибольшие различия отмечены у порезов неретушированными отщепами, в меньшей степени — у порезов орудием с бифасиальной ретушью, а следы резания орудием с односторонней ретушью схожи по форме. Эти выводы совпадают с теми, что были сделаны в результате применения геометрико-морфометрического метода (Колясникова и др., 2023. С. 54). Деление профилей порезов по форме на типы эффективно и может в дальнейшем применяться в экспериментальных и археологических исследованиях для изучения палеолитических сообществ.

Колясникова А.С., Колобова К.А., Чистяков П.В., Жико А., 2023. Порезы на костях: влияние наклона и типа каменного орудия на морфометрические характеристики // Camera Praehistorica. N 2 (11). P. 40–55.

Greenfield H.J., 1999. The origins of metallurgy: distinguishing stone from metal cut-marks on bones from archaeological sites // Journal of archaeological science. Vol. 26. №. 7. P. 797–808.

Maté-González M.Á., Palomeque-González J.F., Yravedra J., González-Aguilera D., Domínguez-Rodrigo M., 2018. Micro-photogrammetric and morphometric differentiation of cut marks on bones using metal knives, quartzite, and flint flakes // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 10. № 4. P. 805–816.

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск Новосибирский государственный университет katlevina2002@gmail.com

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СКРЕБКОВ ИЗ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ¹

Скребки представляют собой один из наиболее распространенных типов верхнепалеолитических каменных орудий (Badenhorst, 2009), который традиционно ассоциируется с обработкой шкур, реже — рога/кости или дерева (Семенов, 1957; Федорченко, 2016). В связи с расширением применения метода экспериментального моделирования при изучении верхнепалеолитических каменных комплексов Российского Алтая (Левина, Федорченко, 2022) была сформирована сравнительная коллекция трасологических эталонов с учетом петрографических особенностей минерального сырья данного региона. Проведено сопоставление полученных данных с выборкой каменных орудий со скребковой морфологией: из верхнепалеолитических отложений центрального зала (слои 9 и 11) Денисовой пещеры — шесть скребков, из южной галереи (слой 11) — девять (Деревянко и др., 2021; 2003). Для изготовления скошенных и концевых скребков применялось вулканогенное сырье (n=11), единичные формы орудий выполнены на высококремнистом (n=1) и осадочном (n=3) сырье.

В рамках междисциплинарного изучения верхнего палеолита Алтая нами смоделированы технологии расщепления высококачественного минерального сырья (туфы, яшмоиды), доступного палеолитическим обитателям долин рек Ануй, Урсул и Катунь (n=13). Следующей задачей экспериментальных исследований стало получение сведений о динамике образования следов износа в процессе использования реплик каменных орудий при скоблении шкур барана, овцы и коровы.

Определение функционального назначения выявленных скребковых форм базировалось на данных экспериментально-трасологического анализа (Семенов, 1957; Keeley, 1980). Перед началом исследования все артефакты проходили обработку в ультразвуковой ванне.

На эталонах из яшмоида (n=5) при малом увеличении ×15 прослеживались следы интенсивной залощенности на поверхности. При увеличении ×200 вдоль кромочной линии отмечалась полоса из тусклой заполировки шириной до 2 мм, границы которой с неизношенной поверхностью размыты. Мельчайшие вкрапления кварца округлой или овальной формы, присущие этому сырью, нарушали рисунок заполировки. На эталонах из туфа (n=8) при увеличении ×15 фиксировалась незначительная скругленность рабочей кромки. При увеличении ×200 на рабочей кромке экспериментальных орудий наблюдалась выкрошенность, поверх которой читалась обволакивающая заполировка.

На основе проведенного исследования можно сделать предварительные выводы об особенностях формообразования макро- и микроследов износа на каменных орудиях из минерального сырья, характерного для Российского Алтая. Экспериментально-трасологический анализ верхнепалеолитических скребков из Денисовой пещеры позволил определить их функциональное назначение, время использования и характер обрабатываемого материала. Почти половина изученных орудий (n=7) применялась в качестве инструментов для обработки шкур. Распространение следов износа на рассматриваемой выборке связано исключительно с ретушированными краями заготовок, а именно, зоной оформленного скребкового лезвия. На изделиях фиксируется скругление рабочего края (×15) и слабо различимая «жирная» заполировка (×200), незначительно заходящая на

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 20-78-10125-П «Динамика культурного развития и освоение человеком Алтая в начале верхнего палеолита: стратегии жизнеобеспечения, палеотехнологии, мобильность».

дорсальную и вентральную плоскости в области рабочей зоны, образующая полосу глубиной до 2 мм и проникающая вглубь неровностей микрорельефа и негативов ретуши.

Функциональный анализ выборки скребков многослойного памятника Денисова пещера позволил подтвердить назначение и типологические характеристики 15 изделий. Результаты трасологического изучения были верифицированы на основе накопленных экспериментальных наблюдений и сравнительного анализа микро- и макропризнаков износа и обработки на эталонах, с учетом специфики местного сырья.

- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А., 2003. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 448 с.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Михиенко В.А., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., 2021. Исследование комплексов среднего и верхнего палеолита Денисовой пещеры в 2021 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 105–113.
- Левина Е.В., Федорченко А.Ю., 2022. Основные этапы экспериментально-трасологических исследований в палеолитоведении Алтая // Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 85–102.
- Семенов С.А., 1957. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.: АН СССР. 240 с.
- Федорченко А.Ю., 2016. Экспериментально-трасологическое исследование скребков поздней ушковской культуры (Центральная Камчатка) // КСИА. Вып. 243. С. 16–32.
- Badenhorst S., 2009. An ethnographic and historical overview of hide processing in southern Africa // Annals of the Transvaal Museum. Vol. 46. P. 37–43.
- Keeley L.H., 1980. Experimental determination of stone tool uses. London; Chicago: Univ. of Chicago Press. 212 p.

А.А. Можаева

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет aleksakokr@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ БИФАСИАЛЬНОЙ ОБРАБОТКИ В КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЯХ ПОСТНЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ (НА ПРИМЕРЕ НОВОИЛЬИНСКОЙ И БОРСКОЙ КУЛЬТУР)

Изготовление кремневых орудий с использованием технологии вторичного бифасиального утончения характерно для комплексов каменных индустрий Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху энеолита (Лычагина, 2022. С. 86). Превалирование бифасиальных изделий в орудийном наборе памятников гаринской культуры и синхронных ей комплексов (Карманов, 2023. С. 27–28) позволяет с большой долей уверенности относить такую обработку к одному из основных маркеров данного периода. При изучении бифасиального расщепления исследователи в большинстве случаев обращаются к материалам гаринской культуры как самой крупной энеолитической общности региона (Карманов, 2023; Можаева, 2024а), где эта технология представлена в развитом виде.

В рамках настоящей работы рассмотрены элементы применения бифасиальной техники в каменных индустриях новоильинской (постнеолит) (Лычагина, 2020. С. 219–221) и борской (энеолит) культур Верхнего и Среднего Прикамья. Методической основой исследования послужил технико-типологический анализ. Автором осуществлен сплошной осмотр коллекций из фондов Музея археологии и этнографии ПГГПУ, кабинета археологии ПГНИУ и Пермского краеведческого музея. Изучены все имеющиеся в этих коллекциях изделия с бифасиальной обработкой: 10 экз. с памятников новоильинской культуры (Чашкинское Озеро I, Гагарское III) и 33 экз. – с памятников борской культуры (Боровое Озеро VI, Бор III, Бор IV, Бор V).

Характерным признаком новоильинской культуры является отщепово-пластинчатая индустрия с присутствием неолитоидных черт (Лычагина, 2022. С. 81–82). Ее отличительная особенность – использование плитчатого кремня для изготовления орудий (ножи и др.). Наконечники, как правило, выполнялись на пластинах и пластинчатых отщепах (Лычагина, 2022. С. 81). Во вторичной обработке применялась как покрывающая бифасиальная, так и краевая двусторонняя ретушь. В каменном инвентаре памятников борской культуры также прослеживаются неолитоидные черты, каменная индустрия – пластинчатая. Среди орудий распространены ножи и скребки на пластинах, листовидные наконечники стрел с приостренным основанием (Можаева, 2024б. С. 94–95).

Для новоильинской культуры характерны небольшая доля изделий со следами бифасиальной обработки (листовидные (4 экз.) и пятиугольные (1 экз.) наконечники, листовидные ножи (2 экз.)); сохранение традиций использования краевой ретуши при оформлении орудий на пластинчатых отщепах — наконечников (2 экз.) и ножей (1 экз.) листовидных форм; присутствие заготовок орудий на различных стадиях отделки; незначительное количество чешуек и сколов вторичного утончения. Стоит заметить, что готовые формы бифасиально обработанных наконечников находятся на завершающих стадиях вторичного утончения, в то время как ножи с бифасиальной ретушью — на стадии двусторонней оббивки.

Борской культуре присуща незначительная доля наконечников и бифасиальных изделий среди орудий. Кроме того, фиксируется сочетание краевой (5 экз.) и бифасиальной (14 экз.) обработки (в борской культуре по сравнению с гаринской количество предметов на пластинах / пластинчатых отщепах с краевой ретушью увеличивается); наличие незначительного числа заготовок бифасов, находящихся на различных стадиях обработки, и сколов вторичного утончения. Следует отметить, что среди наконечников превалируют бифасиально обработанные орудия листовидных форм с округлым основанием (6 экз.). По мнению исследователей, наконечники с усеченным/вогнутым основанием (6 экз.) могут быть случайной примесью артефактов гаринской культуры, поселения которой располагались в непосредственной близости от борских комплексов (Мельничук, 2021. С. 191–192).

Подводя итоги, можно заключить, что в каменных индустриях новоильинской и борской культур Верхнего и Среднего Прикамья фиксируется бифасиальное расщепление, но оно не столь широко распространено, как в гаринской культуре (Можаева, 2024в. С. 90). Доля подобных предметов в коллекциях памятников составляет 1–5 %. Среди материалов имеются и бифасиальные изделия, и орудия, оформленные краевой ретушью. В свою очередь, технологические комплексы сочетают в себе как бифасиальное, так и призматическое расщепление. Завершенные формы бифасиальных изделий выполнены и двусторонней оббивкой, и в ходе вторичного утончения. Все эти признаки могут отражать переходный период постнеолитических и ранних энеолитических культур. Таким образом, мы приходим к выводу, что бифасиальная обработка в новоильинской и борской культурах имеет эпизодический характер, а традиции такого расщепления находятся на этапе складывания.

Карманов В.Н., 2023. Гаринская традиция бифасиального расщепления кремня и проблема поиска ее истоков // РА. № 4. С. 20–35.

Лычагина Е.Л., 2020. Неолит Верхнего и Среднего Прикамья. Пермь: ПГГПУ. 364 с.

Лычагина Е.Л., 2022. Энеолит Среднего Предуралья // Очерки археологии Пермского Предуралья / Ред. Н.Б. Крыласова. Пермь: ПГГПУ. С. 75–96.

Мельничук А.Ф., 2021. Памятники борского типа в Верхнем и Среднем Прикамье // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 2. Энеолит и бронзовый век / Отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ. С. 187–194.

Можаева А.А., 2024а. О проблеме изучения бифасиальной обработки в энеолите на территории Верхнего и Среднего Прикамья // Актуальная археология 7. Материалы международной научной конференции молодых ученых / Отв. ред. А.М. Киселева. СПб.: ИИМК РАН. С. 74—76.

Можаева А.А., 2024б. Наконечники с памятников борской энеолитической культуры в Чусовском Прикамье (к вопросу о разработке универсальной типологии) // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XXIV. Пермь. С. 93–101.

Можаева А.А., 2024в. Каменные наконечники с энеолитических памятников бассейна Средней Камы // СНВ. Т. 13. № 2. С. 88–97.

А.В. Некипелова

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск nekipelova@igm.nsc.ru

ОСАДОЧНЫЕ ЛЕТОПИСИ: ГЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ВЕЩЕСТВА И ИНТЕНСИВНОСТЬ ЗАСЕЛЕНИЯ ПЕЩЕР ЖИВОТНЫМИ И ЧЕЛОВЕКОМ¹

Для пещерных осадочных последовательностей характерно достаточно сложное строение. В них стратиграфические подразделения – слои/горизонты – деформируются, развиваются асимметрично и/или резко меняют мощность. Картину усложняют также фациальная изменчивость горизонтов и возможное смешение осадков различных возрастов и генетических типов. Расчленение пещерных разрезов, основанное на объективных минералогических/химических критериях, приобретает особенную важность, поскольку позволяет отслеживать смешение разновозрастных археологически значимых материалов из отдельных горизонтов обитания. Систематическая минералогическая аттестация осадков, слагающих разрезы пещерных памятников, позволяет реконструировать главные источники вещества в них и на этой базе выделять рубежи обитания животных и человека в конкретном пространстве.

Вещественные характеристики осадков пещерных памятников задаются соотношением в них материала трех различных источников (White, 2007. Р. 77). Рассмотрим их на примере разреза восточной галереи Денисовой пещеры, совмещающего: (i) геогенный материал – вещество карстующегося массива и поступавший извне силикокластический материал, мобилизованный процессами выветривания; (ii) материал, связанный с биотической активностью обитателей пещеры, – кости и копролиты, претерпевшее биодеградацию вещество гуано насекомоядных летучих мышей, а также мелкие гальки сланцев из наносов р. Ануй, доставленные в пещеру животными/человеком на подошвах или с добычей; (iii) антропогенный материал – каменные и костяные артефакты, а также продукты сжигания древесины (уголь, зола и продукты ее преобразования).

Количественный рентгенофазовый анализ отобранных по профилю образцов осадков низов плейстоценового разреза восточной галереи Денисовой пещеры выполнен в ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН. Диагностика отдельных фаз этих осадков осуществлена в ЦКП Многоэлементных и изотопных исследований СО РАН с использованием метода сканирующей электронной микроскопии (СЭМ). Данные по фазовому составу изученных осадков приведены в табл. 1.

Геогенный материал (на примере слоя 17.2). На начальных этапах формирования карста пещерная полость фактически не сообщалась с внешней средой. Тогда в результате растворения кальцита и накопления нерастворимого минерального остатка известняков формировался характерный внутрипещерный осадок. Он преимущественно состоит из кварца, слюды и содержит специфический минерал каолинит, образованный за счет выветривания алюмосиликатов в условиях влажных субтропиков. Когда пещерная полость стала слабо сообщаться с внешней средой, в нее также начал поступать материал местных грунтов, занесенный ветром и/или смытый с поверхности. Маркером этого процесса в умеренном климате является хлорит. Кроме того, вследствие температурных колебаний внутри пещерной полости начали осыпаться фрагменты известняка, в результате чего в осадке выросла доля кальцита.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-78-10006, https://rscf.ru/project/24-78-10006/.

Табл. 1. Фазовый состав осадков слоев 17.2 (МИС 8-9), 17.1 (МИС 8), 16 (МИС 7-8) и 15 (МИС 7) восточной галереи Денисовой пещеры. Данные количественного рентгенофазового анализа и СЭМ

Фаза		Слой						
		17.1	16	15				
Кварц SiO_2								
Слюда $\mathit{KAl}_2[\mathit{AlSi}_3O_{\mathit{10}}](\mathit{OH})_2$								
Каолинит $Al_4[Si_4O_{10}](OH)_8$								
Хлорит $(Mg,Fe)_3(Si,Al)_4O_{10}(OH)_2 \cdot (Mg,Fe)_3(OH)_6$								
Плагиоклаз $Na[AlSi_3O_8]$								
Кальцит $CaCO_{_{\it 3}}$								
Биоапатит $Ca_{5}[PO_{4}CO_{3}]_{3}(OH)$								
Фосфаты Ca и Ca-Mg								
Органическое вещество								
Древесный уголь								
Продукты преобразования древесной золы – кальцит, обладающий специфической скаленоэдрической морфологией								

Символы отражают относительное содержание фаз в осадке:

■■ – основная; ■ – обильная; □ – редкая; нет символа – отсутствует.

Материал, связанный с биотической активностью обитателей пещеры (на примере слоев 17.1 и 16). На данном этапе пещерная полость уже в достаточной мере сообщалась с внешней средой. В ней существовала и развивалась жизнь – от микробиоты, членистоногих и мелких позвоночных до крупных хищников. В составе этих пещерных осадков впервые появляются прямые маркеры биотической активности: органическое вещество; фрагменты костей и копролитов, сложенных биоапатитом; претерпевшее глубокую биохимическую деградацию вещество гуано насекомоядных летучих мышей – хитиновый экзоскелет насекомых и спрессованная N-содержащая органика, а также новообразованные фосфаты Са и/или Са-Мд. Для Денисовой пещеры был, кроме того, выявлен косвенный минеральный маркер биотической активности – плагиоклаз, образующий гальки сланцев и практически не встречающийся в известняке. Долина р. Ануй преимущественно сложена зелеными сланцами. Соответственно, в ее осадках этот материал встречается в изобилии. Вероятно, крупные хищники (гиены или медведи) могли осуществлять занос мелких галек (до 1–2 см в длину) и гравия сланцев в пещеру на своих шкурах, подошвах или с добычей.

Специфический антропогенный материал (на примере слоя 15). В этом слое впервые появляются специфические и однозначные маркеры посещения пещеры человеком – различные артефакты (в том числе микроартефакты – силицитовые отщепы размером 1×0.5 мм), а также продукты сжигания древесины – уголь, зола и продукты ее преобразования. В осадках Денисовой пещеры указанные материалы идентифицированы с использованием метода СЭМ. Такая техника особенно эффективна при поиске следов использования огня, поскольку рассеянные в осадке микрочастицы угля и особенно золы фактически невозможно обнаружить без применения специальной аппаратуры.

White W.B., 2007. Cave sediments and paleoclimate // Journal of Cave and Karst Studies. Vol. 69. P. 76–93.

КАМЕННЫЙ ДИСК-НАВЕРШИЕ С ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИТОБОЛЬЯ

Возле деревни Охотина, на территории Белозерского округа Курганской области, обнаружен каменный диск-навершие. Находка передана в дар местному музею. Диск сделан из мягкой породы камня зеленоватого оттенка, имеет овальную форму, размеры 9,7 × 8,6 см, толщину 1,4 см. В центре его находится отверстие диаметром 3 см. Внешняя поверхность хорошо отшлифована и орнаментирована по всему периметру двойным зигзагом. Аналогии такому орнаменту встречаются на «Антоновском диске» (Горячев, 2021. С. 275). Радиальные линии делят изделие на девять относительно равных секторов. Поверхность испещрена насечками и царапинами, на ней заметны светлокоричневые пятна, возможно, появившиеся в результате воздействия грунта. По краям фиксируются сколы.

Всего известно около 20 подобных дисков. Все они сделаны из мягких пород камня (тальк, талькохлорит и др.), имеют округлую или овальную форму, в большинстве орнаментированы (Храмцов, 2021. С. 332). Ю.Б. Сериков отмечает высокий уровень стандартизации данных артефактов в плане размеров и техники изготовления, описывает способы их производства, в частности, указывает, что для получения отверстий использовался метод встречного пикетирования (Сериков, 2018. С. 12, 65).

До появления рассматриваемой находки все подобные предметы происходили с территории Урала и Зауралья. Датируются они в широком диапазоне от мезолита до раннего железного века, но преимущественно относятся к энеолиту – раннему железному веку (Храмцов, 2021. С. 332).

Существует несколько точек зрения по поводу назначения этой категории артефактов. В основном исследователи придерживаются мнения, что диски выполняли функцию календарей, также их интерпретируют как амулеты, связанные с удачей в добыче пищи (Сериков, 2015. С. 499; Герасименко, 2004. С. 83). С.Н. Савченко и М.Г. Жилин отмечают, что диск, обнаруженный на мезолитической стоянке Береговая II, возможно, был навершием ритуального орудия — булавы (Савченко, Жилин, 2020. С. 96). Подобные изделия

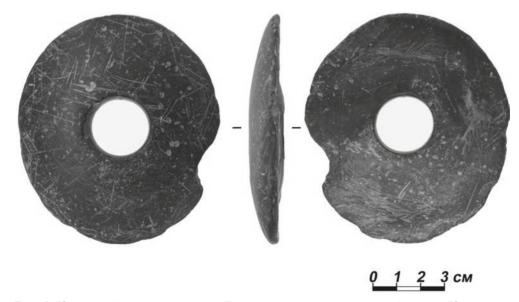

Рис. 1. Каменный диск-навершие. Белозерский муниципальный округ, Курганская область. Случайная находка.

могли служить и навершиями посохов, использовавшихся, например представителями жречества. Можно сказать, что диски-навершия определяли статус и престиж их владельцев (Сериков, 2019. С. 12).

Шлифованные диски — уникальные артефакты, имеющие достаточно небольшую территорию распространения (Зауралье). Ввод в научный оборот новой находки из Притоболья расширяет их ареал.

- Герасименко А.А., 2004. Древний календарь и календарная мифология населения Среднего Зауралья (опыт интерпретации одной находки) // Четвертые Берсовские чтения / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: АКВА-ПРЕСС. С. 83–90.
- Горячев С.В., 2021. Возможная трактовка изображений на каменном диске, обнаруженном около уральского поселка Антоновский, и аналогичных элементов изображений на подобных каменных дисках Урала // Тверской археологический сборник. Вып. 12 / Ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Издательство "Триада"». С. 273–288.
- Савченко С.Н., Жилин М.Г., 2020. Каменный диск-навершие из позднемезолитического слоя стоянки Береговая II в Среднем Зауралье // КСИА. Вып. 259. С. 86–99.
- Сериков Ю.Б., 2015. Об одном из признаков статусных изделий // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ. С. 492–504.
- Сериков Ю.Б., 2018. К вопросу о технике изготовления отверстий большого диаметра в каменных изделиях неолита-бронзы Урала // Поволжская Археология. № 1 (23). С. 56–73.
- Сериков Ю.Б., 2019. Предметы неутилитарного назначения в кладах каменных изделий Урала и Сибири // Народы и религии Евразии. № 1 (18). С. 7–17.
- Храмцов М.В., 2021. К вопросу о шлифованных дисках среднего Зауралья: технология, функция, интерпретация // Археология Евразийских степей. № 5. С. 328–334.

Т.Ю. Пантелеева

Самарский государственный социально-педагогический университет Panteleeva.tatyana.99@mail.ru

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА ПОСУДЫ БЕЗ ОРНАМЕНТА И УКРАШЕННОЙ НАКОЛАМИ В РАННЕМ НЕОЛИТЕ ЛЕСНОГО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ¹

В настоящее время на территории Марийского Поволжья известно порядка 60 пунктов с ранненеолитической посудой, которая представлена двумя группами: неорнаментированной и украшенной наколами. В вопросах культурно-хронологической атрибуции этих групп среди исследователей существуют определенные разногласия. Одни считают, что они отражают различные этапы развития неолита региона (Выборнов, 2017. С. 161), другие же придерживаются мнения об их одновременном бытовании (Никитин, 2011. С. 90). Для решения поставленного вопроса, на наш взгляд, необходимо рассмотреть поселения с ранненеолитической посудой, где при раскопках фиксировались закрытые археологические комплексы.

На Отарской VI изучено 16 жилищ (Никитин, 2011. С. 68). Нами проанализированы наиболее выразительные коллекции ранненеолитической посуды двух из них. В первом (№ 4) неорнаментированные и украшенные наколами сосуды (27 ед.) представлены практически в равном количестве (44 % и 56 %, соответственно). Судя по реконструированным экземплярам, они в основном имеют баночную (50 % и 33 %) или горшковидную (50 % и 50 %) формы, также встречена одна округлодонная чаша, украшенная наколами. Доминируют прямые (58 % и 44 %) венчики, реже встречены прикрытые (25 % и 33 %) или открытые (17 % и 23 %). Край горла имеет округлый (33 % и 56 %), плоский (33 % и 22 %), скошенный внутрь/наружу (9 % и 22 %) и приостренный (25 % и 0 %) срез. Характерной чертой является наличие сквозных отверстий на шейке (75 % и 77 %).

 $^{^1}$ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

Аналогичная ситуация фиксируется и в жилище № 14. Здесь также в равной степени представлены неорнаментированные (42 %) и накольчатые (58 %) сосуды (31 ед.). Они имеют баночную (44 % и 22 %) или горшковидную (56 % и 78 %) формы. Венчики прямые (62 % и 50 %) или прикрытые (31 % и 44 %), один неорнаментированный сосуд имеет открытый профиль. Срезы горловин представлены округлыми (38 % и 67 %), плоскими (38 % и 22 %) и приостренными (24 % и 11 %) формами. Сквозные отверстия на шейке также довольно распространены (70 % и 94 %)

На поселении Дубовское III изучены остатки 13 построек (Никитин, 2011), из них нами проанализированы материалы жилищ № 5 и 6. В первом преобладают сосуды с наколами (14 ед.), реже они лишены орнамента (5 ед.). Емкости представлены горшковидной (60 % и 60 %) и баночной (40 % и 20 %) формами, зафиксирована одна округлодонная чаша без орнамента. Венчики прямые (60 % и 60 %) или прикрытые (40 % и 40 %), срез плоский (40 % и 80 %) или округлый (60 % и 20 %).

В жилище № 6 неорнаментированные сосуды и сосуды, украшенные наколами (10 ед.), представлены в равном количестве. Неорнаментированная группа характеризуется горшковидными (75 %) или баночными (25 %) емкостями. В накольчатом комплексе, ввиду сильной фрагментированности, реконструировать формы не удается. Венчики прямые и прикрытые. В выборке неорнаментированных их срез плоский или скошен наружу, у накольчатых — округлый и скошенный внутрь. Сквозные отверстия имели два сосуда.

Результаты технико-технологического анализа демонстрируют однородность рассматриваемых групп. Посуда изготавливалась из илистых глин. В качестве примеси использовались шамот и органический раствор, реже шамот с обожженной глиной и органическим раствором. Также применялся единый способ конструирования сосудов – лоскутный налеп с использованием форм-моделей (Васильева, Выборнов, 2015. С. 78).

Неорнаментированная посуда рассматриваемых памятников получила единичные ранние (7000–6800 лет ВР) и более многочисленные поздние (6150–5700 лет ВР) датировки. Последние в большей степени согласуются с серией дат по керамике с накольчатой орнаментацией (6500–6300 лет ВР) (Выборнов, Никитин, 2016. С. 126). Они маркируют этап сосуществования обеих традиций.

Таким образом, можно констатировать, что неорнаментированная и украшенная наколами посуда залегает в закрытых комплексах совместно и имеет близкие морфологические черты. Последнее обстоятельство проявляется в форме емкостей, профилировке горловин, конструкции среза венчика, а также традиции нанесения сквозных отверстий. Результаты технико-технологического анализа также свидетельствуют о сходных традициях отбора сырья и составления формовочных масс при конструировании посуды обеих групп. Они имеют близкие хронологические рамки бытования. Ввиду этого гипотеза о культурном единстве неорнаментированной и украшенной наколами ранненеолитической посуды Марийского Поволжья, на наш взгляд, выглядит убедительной. В результате настоящего исследования она получила дополнительное подтверждение. Наконец, важно отметить, что в сопредельном регионе (лесостепное Поволжье) на стоянке Лужки II исследователи отмечают не только одновременное использование разных типов посуды (неорнаментированной, накольчатой, гребенчатых), но и их культурно-хронологическое единство (Сомов и др., 2022. С. 170).

Васильева И.Н., Выборнов А.А., 2015. Некоторые аспекты изучения неолита Марийского Поволжья // Вопросы археологии эпохи камня и бронзы в Среднем Поволжье и Волго-Камье. Вып. 31. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 68–98.

Выборнов А.А., 2017. Спорные вопросы изучения раннего неолита Марийского Поволжья // Поволжская археология. № 1 (19). С. 157–168.

Выборнов А.А., Никитин В.В., 2016. Радиоуглеродные данные по неолиту Марийского Поволжья // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII—III тысячелетия до н.э. / Сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток. С. 123–128.

Никитин В.В., 2011. Ранний неолит Марийского Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 470 с. Сомов А.В., Андреев К.М., Рослякова Н.В., 2022. Неолитическая стоянка Лужки II в лесостепном Поволжье (первые результаты исследований) // Самарский научный вестник. Т. 11. № 4. С. 166–182.

А.В. Первакова

Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна Pervakova01@inbox.ru

ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ПАМЯТНИКА СОКОЛОВА ПУСТЫНЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2023 г.)

Памятник Соколова Пустынь находится на левом берегу р. Ока, на юге Московской области, открыт С.Н. Астаховым в 1958 г. В ходе его изучения получены разновременные материалы от мезолита до Средневековья (Потемкина и др., 2013. С. 261). На памятнике условно выделены три площадки: верхняя (раскоп 2 –141,5 кв. м), средняя (раскоп 6 – 120 кв. м) и нижняя (раскоп 3 – 53,1 кв. м). Раскопы 2 и 6 почти примыкают друг к другу. В них исследованы могильник V–VII вв. и поселение IV–Vвв., на нижней площадке – могильник X–XI вв. и поселение IV–V вв. Во всех раскопах обнаружен каменный инвентарь (Сыроватко, 2023). Стратиграфия на разных участках памятника схожа: дерн; коричневый песок (пахотный слой) – отсутствует в раскопе 3; черный песок (культурный слой поселений и могильников); погребенная почва (серый песок, переходящий в белесый оподзоленный горизонт); желтый ожелезненный песок, в котором залегают изделия из камня.

Табл. 1. Типологический состав каменного инвентаря, полученного при исследовании памятника Соколова Пустынь в 2023 г.

Категория	Раскоп 2	Раскоп 3	Раскоп 6	Без указания раскопа	Всего
Нуклевидные	3	15	0	0	18
Нуклеус	1	6	0	0	7
Ребристая пластина	0	6	0	0	6
Ребристая пластинка	0	2	0	0	2
Нуклевидный осколок	2	1	0	0	3
Дебитаж	156	535	351	8	1050
Отщеп	106	327	216	6	655
Пластина	4	25	3	0	32
Пластинка	1	11	6	0	18
Микропластинка	1	6	1	0	8
Осколок	44	166	125	2	337
Морфологически невыраженные орудия	29	40	59	1	129
Отщеп с ретушью	20	22	31	1	74
Пластина со следами использования	6	13	12	0	31
Пластинка со следами использования	1	1	2	0	4
Осколок с ретушью	0	4	13	0	17
Пластинчатый отщеп со следами использования	2	0	1	0	3
Морфологически выраженные орудия	16	47	22	0	86
Неопределенные обломки орудий	0	5	9	0	14
Технологические сколы	1	3	1	0	5
Всего	205	645	442	9	1301

Табл. 2. Распределение морфологически выраженных орудий по заготовкам и раскопам

		Раскоп 2			Раскоп 3			аскоп 6		Всего
Тип заготовки	Отщеп	Пластина	?	Отщеп	Пластина	?	Отщеп	Пластина	?	
Скребки	2	0	0	12	3	1	2	0	0	20
Концевой скребок	0	0	0	4	3	0	1	0	0	8
Подчетырехугольный скребок	0	0	0	3	0	0	0	0	0	3
Боковой скребок	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Обломок скребка	1	0	0	5	0	1	1	0	0	8
Резцы	2	0	1	4	3	0	1	2	1	14
Резец на сломе заготовки	1	0	1	0	3	0	0	2	0	7
Двугранный резец	0	0	0	4	0	0	1	0	1	6
Ретушный резец	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Перфораторы	0	0	1	3	4	1	0	0	0	9
Проколка	0	0	0	3	4	0	0	0	0	7
Сверло	0	0	1	0	0	1	0	0	0	2
Наконечники стрел	0	1	0	1	0	2	0	1	2	7
Треугольно-черешковый	0	0	0	0	0	2	0	0	0	2
Треугольный с вогнутой базой	0	0	0	1	0	0	0	0	0	1
Листовидный	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Обломок черешкового	0	1	0	0	0	0	0	1	0	2
Заготовка листовидного (?)	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Выемчатое орудие	0	0	0	3	1	0	5	0	0	9
Долотовидное орудие	0	1	0	1	0	2	1	0	0	5
Пластина с ретушью	0	0	0	0	2	0	0	2	0	4
Пластинка с ретушью	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1
Обломок заготовки рубящего орудия	0	0	2	0	0	0	0	0	1	3
жоН	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1
Клиновидное орудие	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Комбинированное орудие скребок-скобель	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Заготовка орудия	1	0	0	0	1	0	1	0	0	3
Орудие	2	0	0	1	1	1	3	0	0	8
Всего	9	4	4	25	15	7	13	5	4	86

Коллекция каменных артефактов насчитывает 1301 предмет: 205 — в раскопе 2, 645 — в раскопе 3, 442 — в раскопе 6; место обнаружения 9 находок неизвестно. В качестве сырья использовался местный карбоновый кремень желтого и коричневого оттенков. Сохранность большинства изделий хорошая. Выделяется группа предметов из окатанного моренного кремня. Наибольшая коллекция материала происходит из раскопа 3 — самого незначительного по площади (табл. 1). Средняя плотность находок на 1 кв. м в раскопе 2 — 1,44, в раскопе 6 — 3,68, в раскопе 3 — 12,1.

В целом в исследуемой выборке представлены все основные группы каменного инвентаря (табл. 1). Анализ индустрии, прежде всего, предметов охотничьего вооружения, показал, что в коллекции имеются разновременные механически смешанные изделия. Наконечник на пластине с частично бифасиальной обработкой и заготовка листовидного (?) наконечника, обработанного уплощающей ретушью с двух сторон (раскоп 6), предположительно связаны с верхневолжской ранненеолитической культурой. Два двусторонне обработанных отжимной ретушью наконечника — треугольно-черешковый и треугольный с вогнутой базой — могут быть отнесены к позднему неолиту и эпохе бронзы. Находки этих предметов не противоречат наличию на памятнике разновременной неолитической керамики и фрагментов сосудов эпохи бронзы. Еще два обломка наконечников стрел из пластин, возможно, имеют мезолитический возраст.

Сравнительный анализ состава изделий по раскопам показал высокую степень сходства. Оно заключается в 1) низком уровне пластинчатости (от 0,09 до 0,144); 2) преобладании среди пластинчатых заготовок пластин; 3) количестве орудий на отщепах, которых примерно в два раза больше. Процентное содержание основных категорий инвентаря практически одинаково: доля сколов (пластин и отщепов) составляет от 76 до 84 %, а доля морфологически выраженных орудий – от 6 до 8 % (табл. 1). Все нуклеусы в коллекции (5 одноплощадочных и 1 многоплощадочный) сильно истощены. Лишь одно одноплощадочное ядрище зафиксировано в раскопе 2, остальные обнаружены на площади раскопа 3, там же найдены и все ребристые пластины. Однако доля первичных сколов в раскопе 2 составляет 16 %, а в раскопах 3 и 6 – 3 % и 4 % соответственно. В раскопах 2 и 6 орудия малочисленны, хотя представлены различные их категории. В раскопе 3 доминируют скребки (14), среди которых есть как концевые на пластинах, так и подчетырехугольные. Последние – характерная форма для поздненеолитических индустрий.

Анализ коллекции каменного инвентаря из раскопок 2023 г. в Соколовой Пустыни показал, что на «нижней» площадке на протяжении мезолита, неолита и, вероятно, бронзового века велась наиболее интенсивная деятельность, связанная с первичным расщеплением и изготовлением/работой каменными орудиями. Выделить гомогенные комплексы на данный момент не представляется возможным.

Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., 2013. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднедьяковского времени // КСИА. Вып. 230. С. 260–266.

Сыроватко А.С., 2023. Отчет о раскопах могильника и селища Соколова Пустынь в Ступинском районе Московской области в 2023 г. // Архив ИА РАН. Р. 1.

Д.Р. Плотников, А.С. Деревнина, М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск plotnikov_daniil_romanovich@mail.ru

АНТРОПОГЕННЫЕ СЛЕДЫ НА КОСТЯХ ИЗ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ¹

В рамках зооархеологических исследований материалов Денисовой пещеры на Алтае проведена ревизия ряда остеологических коллекций. В них выявлен 941 фрагмент костей с выраженными следами антропогенного воздействия. Повреждения можно разделить на четыре основные группы: следы раскалывания, рубки, скобления и резки.

Древнейшие костные остатки со следами утилизации относятся к МИС 8 и обнаружены в верхней части слоя 22 центрального зала — шесть образцов. Пять из них — части стенок диафизов трубчатых костей. На двух отмечены поперечные, на одном — диагональные порезы. Еще один фрагмент имеет поперечные и диагональные непересекающиеся порезы. На одном образце зафиксированы порубы. Последний предмет — медиальный фрагмент ребра крупного млекопитающего с короткими поперечными порезами на внешней стороне.

В фаунистической коллекции из отложений эпохи МИС 7 (слои 21 и 20 в центральном зале, 15 и 14 в восточной и 18 и 17 — в южной галереях) выявлено 235 костей со следами утилизации. Большинство (88,5 %) следов локализуется на трубчатых костях: 97,9 % в медиальной зоне диафизов, 1,3 % — на диафизе близ эпифиза, 0,4 % — на эпифизе. Доля ребер составляет 10,3 %, фрагменты черепов и фаланг единичны. Весь материал фрагментирован.

Основными типами воздействия человека являются диагональные (48,1%) и поперечные (31,5%) следы срезания плоти. Продольные порезы, скобление, порубы и следы раскалывания составляют 4,2%, 2,1% и по 1,7% соответственно. Среди комбинированных следов наиболее часто встречаются сочетания поперечных и диагональных (4,7%),

 $^{^1}$ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-78-10006, https://rscf.ru/project/24-78-10006/.

продольных и диагональных порезов (1,7 %), диагональных и поперечных порезов и порубов (по 1,3 %). Сочетания продольных и диагональных порезов и диагональных порезов и скобления единичны.

Коллекция костей со следами утилизации из слоев МИС 6 (слой 19 в центральном зале, 13 в восточной и 16 – в южной галерее) насчитывает 78 экз. Следы локализуются в медиальной части диафизов трубчатых костей (96,1 %) или на диафизах близ эпифизов (3,8 %). Единичный порез зафиксирован на арке позвонка. Среди частей скелета преобладают трубчатые кости конечностей (84,6 %) и ребра (12,8 %). Имеются кость пястья и позвонок. Целые кости отсутствуют. На продольно-поперечные фрагменты приходится 93,6 % коллекции, поперечные — 3,8 %. Один фрагмент продольный.

Основными свидетельствами антропогенного воздействия являются диагональные (37,2%) и поперечные (33,3%) порезы. Порубы, продольные порезы и скобление составляют 3,8%, 2,6% и 1,3% соответственно. Среди комбинированных повреждений большинство сочетает поперечные и диагональные порезы (14,1%) и поперечные порезы и следы раскалывания кости (2,6%). Остальные сочетания повреждений, к которым относятся комбинации продольных и поперечных порезов, поперечных порезов с порубами или скоблением, зафиксированы однократно.

Выборка костей из отложений эпохи МИС 5 (слои 17–14 центрального зала, 12.3-11.3 восточной и 15-13 – южной галереи) насчитывает 349 экз. Большинство (87,4 %) следов локализуется на трубчатых костях: в медиальной зоне (95,9 %), близ эпифизов (2 %) и на эпифизах (0,6 %). На ребрах – 10,6 %. Имеются также три кости пояса конечностей, два позвонка, часть черепа и фаланга. Все кости фрагментированы.

Следы в основном представлены диагональными (30,7 %), поперечными (29,8 %) и продольными (3,7 %) порезами. Реже встречаются скобление (5,2 %) и порубы (1,1 %). Среди комбинированных следов частым является сочетание поперечных и диагональных порезов (5,4 %). В равном количестве отмечены сочетания поперечных или диагональных порезов со следами раскалывания, диагональных порезов и порубов – по 1,4 %. По два образца имеют комбинации продольных и поперечных, продольных и диагональных порезов, поперечных порезов и скобления. Поперечные порезы и порубы, порубы со следами расщепления или скобления, скобление со следами расщепления или диагональных порезов зафиксированы однократно.

Рассмотренные данные позволяют выделить ряд общих и частных тенденций в стратегиях утилизации костного материала, не выявленных ранее (Деревянко и др., 2003. С. 194—95). В первую очередь необходимо отметить особенности пищевых стратегий начальной стадии среднего палеолита (МИС 8—7). Преобладающими операциями в этот период являлись удаление мяса и расщепление кости для получения костного мозга (на что указывает полная фрагментация остеологической коллекции). Удаление мяса производилось преимущественно с медиальных участков диафизов трубчатых костей и ребер крупных млекопитающих при помощи режущего инструмента, ориентированного поперек или под небольшим углом относительно длинной оси кости. Доля следов расчленения, сосредоточенных близ эпифизов или мыщелков, незначительна. Среди прочих следов фиксируются также порубы и скобление.

В раннюю (МИС 6) и среднюю (МИС 5) стадии среднего палеолита тенденция преобладания следов срезания мяса и расщепления кости сохраняется, увеличивается количество специфических операций скобления и продольного резания; число следов расчленения туш невелико. Кроме того, на данный период приходится снижение доли порубов и рост числа комбинированных следов, что, возможно, указывает на переход к многоэтапной утилизации пищевых ресурсов. Возрастает также анатомическое разнообразие локализации повреждений.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.Н., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А., 2003. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 448 с.

Самарский государственный социально-педагогический университет somov.anatoly@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА (МЕЗОЛИТ – ЭНЕОЛИТ) ДОЛИНЫ РЕКИ СОК (СРЕДНЕЕ ТЕЧЕНИЕ)¹

Район исследования расположен в лесостепной зоне Русской равнины и охватывает левобережье Волги. Объектом изучения стало среднее течение реки Сок от с. Чекалино до с. Красный Яр – 56,5 км. На данном участке русло реки сильно извилистое, шириной 25–35 м. Пойма луговая и имеет ширину 1–2 км. Долина широкая (от 2 до 8 км). Ее поверхность пересечена озерами и старицами, местами заболочена (Ляховская, Сергейчук, 2010. С. 78–80).

С 80-х годов XX в. проводятся целенаправленные обследования бассейна р. Сок с целью выявления памятников каменного века. На интересующем нас участке на сегодняшний день известно 77 археологических объектов поселенческого типа, из которых 19 содержат артефакты каменного века. Они привлечены к рассмотрению в контексте выявления особенностей и характера расселения древнего человека (рис. 1).

Большинство памятников имеют смешанный культурный слой. Изученные комплексы в основном свидетельствуют, что территория этих памятников использовалась древними коллективами на всем протяжении эпохи камня. Кроме того, практически во всех случаях помимо артефактов каменного века обнаружены материалы более поздних периодов (табл. 1).

Зачастую памятники располагаются на краю или на останце первой надпойменной террасы, реже на мысу и в пойме. Они приурочены к старицам или современному руслу

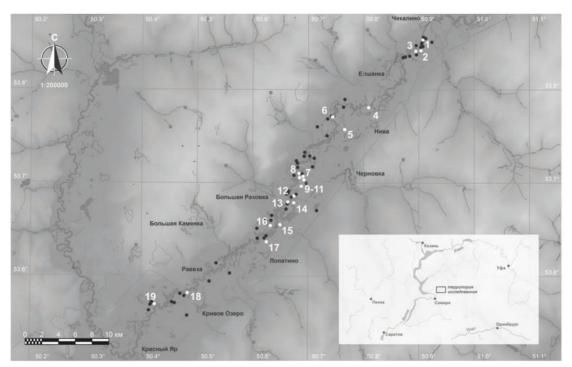

Рис. 1. Карта памятников каменного века среднего течения реки Сок.

1 — Чекалино II; 2 — Чекалино IV; 3 — Нижняя Орлянка II; 4 — Нива I; 5 — Черновка I; 6 — Лебяжинка VI; 7 — Лебяжинка IV; 8 — Лебяжинка III; 9 — Лебяжинка I; 10 — Большая Раковка II; 11 — Лебяжинка V; 12 — Ильинка; 13 — Лужки II; 14 — Кривое Озеро III; 15 — Чесноковская II; 16 — Гундоровка I; 17 — Калмыковка I; 18 — Красный Городок; 19 — Кочкари I.

 $^{^1}$ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

Табл. 1. Характеристика памятников каменного века (мезолит – энеолит) в среднем течении реки Сок

№	Расположение памятника	Удаление от русла, м долины, м		M	Н	Э	Б	С	ж
		Певобережье р	. Сок						
1*	На низкой площадке берегового мыса	60–70	3700–3800	+	-	-	+	-	-
2	На первой надпойменной старичной террасе	120–130	3800–4000	-	+	+	+	-	-
3	На мысу первой надпойменной террасы старицы	130–140	3800–4000	-	+	-	+	+	-
4	В низкой пойме русла	100-110	2100–2300	-	+	-	+	-	-
5	На мысу первой надпойменной террасы старицы	1000–1100	3500–3600	+	+	+	+	-	+
6	На первой надпойменной старичной террасе	140–150	3900–4200	-	-	+	+	-	Э
7	На первой надпойменной старичной террасе	570–580	3900–4200	1	+	+	+	-	Н
8	На первой надпойменной старичной террасе	300–310	3900–4200	-	-	+	-	-	Э
9	На первой надпойменной старичной террасе	500-510	3300–3500 / 3200–3400	-	+	+	-	-	-
10	На первой надпойменной старичной террасе	390–400	4000–4200 / 3100–3300	-	+	+	+	-	-
11	На первой надпойменной террасе русла	130–140	4000–4200	-	+	+	+	+	-
12	На мысу первой надпойменной старичной террасы	280–290	4600–4800	+	+	-	+	-	-
13	В пойме на вытянутой гриве старицы	760–770	4100–4300	+	+	+	+	+	-
14	На первой надпойменной старичной террасе	180–190	5500-5700	+	+	-	+	+	-
	П	Іравобережье р	р. Сок						
15	На береговом мысу	40–50	1800-1900	+	+	+	+	+	+
16	На береговом мысу	110–120	2300–2400	-	+	+	+	+	-
17	На первой надпойменной старичной террасе	110–120	2900–3100	-	+	-	+	-	-
18	На первой надпойменной старичной террасе	280–290	1500–4000	+	+	-	+	-	-
19	На небольшом дюнном всхолмле- нии старичного озера	290–300	2600–3200	+	+	+	+	+	-

^{*}Номера памятников в таблице и на карте (рис. 1) одни и те же. Названия см. в подписи к рис. 1. M- мезолит; H- неолит; B- энеолит; B- бронзовый век; C- Средневековье; B- жилище.

р. Сок, на расстоянии, соответственно, 100–1100 и 40–140 м от береговой линии. Большинство из них находится на современном левом берегу реки (14 из 19), при этом два памятника (Лебяжинка I и Большая Раковка II), скорее всего, связаны с правобережьем палеорусла. Тяготение древнего населения к левобережью Сока вполне объяснимо. Оно обусловлено тем, что склон долины здесь низкий, пологий и достаточно широкий — на участках выявленных памятников в среднем 3700–4100 м. На правобережье же расположены так называемые Сокские яры, характеризующиеся высокими и обрывистыми склонами (Ляховская, Сергейчук, 2010. С. 79). Однако долина в местах известных стоянок имеет в среднем ширину 2400–2700 м.

Практически все рассматриваемые памятники мезолита — неолита имеют сезонный характер и посещались многократно. В первую очередь это подтверждается отсутствием долговременных жилищ. Лишь на стоянке Лебяжинка IV фиксируется небольшая (площадью около 35 кв. м) постройка с котлованом, углубленным в материк на 30–35 см, относящаяся к неолитическому времени. С энеолита можно отметить более долговременное пребывание людей на одном месте. Так, на памятниках Лебяжинка III и VI, а также на Гундоровском поселении исследованы котлованы построек большой площади (35–95 кв. м).

Таким образом, можно выделить ряд особенностей заселения среднего течения реки Сок в каменном веке. Древние коллективы предпочитали выбирать участки с широкой (от 2000 м) долиной. Возможно, это связано с их диетой и доминированием охоты на крупных копытных, для чего физико-географические характеристики подобных участков подходят более всего. В результате наблюдается преобладание поселений каменного века на более пологом левобережном склоне долины Сока. Вместе с тем следует отметить, что схожими критериями при выборе мест поселения люди руководствовались не только в эпоху камня, но и в более поздние периоды (бронзовый век — Средневековье).

Ляховская Л.Ф., Сергейчук Е.Е., 2010. Природные условия формирования и изменения стока реки Сок // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. Т. 19. № 1. С. 78–87.

Е.А. Турина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова katyaturinal@gmail.com

ТИПОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПРОКОЛОК ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПАМЯТНИКАХ ОЗЕРНОЙ МЕЩЕРЫ

Проколки являются одной из наиболее распространенных категорий изделий из кости и зубов, встречающихся среди материалов волосовской неолитической культуры. Она существовала в середине IV — начале III тыс. до н.э. (Масапе et al., 2019. Р. 9) и была распространена в Волго-Окском междуречье, в том числе в микрорегионе Озерной Мещеры. Изделия из кости, обнаруженные здесь, имеют хорошую сохранность, однако ранее к проблеме технологии их производства исследователи специально не обращались. Цель настоящей работы — изучить с применением экспериментально-трасологического метода технологию изготовления проколок, сравнив данные трех памятников с волосовскими материалами: Великодворье I, Владычинская-Береговая I и Черная Гора.

Великодворье I находится в Шатурском р-не Московской обл. (Емельянов, Глазунова, 2010). Согласно имеющимся радиоуглеродным датировками, сделанным сцинтилляционным методом, памятник функционировал в диапазоне от последней трети IV до середины III тыс. до н.э. На нем обнаружено 152 прокалывающих орудия, в том числе 2 иглы. Автором изучены 12 проколок и игла, находящиеся в коллекции ГИМ. Стоянка и могильник Черная Гора располагаются в Клепиковском р-не Рязанской обл. (Цветкова, 1959). Здесь найдено 168 проколок, из которых исследованы 8, хранящиеся в ГИМ. Поселение Владычинская-Береговая I также выявлено в Клепиковском р-не Рязанской обл., недалеко от Черной Горы (Брюсов, 1952. С. 63). На этом памятнике обнаружено более 100 проколок. В рамках настоящего исследования подвергнуты анализу 10 экземпляров из фондов ГЭ.

На поверхности исследованных предметов наблюдаются следы таких технологических приемов, как скобление и строгание кремневыми орудиями, шлифовка с использованием различных абразивов, оббивка, строгание/скобление металлическим орудием. Установлено, что существовали три способа формирования заготовки: удаление одного эпифиза, использование кости целиком, членение кости на несколько фрагментов. В соответствии с ними предметы разделены на три примерно равных группы.

- Тип 1. Миниатюрные (до 8 см) проколки на длинных костях с сохранением одного эпифиза и тонким острием (заготовка получена путем удаления одного из эпифизов).
 - Тип 2. Проколки на полных костях (кость используется целиком):
 - вариант А с невыделенным острием,
 - вариант $\mathbf{F} \mathbf{c}$ выделенным острием.
- Тип 3. Проколки на фрагментах костей (заготовка получена путем раскалывания или расщепления кости).

Предложенная типологическая схема позволяет нагляднее и эффективнее сопоставить морфологические и трасологические данные, рассмотреть существовавшие традиции производства проколок. В целом в коллекциях наблюдается примерно равное соотношение типов (тип 1-32 %, тип 2-35 %, тип 3-32 %). Выявлены также некоторые особенности применения шлифовки. Следы этого технологического приема чаще всего встречались на исследованных предметах, с помощью него было сформировано 81 % острий (остальные 19 % созданы скоблением/строганием кремневыми орудиями). Однако ни одно из острий не было переоформлено таким способом: для этой цели, судя по тафономии следов, использовалось скобление/строгание кремневым орудием. Ряд рукоятей изделий типов 3 и 2 были зашлифованы по граням сколов, видимо, для того, чтобы сгладить острые края.

Таким образом, созданная типология костяных проколок основана не только на морфологии, но и на технологии их производства, а именно на способе формирования заготовки. Данные о способах изготовления проколок, полученные при изучении памятников Озерной Мещеры, планируется применить для исследования материалов других волосовских стоянок. Это позволит выявить, как форма изделий и традиции производства меняются в зависимости от микрорегиона.

Брюсов А.Я., 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР. 263 с.

Емельянов А.В., Глазунова Е.В., 2010. Раскопки поселения Великодворье I в Шатурском районе Московской области // АО 2007 года / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры С. 112–113.

Цветкова И.К., 1959. Стоянка Черная гора // КСИИМК. Вып. 75. С. 114–122.

Macāne A., Nordqvist K., Kostyleva E., 2019. Marmot incisors and bear tooth pendants in Volosovo hunter-gatherer burials. New radiocarbon and stable isotope data from the Sakhtysh complex, Upper-Volga region // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 26. P. 1–12.

ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ В АРХЕОЛОГИИ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

М.В. Алексеенко*, Е.А. Клещенко**

*Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва
**Институт археологии РАН, Москва
mariaalekseenko605@gmail.com, malzeva-ekaterina@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ШЛАКОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ С КРЕМАЦИЯМИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО ОРЕНБУРЖЬЯ)¹

В настоящее время благодаря совершенствованию методики полевой и лабораторной работы с кремированными останками становится доступным изучение остатков погребального костра — шлаков. Происхождение шлаков, обнаруженных в погребениях с кремациями, установить пока не удалось. Они представляют собой расплавленные комки разных форм и размеров, характеризующиеся высокой пористостью и хрупкостью. На поверхности большинства из них обнаружены остеклованные участки (рис. 1).

Объектом настоящего исследования являются шлаки из кремаций трех курганных могильников позднего бронзового века, расположенных на территории Оренбургской области. К их изучению привлечен ряд естественнонаучных методов (рентгенография, сканирующая (растровая) электронная микроскопия (СЭМ) и рентгенофлуоресцентный анализ (РФА)). Для неинвазивного рентгенографического исследования отобрано 55, для определения элементного состава методами СЭМ и РФА – 13 образцов разных форм и размеров. Они происходят из погребения 3 кургана 10 и погребения 3 кургана 13 Боголюбовского могильника (Моргунова, 2012. С. 60–61, 78–80), погребения 1 кургана 6 Лабазовского могильника (Моргунова и др., 2009. С. 27–28. Рис. 15: 5, 6) и погребения 1 кургана 1 Твердиловского могильника (Файзуллин и др., 2021. С. 81–84. Рис. 4).

Наибольшую эффективность показало комбинированное исследование ошлакованного материала и фрагментов костей с припеканиями с помощью рентгенографии, оптического микроскопа, СЭМ и РФА². Исследование проводилось в следующем порядке.

- 1) Получение цифровых рентгеновских снимков отобранных образцов с использованием Многофункциональной передвижной рентгеновской установки ПРДУ. Для создания снимка выбран режим, при котором анодное напряжение составило 45 кВ, сила тока 100 Ам, выдержка (длительность) 4 сек, геометрическое увеличение в 2 раза³.
 - 2) Пробоотбор микрообразцов шлакообразных масс⁴.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

² Все исследования выполнялись с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при ИА РАН (г. Москва).

³ Исполнители В.И. Данилевская, М.В. Алексеенко.

⁴ Исполнитель М.В. Алексеенко.

Рис. 1. Курганный могильник у с. Боголюбовка. Шлак из кремационного погребения 1 кургана 10.

- 3) Микрофотосъемка подготовленных проб, поверхности фрагментов кальцинированных костей с припеканиями и фрагментов шлаков небольших размеров на оптическом микроскопе ADF $W300^1$.
- 4) Получение электронных SE и BSE изображений на сканирующем электронном микроскопе TESCAN VEGA Compact LMH с системой элементного микроанализа AZtecOne с энергодисперсионным детектором Xplore 15 при ускоряющем напряжении 20 кВ в режиме высокого вакуума 10-3 Па².
- 5) Получение карты распределения элементов на поле обзора 1000 или 500 мкм и проведение точечных анализов на перспективных для этого участках³.
- 6) Определение элементного состава с применением портативного рентгенофлуоресцентного анализатора металлов X-MET 8000 в режиме MiningLE-FP. Исследования проводились с коллиматором 8 мм, энергией 40 KeV, при выдержке 2–5 сек⁴.
 - 7) Интерпретация полученных данных.

По результатам рентгенографического исследования установлено, что образование шлаков происходило после длительного горения погребального костра, и кости, обнаруженные внутри шлаков и видимые только на рентгеновских снимках, были уже значительно деформированы. В зависимости от элементного состава образцы отнесены к трем условным категориям: шлаки, предположительно имеющие геологическое происхождение; шлаки с большим содержанием глины естественного или искусственного происхождения и металлические шлаки.

Полученные результаты не позволяют делать уверенные выводы. Так, данные рентгенографии, СЭМ и РФА не объясняют, почему шлаки, которые сильно отличаются по внешнему виду, имеют очень схожий элементный состав. Ввиду недостатка информации к интерпретации рассматриваемой категории материалов следует подходить с осторожностью. В дальнейшем к их изучению планируется привлечь и другие высокочувствительные аналитические методы, такие как: рентгеноструктурный анализ, рамановская спектроскопия, дифференциальный термический анализ, рентгенофазовый анализ и др.

Моргунова Н.Л., 2012. Отчет о раскопках Боголюбовского курганного могильника в Новосергиевском районе Оренбургской области. Т. 1. Оренбург // Архив археологической лаборатории ФГБОУ ВПО ОГПУ. № II-147/2012. 138 с.

¹ Исполнитель М.В. Алексеенко.

² Исполнитель М.В. Алексеенко.

³ Исполнитель М.В. Алексеенко.

⁴ Исполнитель В.И. Данилевская.

Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А., 2009. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 98 с.

Файзуллин И.А., Купцова Л.В., Афонин А.С., Григорьев А.П., Евгеньев А.А., Капинус Ю.О., Крюкова Е.А., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Сверчкова А.Э., Файзуллин А.А., 2021. Комплексы эпохи поздней бронзы и раннего железного века I курганного могильника у села Твердилово (Оренбургская область) // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 79–123.

А.О. Букачёва

Музей-заповедник «Аркаим», Челябинск Anastasia 26@list.ru

КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ С ПОСЕЛЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА БОЛЬШАЯ БЕРЕЗОВАЯ-2 (ЮЖНОЕ ЗАУРАЛЬЕ)

Орудия из камня являются одной из массовых категорий инвентаря на памятниках эпохи бронзы Южного Зауралья. К настоящему времени собрано значительное количество информации о них с различных поселений (Коробкова, Виноградов, 2004; Кунгурова, 2013; Зданович, Юминов, 2018; Зданович, Семин, 2022; и др.). Пополнение базы данных и уточнение функционального назначения изделий позволит расширить общее представление о каменной индустрии в позднем бронзовом веке.

В настоящей работе публикуется коллекция каменных орудий поселения бронзового века Большая Березовая-2, расположенного в Челябинской области на р. Гумбейки. Раскопки памятника проводились под руководством И.П. Алаевой, изученная площадь составила 756 кв. м. Полученный материал разделен автором работ на три культурнохронологические группы: относящийся к алакульской и срубной; черкаскульской; саргаринско-алексеевской и межовской культурам (Алаева, 2014б. С. 35). Коллекция индивидуальных находок содержит 81 предмет из камня (26 ед.), кости (12 ед.), глины (36 ед.) и бронзы (7 ед.). Указанные материалы хронологически не разделяются и могут относиться к разным культурно-хронологическим группам.

Для определения функционального назначения изделий проведен их трасологический анализ при помощи микроскопа "Микромед" МС-2 Z00М с увеличением 10X–40X. Следы обнаружены на 17 из 26 предметов из камня (65 %); 9 артефактов (35 %) являлись манупортами и каких-либо следов на них не зафиксировано. В функциональном отношении находки представлены орудиями для выполнения хозяйственно-бытовых операций. Это пассивные плитки, наковальня, ударные орудия (песты).

Пассивные плитки (5 экз.) характеризуются следами использования в виде выкрошенности и стертости на выступающих участках породы, короткими редкими разнонаправленными линейными следами, слабой заполировкой. Для двух предметов $(14 \times 7 \times 2,4$ см; $13 \times 11 \times 2$ см) можно говорить о растирания средне-мелкочастичного неорганического сырья (глина, керамика, тальк) (рис. 1: 1, 2).

Наковальня $(12 \times 7.8 \times 6.2 \text{ см})$ для металла характеризуется заглаженностью поверхности, замятостью зерен породы, длинными и редкими линейными следами.

Ударные орудия (песты) (4 экз.) служили для обработки неорганических твердых материалов (руда, дресва, кварц). Их размеры — от $6 \times 4 \times 2$ до $8 \times 6 \times 5$ см. Выделяются на основании характерных фасеток, возникших в результате ударов на рабочем торце предметов. Края выбитых участков смяты, обнаруживаются линейные следы в виде рисок, царапин (рис. 1: 3–6).

Часть предметов имеет следы изготовления, но признаки изнашивания отсутствуют. Это каменные диски (3 экз.) диаметром до 8 см (рис. 1: 8, 9), которые определяют как «подставки для сосудов» (Кунгурова, Варфоломеев, 2013. С. 139). Выделяются также фрагменты тальковой породы со следами сверления и резки (2 экз.) (рис. 1: 7). Их

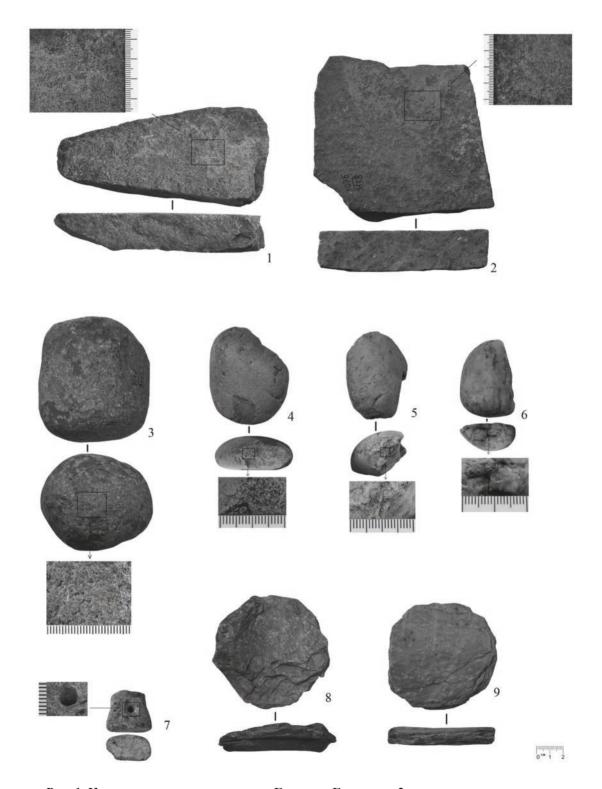

Рис. 1. Каменные орудия с поселения Большая Березовая-2. 1, 2 — терочники; 3—6 — ударные орудия; 7 — изделие из талька; 8, 9 — каменные диски.

назначение неясно. Возможно, сверление талька является попыткой получения мелкой фракции для примеси в керамике (Васючков, 2021. С. 223).

Таким образом, среди орудий можно выделить две функциональные категории: предметы для растирания и дробления минерального и неорганического сырья и приспособление для металлобработки. К категории изделий, функции которых не определены, относятся фрагменты тальковой породы и диски.

Обращает на себя внимание малочисленность каменных находок, связанных с металлургией, и отсутствие кузнечных орудий. В то же время на памятнике фиксируются такие свидетельства металлургического процесса, как обломки керамических литейных форм и плавильных чаш (Алаева, 2014а). Следует отметить, что на большинстве других поселений бронзового века каменные орудия были задействованы именно в сфере работы с металлом (до 50 %) (Костомарова, 2017. С. 33).

Таким образом, исследованный набор каменных орудий типичен для поселений позднего бронзового века, но в нем отсутствует ряд характерных разновидностей: орудия кузнечного производства (молотки, гладилки), орудия заточки металла (абразивы), орудия кожевенного и керамического производства (лощила, скребки) и пр. (Алаева, 2015, С. 11; Костомарова, 2017). Немногочисленность каменных орудий труда фиксируется для многих поселений позднего бронзового века Южного Зауралья, однако рассматриваемые материалы демонстрируют еще более скромный, чем обычно, комплекс. Возможно, такая ситуация связана с кратковременностью существования поселения Большая Березовая-2. Об этом также свидетельствует отсутствие значительных перестроек и маломощность культурного слоя памятника (Алаева, 2015. С. 15).

- Алаева И.П., 2014а. Литейные формы алакульской культуры Зауралья (вопросы отражения уровня развития металлопроизводства) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. І. Казань: Отечество. С. 520–525.
- Алаева И.П., 2014б. Специфика керамического комплекса позднего бронзового века степной части Южного Зауралья // КСИА. Вып. 233. С. 33–45.
- Алаева И.П., 2015. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.
- Васючков Е.О., 2021. Домашние производства в позднем бронзовом веке Южного Зауралья (по материалам поселенческих памятников) и возможности использования этих материалов в практике учителя истории. Выпускная квалификационная работа. Челябинск // Архив Лаборатории археологических исследований Южно-Уральского ГГПУ.
- Зданович С.Я., Семин Д.В., 2022. Каменные орудия поселения Аркаим // Аркаим. Археология укрепленных поселений: в 2 кн. Кн. 2: Фортификации и общественное пространство. Челябинск: ЧелГУ. С. 300–322.
- Зданович С.Я., Юминов А.М., 2018. Орудия из камня поселения Черкасы II: к вопросу о типологическом анализе // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. № 2. С. 89–104.
- Коробкова Г.Ф., Виноградов Н.Б., 2004. Каменные и костяные орудия из поселения Кулевчи III // Вестник Челябинского ГПУ. Сер. 1. Ист. науки. 2. С. 57–87.
- Костомарова Ю.В., 2017. Каменные орудия в хозяйственной деятельности населения эпохи поздней бронзы Лесостепного Притоболья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (39). С. 28–36.
- Кунгурова Н.Ю., 2013. Трасологическое изучение каменных предметов из раскопок укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис. С. 285–330.
- Кунгурова Н.Ю., Варфоломеев В.В., 2013. Орудия и изделия из камня поселения Кент (по результатам трасологических исследований) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы. С. 198–217.

Уральский федеральный университет, Екатеринбург Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск nikolai.valavin@yandex.ru

СЛЕДЫ ОБРЯДОВЫХ ДЕЙСТВИЙ В КУРГАНАХ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЗВЯГИНО-1)

Федоровская археологическая культура бронзового века Южного Зауралья относится к андроновской культурно-исторической общности. В историографии детальные реконструкции погребальных и постпогребальных практик выступают одним из оснований для разделения традиций носителей алакульской и федоровской культур на одних и тех же курганных комплексах (Усманова, 2005. С. 137; Стефанов, Корочкова, 2006. С. 73–78). На монокультурных могильниках такие исследования не проводились.

Источником данной работы служат материалы 10 курганных насыпей могильника федоровской культуры Звягино-1 (Епимахов, Алаева, 2024. С. 57–61). Для реконструкции обрядовых действий использованы сведения о планиграфическом и стратиграфическом расположении объектов в насыпи кургана. Кости кремации, предметы и иные объекты зафиксированы в следующих стратиграфических позициях: на дне могильной ямы, в заполнении могильной камеры, на стенках могилы, на уровне материка на подкурганной площадке, на уровне нижнего слоя насыпи кургана, на уровне древней поверхности за периметром насыпи. Колотые камни, выявленные на уровне материка на подкурганной площадке в отдалении от могилы, вероятно, отложены в ходе возведения погребальных конструкций. Их положение относительно насыпи позволяет заключить, что вся подкурганная площадка была очищена до уровня материка.

Схожий набор артефактов в заполнении могилы и вблизи нее в нижнем слое насыпи в совокупности с мелкими колотыми камнями позволяет говорить о преднамеренном сломе внутримогильной конструкции. Предметы были извлечены со дна могильной ямы на борта, откуда в результате оползания грунтов попали в верхние слои заполнения. Локализация вещей и костей из погребения в отдалении от ямы в нижнем слое насыпи вместе с перемещенными камнями ограды позволяет проследить уход с погребальной площадки с выносом предметов из могилы.

Приведенные данные демонстрируют три акта погребального обряда, включающие в себя шесть действий (табл. 1).

- 1. Погребение индивида: установка внутримогильной конструкции, положение остатков кремации и сопроводительного инвентаря.
- 2. Извлечение предметов из могилы: нарушение целостности внутримогильной конструкции, слом и извлечение предметов.
- 3. Уход с площадки кургана: нарушение целостности каменной ограды и вынос предметов.

В каждом кургане выявлено от одного до четырех действий. Полный их набор для каждой насыпи зафиксировать не удалось (табл. 1), что может быть связано с непреднамеренным характером искомых следов и особенностями материалов, из которых сооружены конструкции (камень, дерево). Исходя из стратиграфических наблюдений, можно заключить, что погребение индивида производилось до заполнения площадки кургана нижним слоем насыпи, а извлечение предметов и уход — до заполнения грунтом могильной камеры и возведения верхнего слоя насыпи.

Планиграфия следов произведенных действий позволяет реконструировать их векторное направление по сторонам света и соотношение с могильной ямой (рис. 1). Колотые камни от установки внутримогильной конструкции располагаются к западу и юго-западу от могилы (рис. 1: 1), следы нарушения конструкции – к востоку, северо-вос-

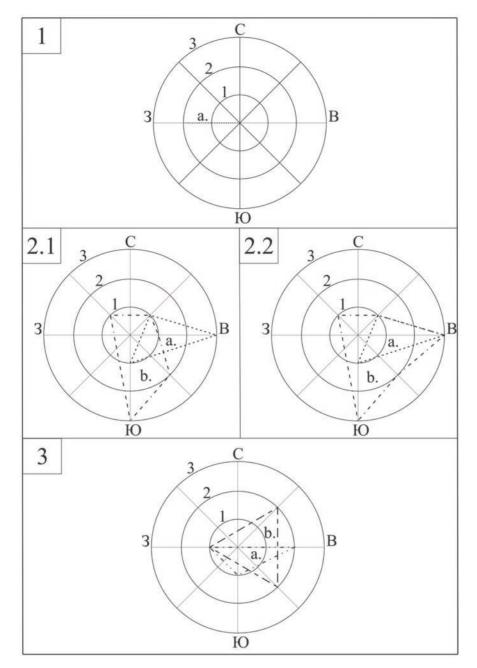

Рис. 1. Направление обрядовых действий в курганах могильника Звягино-1.

1 — погребение (а — следы сооружения внутримогильной конструкции); 2 — извлечение предметов (2.1 — направление действий по курганам; 2.2 — направление действий по могилам; a — нарушение внутримогильной конструкции; b — выброс предметов); 3 — выход с площадки (a — нарушение ограды; b — вынос предметов).

току и югу. Следы извлечения предметов зафиксированы к югу, юго-востоку, востоку и северо-востоку (рис. 1: 2). Нарушение целостности ограды достоверно выявлено на востоке, юго-востоке, юге и на западе от могил, а вынос предметов за площадку — на юге, юго-востоке, северо-востоке и западе (рис. 1: 3). Приведенные данные недостаточны для определения направления акта погребения, но следы установки внутримогильной конструкции локализуются только с западной стороны, в то время как действия, связанные с извлечением предметов и уходом, направлены к востоку от могильной ямы.

Сопоставление полученных реконструкций с материалами могильников Лисаковский I и Урефты I показывает, что описанные постпогребальные действия могут характеризовать обряд как алакульской, так и федоровской культур. Сходство постпогребальных

Табл. 1. Встречаемость маркеров обрядовых действий в могилах и курганах Звягино-1

	Ограда	Ограда Могила	Могила Внутримогильная конструкция Перекъптие		Погребение		Извлечение предметов		Выход с площадки		
№ кургана Ограда				Могила Внутримогиль конструкци	Перекрытие	Следы установки	Скопление кремированных костей	Нарушение ВК	Выброс предметов	Нарушение ограды	Вынос предметов
10	+	1	-	ДН	-	+	-	+	+	+	4/6
		1	КО	-	-	+	+	+	-	+?	4/6
2	-	2	код	-	-	-	+	+			3/6
		3	КО	-	+	+	+	+?			4/6
4	-	1	ДО	-	-	+	-	+	-	-	3/6
3	-	1	ДО	-	-	+	-	+?	-	+	3/6
5	+	1	-	-	-	-	-	+	+?	+	3/6
6	+	1	код	МКП	1	+	+	-	+	1	3/6
7		1	-	ДН	-	+	-	-	+?		3/6
	+	2	-	ДН	-	-	-	+		-	3/6
8	-	1	-	ДН	1	-	1	+?	-	1	1/6
9		1	СКЯ	КП	+	Н/Д	+	Н/Д		11/11	2/3
9	-	2	СКЯ	КП	+	Н/Д	-	Н/Д	-	Н/Д	1/3
1	-	1	КЯ	КП	+	Н/Д	Н/Д	Н/Д	-	Н/Д	1/2
Всего	4/10	14	9/14	8/14	4/14	7/11	5/13	9/11	4/4	4/8	

KO — каменная обкладка; KOД — каменная обкладка с деревом; ДO — деревянная обкладка; CKЯ — составной каменный ящик; ДH — деревянный накат; $MK\Pi$ — маленькая каменная плитка; $K\Pi$ — каменная плита; H/Q — нет данных; +? — данные неоднозначны.

практик может свидетельствовать о синкретичном характере исследуемых памятников, но подобные выводы требуют детального сравнения комплексов по выявленным параметрам.

Епимахов А.В., Алаева И.П, 2024. Радиоуглеродная хронология федоровской культуры бронзового века (новые материалы по старой проблеме) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 52. № 2. С. 55–64.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н., 2006. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 160 с.

Усманова Е.Р., 2005. Могильник Лисаковский І: факты и параллели. Караганда; Лисаковск. 232 с.

И.С. Валавина

Свердловский областной краеведческий музей им. О. Клера rastyapa.dragon@ya.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ КАРТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Многообразие культурного полотна степного и лесостепного Зауралья привело к существованию большого количества концепций и дискуссий по поводу того, как эти культуры соотносятся между собой хронологически (Черных, 2007. С. 35) и территори-

ально (Кузьмина, 2008. С. 80), каковы их пространства взаимодействия (Косарев, 1981. С. 132–141; Обыденнов, Шорин, 1995. С. 41–51).

Настоящая работа представляет собой пространственный анализ базы данных, которая включает сведения о 812 памятниках бронзового века, расположенных преимущественно в зоне Зауральского пенеплена. Из них 515 имеют культурную атрибуцию, остальные отнесены к эпохе бронзы предварительно. Информация о них почерпнута из публикаций отдельных памятников и специализированных обзоров (Григорьев, 2008. С. 136; Епимахов, Чуев, 2011. С. 49–50; Бахшиев, 2014. С. 43–44; и др.), отчетов и полевых материалов археологических лабораторий УрФУ и ЮУрГГПУ.

Базу данных тематически можно разделить на два блока: метаданные (координаты, автор публикации/ий источника, тип памятника) и культурная атрибуция (количество культур, выделяемых на памятнике, культурная атрибуция и принадлежность к культурно-хронологическому этапу) (табл. 1).

Табл. 1. Основные поля базы данных археологических памятников позднего бронзового века степного и лесостепного Зауралья

Широта	Долгота	id	Источник	Название	Тип	Назначение
Кол-во культур		Археологическая		Доандроновский	Андроновский	Финал
		К	ультура	период	период	бронзового века

Основным атрибутом моделирования является культурно-хронологический блок, по которому с помощью SQL-запроса отфильтрованы памятники для визуализации. Количество фиксируемых на памятнике культур показано с помощью диаграмм рядом со значком объекта. Типы памятников объединены в три группы с индивидуальным отображением: бытовые, погребальные и культовые.

Ареалы синташтинской, абашевской, петровской, коптяковской культур четко отделимы друг от друга территориально, совстречаемость их материалов на одних и тех же памятниках минимальна (рис. 1: 1). На первый взгляд, такой результат пространственного распределения может говорить о четкой культурной дифференциации. С учетом концепций последовательного генетического развития абашевской, синташтинской и петровской культур (Епимахов, 2020, с. 57) и параллельной обособленной линии развития коптяковской (Корочкова, 2018, с. 17–18), однако, эту ситуацию можно рассматривать как подтверждение широтной направленности миграции и наличия пограничной зоны между лесным и лесостепным населением.

Демографический пик, вероятно, приходится на период существования андроновской культурно-исторической общности, который характеризуется увеличением числа памятников с преобладанием материалов алакульской, срубной, федоровской культур (рис. 1: 2). В данной работе не вынесены отдельным атрибутом локальные варианты, но четыре области концентрации археологических объектов визуально соотносятся с ареалами алакульской, кожумбердынской, срубно-алакульской общностей (Алаева, 2015. С. 10–13).

В финале бронзового века отмечается заметное снижение количества памятников, при этом увеличивается разнообразие культур, что может свидетельствовать о максимальной культурной интеграции. Выделяются четыре района скопления объектов, тяготеющих к восточному склону Уральских гор, небольшая группа — в северной части горнолесного Зауралья, центральная — на границе степи и лесостепи, и группа памятников, расположенных по течениям р. Тобол и Исеть (рис. 1: 3). Между ними располагаются пустые пространства с единичными объектами. Возможно, такая ситуация обусловлена увеличением контактов населения, вызванным изменениями климата и осушением части рек (Костомаров, Булакова, 2023. С. 339—340).

Алаева И.П., 2015. Территориальные группы памятников позднего бронзового века в степной части Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. № 14 (369). История. Вып. 64. С. 9–15.

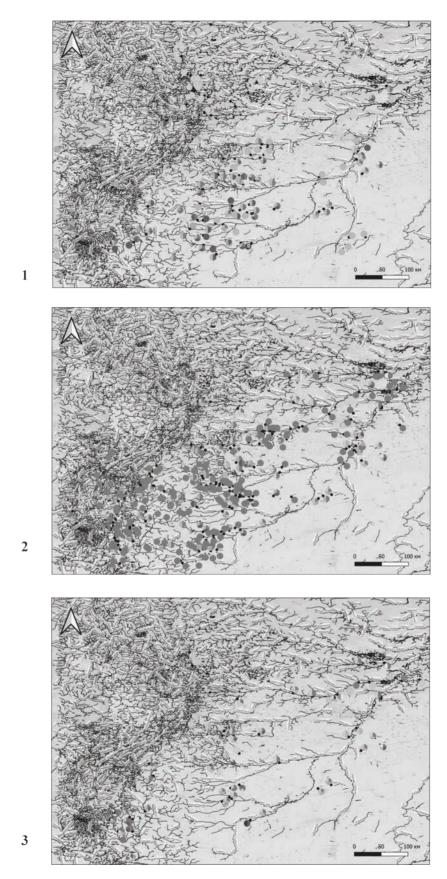

Рис. 1. Карты археологических памятников позднего бронзового века.

— Волго-Уральский очаг культурогенеза (поздний бронзовый век 1); 2 — период существования андроновской культурно-исторической общности (поздний бронзовый век 2); 3 — финальный период позднего бронзового века (поздний бронзовый век 3). Диаграммы иллюстрируют количество атрибутированных на памятнике культур.

- Бахшиев И.И., 2014. Структура расселения и модели организации жизненного пространства древнего населения Башкирского Зауралья (анализ пространственных данных) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (25). С. 40–53.
- Григорьев С.А., 2008. Пространственный анализ памятников эпохи бронзы Южного Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. Екатеринбург: Изд-во УрГУ; Сургут: Магеллан. С. 175–193.
- Епимахов А.В., Чуев Н.И., 2011. Абашевские и синташтинские памятники: предварительные результаты пространственного анализа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (15). С. 47–56.
- Епимахов А.В., 2020. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // Уральский исторический вестник. № 4 (69). С. 51–60.
- Корочкова О.Н., 2018. Средний Урал в начале бронзового века: коптяковская культура // РА. № 4. С. 17-35.
- Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука. 278 с.
- Костомаров В.М., Булакова Е. А., 2023. Нижнее Притоболье в эпоху бронзы: географические паттерны и культурные ареалы // Уфимский археологический вестник. Т. 23. № 2. С. 331–343.
- Кузьмина Е.Е., 2008. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА. 358 с.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., 1995. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры) Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 196 с.
- Черных Е.Н., 2007. Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Языки славянской культуры. 200 с. (Каргалы. Т. V).

Д.А. Геворкова

Владикавказский научный центр РАН Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва gevorkova.99@mail.ru

БРОНЗОВЫЕ «МЕДАЛЬОНЫ» КАК ЭЛЕМЕНТ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Бронзовые «медальоны» северокавказской культуры (далее – СКК) – одна из наиболее массовых категорий украшений, маркирующих третий этап существования данной общности (вторая половина XXVII – XXVI в. до н.э.). По морфологическим характеристикам они разделяются на четыре группы: дисковидные, кольцевидные, бидисковидные и полидисковидные (рис. 1: I, a-r).

За более чем вековую историю изучения северокавказских памятников место «медальонов» в погребальном костюме практически не изучено (Деген, 1941. С. 258). В основном они рассматривались при характеристике региональных особенностей культур эпохи средней бронзы для территорий Кабардино-Балкарии (Кореневский, 1984. С. 260–261), Кавказских Минеральных Вод (далее – Кавминвод) (Деген, 1941. С. 258; Кореневский, 1990. С. 53), Егорлык-Калаусского междуречья (Гак, Калмыков, 2013. С. 141–142), Закубанья (Клещенко, 2011. С. 138–140; Гей, Клещенко, 2018. С. 118, 119) с акцентом на описание морфологии (Кореневский, 1984. С. 260–261; 1990. С. 53) и орнаментики и определение круга аналогий (Гак, Калмыков, 2013. С. 141–142).

Расширение источниковой базы по памятникам СКК, в которой на данный момент насчитывается порядка 2900 погребений, позволяет проводить анализ «медальонов» по двум направлениям: 1) присутствие в детских/взрослых погребениях; 2) место в погребальном костюме (украшения шеи (ожерелья), рук и ног (браслеты), головы, пояса). Цель настоящего исследования — выделение общих тенденций и локальной специфики в использовании данных изделий в погребальном обряде. За рамками работы пока оставлены вопросы орнаментации «медальонов» и их совстречаемость с другими категориями инвентаря.

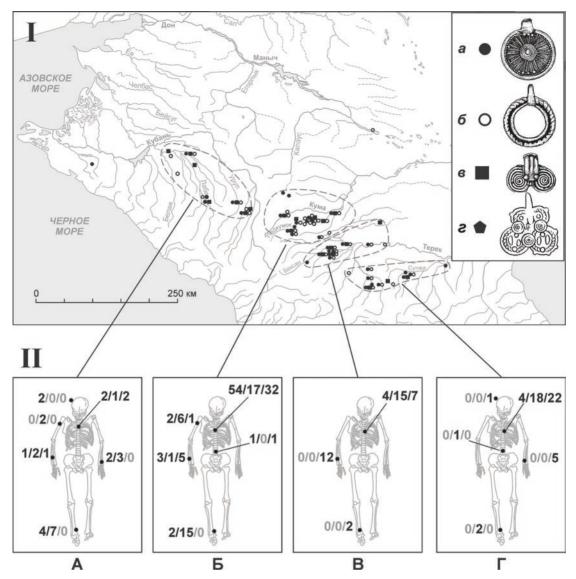

Рис. 1. Бронзовые «медальоны» северокавказской культуры.

I — карта распространения комплексов с «медальонами»; II — пространственное распределение «медальонов» в погребениях (дети/взрослые/неопределенные) (А — Восточное Закубанье; Б — Кавминводы; В — Баксано-Чегемское междуречье; Γ — Терско-Сунженская возвышенность).

Анализируемая выборка представлена 394 экземплярами из 153 погребальных комплексов. В результате картографирования находок выделено четыре района их концентрации: Восточное Закубанье, Кавминводы, Баксано-Чегемское междуречье и Терско-Сунженская возвышенность (рис. 1: I).

Статистический подсчет выявил наличие рассматриваемых украшений в погребениях всех возрастных групп (дети—взрослые) с разной частотой встречаемости. На территории Закубанья «медальоны» зафиксированы в 20 комплексах (всего 53 экз.), из которых 5 — захоронения детей (11 экз.), 7 — взрослых (32 экз.), для 5 комплексов возрастная принадлежность не установлена (7 экз.), еще в 3 отсутствуют следы костей (3 экз.). Кавминводская серия представлена 82 погребениями (всего 190 экз.), из которых 30 принадлежат детям (78 экз.), 16 — взрослым (44 экз.), для 27 возрастная принадлежность не установлена (57 экз.), еще в 9 отсутствуют следы скелета (11 экз.). Для Баксано-Чегемского междуречья известно 24 комплекса (всего 74 экз.), из которых 2 захоронения — детские (4 экз.), 5 — взрослые (15 экз.) и 17 не идентифицированы (55 экз). На территории Терско-Сунженской возвышенности зафиксировано 28 комплексов с «медальонами» (всего 60 экз.), из которых 2 — детские (4 экз.), 10 — взрослые (21 экз.), 12 не идентифицированы (31 экз.), в 4 не обнаружены следы скелетов (4 экз.).

Результаты анализа пространственного распределения позволяют судить о месте «медальонов» в погребальном костюме (рис.1: II1). Для комплексов Восточного Закубанья они выявлены в составе украшений всех категорий. Наибольшее их количество обнаружено в районе ног как детских, так и взрослых захоронений. Кроме того, рассматриваемые изделия присутствуют в составе ожерелий, браслетов обеих рук. Немногочисленные находки зафиксированы в районе головы и правых предплечий (рис. 1: II, A). Кавминводская серия является самой многочисленной в анализируемой выборке (рис. 1: II, Б). Большее количество «медальонов» встречено в районе шеи и сопровождает детские скелеты. Они также известны в районе ног, правого предплечья и правой кисти. Изделия из комплексов Баксано-Чегемского междуречья сконцентрированы в трех зонах: у шеи (наибольшая группа), преимущественно в погребениях взрослых; в составе браслетов у правой кисти; два экземпляра зафиксированы в районе ног (рис. 1: II, B). В погребениях Терско-Сунженской возвышенности основное количество находок приходится на зону ключиц и шеи. В большинстве установленных случаев изделия принадлежали взрослым. В районе левой кисти зафиксированы пять экземпляров, единичные находки отмечены в районе головы и пояса (рис. 1: II, Γ).

Таким образом, можно заключить, что наибольшая концентрация бронзовых «медальонов» как в погребениях детей, так и взрослых отмечается в зоне ожерелья. В трети комплексов эти украшения входили также в состав браслетов на руках и ногах. Наиболее ярко данная традиция проявляется в закубанской группе памятников СКК (три четверти случаев), что подчеркивает ее локальную специфику в рамках общекультурного единства.

Перспективным направлением исследований представляется композиционный анализ орнаментальных мотивов на «медальонах» и сравнение их с орнаментацией остального инвентарного комплекса СКК.

- Деген Б.Е., 1941. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии М.; Л.: АН СССР. С. 213–316 (МИА. № 3).
 - Гак Е.И, Калмыков А.А., 2013. Металлический инвентарь курганных погребений позднеямного раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI / Ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли. С. 117–158.
- Гей А.Н., Клещенко А.А., 2018. Большой Петропавловский могильник: публикация и интерпретация материалов раскопок // Труды Северо-Кавказской (Донской) археологической экспедиции. Т. 1. М.: ИА РАН. 220 с.
- Клещенко А.А., 2011. Северокавказская культура Закубанья: Дис. ... канд. ист. наук. М. 210 с.
- Кореневский С.Н., 1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. Т. 1. Нальчик: Эльбрус. С. 254—299.
- Кореневский С.Н. 1990. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья (Неженские курганы эпохи бронзы района Кавказских Минеральных Вод). М.: ИА АН СССР. 174 с.

¹ Через косую линию приведены количественные данные о находках «медальонов» в детских/взрослых/ неопределенных погребениях.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОРУДИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ ЛЕСОСТЕПИ ТОБОЛО-ИШИМСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ¹

Земледелие до сих пор остается одним из наиболее слабо изученных видов хозяйственной деятельности населения бронзового века на территориях восточнее Урала. Несмотря на то, что в историографии данный сюжет отражен широко, имеется ряд проблем, связанных с синтезом археологических наблюдений и данных естественнонаучных дисциплин. Лакуну в обобщениях частично заполняет настоящая работа. В ней рассмотрены комплексы с серпами и некоторыми другими предметами из опорных памятников алакульской, федоровской, черкаскульской и бархатовской культур, для которых имеются палинологические и палеокарпологические определения.

На поселении Камышное-2 найдены слабоизогнутый бронзовый серп и каменная мотыга. Памятник датирован Т.М. Потемкиной раннеалакульским временем (Потемкина, 1985. С. 99, 101. Рис. 33: 1; 34: 13). Подобные наборы обнаружены также среди материалов позднеалакульского времени в Высокой Гриве и Волосниково (Потемкина, 1985. С. 129, 136. Рис. 48: 1; 53: 4). В жилище 4 поселения Ук-3 алакульской культуры зафиксировано скопление бронзовых серпов (Стефанов, Корочкова, 2000. С. 39) разных типов: 1) слабоизогнутые (2 экз.), широко бытовавшие в андроновское время; 2) с несомкнутой втулкой (1 экз.), происходящие от среднеазиатских прототипов (тип Кузьмина-IV6; Кузьмина, 1966. С. 57. Табл. XI: 15).

Ко времени существования алакульской культуры относятся и полированные костяные серпы, изготовленные из челюсти крупного животного, с поселений Камышное и Язево-1 (Потемкина, 1985. С. 67, 143. Рис. 18: 14; 55: 1). На последнем выявлена заготовка мотыги, которую могли использовать для рыхления почвы (Потемкина, 1985. С. 67. Рис. 18: 16). Фитолиты культурных злаков обнаружены в образцах с поселения Стрелецкое-1; авторы публикации предположили, что это импорт (Соломонова и др., 2024. С. 756, 757).

В комплексах поселения Черемуховый Куст федоровской культуры В.А. Зах отмечает серп с «крюком» так называемого дербеденевского типа, сопровождавшийся каменными орудиями, похожими на песты и небольшие куранты (Зах, 1995. С. 67). Близкие изделия происходят из слоя поселения Явленка-1 (Зданович, 1973. Рис. 4: 1, 2). Г.Б. Зданович датирует их второй половиной II — началом I тыс. до н.э., но они встречаются и позднее, в древностях черкаскульской культуры, например, на поселении Ольховка (Матвеев, 2007. С. 14). Земледельческие орудия на памятниках указанных культурных групп сочетаются с находками скоплений пыльцы пшеницы (Зах и др., 2013. С. 21), отпечатками культурных злаков и семян на керамике (Матвеев, 2007. С. 14).

В финале бронзового века, в материалах бархатовской культуры, неизвестны серпы, но в целом предметы, связанные с земледелием, становятся более разнообразны. Это обнаруженные на Миасском городище костяные орудия (мотыжки), роговые клиновидные предметы для рыхления почвы из ранних слоев Коловского городища, каменные песты и зернотерки из поселенческих материалов Заводоуковского-10, Ново-Шадрино-2 и 7, Поспелово-1, Усть-Утякского-1, Щетково-2 и Коловского (Матвеев, Аношко, 2009. С. 223. Табл. 3). С большинством перечисленных памятников связаны различные археоботанические находки: образцы пыльцы культурных злаков, фрагменты зерен в остатках пригоревшей пищи и отпечатки зерен на керамике (Аношко, 2006. С. 340).

Несомненно, рассмотренный набор изделий не является прямым доказательством наличия земледелия у древнего населения и, вероятно, мог использоваться в собиратель-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FWRZ-2021-0006).

стве, так как дифференцировать орудия собирательства и раннеземледельческие невозможно. Перспективным представляется дальнейшее изучение орудийного комплекса в связи с результатами естественнонаучных изысканий.

- Аношко О.М., 2006. О наличии земледелия у бархатовского населения позднего бронзового века Зауралья // Современные проблемы археологии России. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 340–342.
- Зах В.А., 1995. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука. 96 с.
- Зах В.А., Рябогина Н.Е., Илюшина В.В., Иванов С.Н., Мурзина Е.И., 2013. Федоровский поселок Курья 1 в системе Андреевских озер // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (20). С. 10–23.
- Зданович Г.Б., 1973. Поселение Явленка 1 памятник эпохи бронзы в Северном Казахстане // Из истории Сибири. Вып. 7 / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 40–52.
- Кузьмина Е.Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М.: Наука. 150 с. (САИ. Вып. В4-9).
- Матвеев А.В., 2007. Черкаскульская культура Зауралья // AB ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири / Отв. ред. Н.П. Матвеева. Тюмень: Вектор Бук. С. 4—42.
- Матвеев А.В., Аношко О.М., 2009. Зауралье после андроновцев: бархатовская культура. Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати». 419 с.
- Потемкина Т.М., 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука. 376 с.
- Соломонова М.Ю., Куприянова Е.В., Трубицына Э.Д., Рябогина Н.Е., 2024. Фитолитные исследования отложений зольников поселений бронзового века Южного Зауралья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 751–759.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н., 2000. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист. 108 с.

А.Д. Керик

Алтайский государственный университет, Барнаул a-kerik@mail.ru

ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ КОСТЯНЫХ ОРУДИЙ ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВАЯ ЛУКА (КОНЕЦ III – НАЧАЛО II тыс. до н.э.): ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Поселение Березовая Лука — опорный памятник для изучения костяной индустрии елунинской культуры эпохи бронзы. Многочисленные полученные на нем материалы опубликованы в двух монографиях (Кирюшин и др., 2004. С. 134–136; 2010. С. 112–114). Однако не все результаты полевых исследований введены в научный оборот. Они находятся в фондах Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ и будут обработаны в дальнейшем, в связи с чем представляется целесообразным рассмотрение уже имеющегося опыта их изучения с акцентом на результаты трасологического анализа.

Первая попытка разделения части найденного на поселении костяного орудийного комплекса позволила условно выделить три группы изделий: 1) типичные; 2) бракованные; 3) с неустановленным функциональным назначением (Гончаров, 2002. С. 16). Внутри первой группы выявлено несколько типов орудий для охоты (наконечники стрел и копий), рыболовства (гарпуны), скорняжного производства (шилья, проколки и струги), работы с глиной (орнаментиры, орудия лощильно-заглаживающего назначения), а также разбильники, тупики, трепала и альчики (Гончаров, 2002. С. 18).

Трасологическому анализу подвергли изделия из кости и рога Н.Ю. Кунгурова и П.В. Волков. В первоначальной выборке на 41 кости не оказалось признаков сработанности. При исследовании остальных находок сделано 60 определений и выявлено 19 функций, что позволило обозначить следующие орудия и изделия: шпатели (стеки и лощила), использовавшиеся при изготовлении глиняной посуды; лощило-скребок и скребок для разминания кожи; скребок-нож для снятия менздры; нож для чистки менздры; коче-

дыки; сверло-разверстка; шилья; игольник; копьевидное изделие (Кунгурова, 2004. С. 227–228). На основе трасологического анализа другой выборки из 16 костяных находок выявлены кочедык, игольник, астрагал для игры и бусина-подвеска (Волков, 2010).

Позже было изучено еще более 200 костяных предметов с поселения Березовая Лука. Отмечено наличие полифункциональных и типичных орудий и приспособлений: проколки, острия, иглы, тупики, двуручные струги, скребки, астрагалы и игольники (Вальков, Грушин, 2014. С. 22). У проколок при помощи трасологического анализа определены три участка, где фиксируется сработанность, а также обнаружены характерные следы контакта с кожей (Грушин, Вальков, 2014. С. 69). На тупиках присутствуют сильно истертые, заглаженные рабочие края и заполировка, выявлены линейные микроследы, которые маркируют направления движений орудий при работе. На двуручных стругах также отмечены заполировка и аналогичные микроследы (Грушин, Вальков, 2014. С. 71). Для скребков характерна заполированность рабочего края и рукояточных частей орудия (Грушин, Вальков, 2014. С. 72). Поверхность у многих астрагалов оказалась сильно залощена, на рабочем крае имеются четкие линейные следы, образовавшиеся от контакта с абразивом. Залощена и поверхность игольников, но на ней нет каких-либо признаков износа (Вальков, 2015. С. 55).

На основе результатов трасологических исследований И.А. Вальков часть костяного инвентаря с поселения Березовая Лука разделил на несколько групп: «... 1) орудия кожевенного дела (тупики, скребки, лощила, проколки, двуручные струги из ребер, шлифованные астрагалы); 2) орудия гончарного дела (орнаментиры, шлифованные астрагалы, лощила); 3) орудия охоты (наконечники стрел); 4) орудия рыболовства (гарпуны); 5) бытовые, игровые и культовые предметы (игольники, игральные кости с насечками и орнаментом, гофрированные трубки, украшение в виде подвески из клыка, рукоять для крепления бронзового кинжала)» (Вальков, 2015. С. 55).

Таким образом, к настоящему времени только часть коллекции костяных изделий, обнаруженных на поселении Березовая Лука, подверглась трасологическому анализу. Для дальнейшей работы с этим материалом необходимо провести классификацию орудий, расширить изучение имеющегося отечественного и зарубежного опыта, получить знания и навыки экспериментальной трасологии.

- Вальков И.А., 2015. Костяная индустрия поселения эпохи ранней бронзы Березовая Лука // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы III Международной конференции молодых ученых / Отв. ред. и сост. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 54–56.
- Вальков И.А., Грушин С.П., 2014. Комплексный анализ костяных орудий кожевенного производства елунинской археологической культуры (по материалам поселения Березовая Лука) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Вып. 11. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 20–23.
- Волков П.В., 2010. Функциональные определения каменных и костяных орудий с поселения Березовая Лука // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. II. Барнаул: Изд-во АлтГУ. С. 106–108.
- Гончаров А.В., 2002. Косторезное дело в системе производительных сил общества эпохи ранней бронзы // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 16—18.
- Грушин С.П., Вальков И.А., 2014. Особенности изготовления и использования костяных орудий в кожевенном деле населения елунинской культуры // Известия Алтайского государственного университета. История. №4 (84). С. 68–73.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2010. Березовая Лука поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. II. Барнаул: АлтГУ. 171 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А., 2004. Березовая Лука поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. І. Барнаул: АлтГУ. 288 с.
- Кунгурова Н.Ю., 2004. Определение функций костяных орудий // Кирюшин Ю.Ф., Малолет-ко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. І. Барнаул: АлтГУ. С. 227–231.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЭТАПОВ СОЗДАНИЯ АНТРОПОМОРФНОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КАРАКОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Первые памятники каракольской культуры обнаружены в 1980-х годах. На сегодняшний день известно четыре могильника этой культуры: в сс. Озерное, Каракол, Беш-Озек и Мендур-Соккон (Киреев и др., 2020. С. 110). Все они расположены на территории Горного Алтая и датируются эпохой ранней бронзы. На первых трех памятниках найдены каменные плиты, на которых присутствуют изображения антропоморфных и зооморфных фигур, выполненные гравировкой, выбивкой, шлифовкой, краской (Кубарев, 2009. С. 36). Некоторые фигуры сочетают все вышеперечисленные способы создания изображений.

Изучение особенностей использования различных техник при создании петроглифов имеет большое значение при выделении специфических черт искусства каракольской культуры, аналогии которому известны не только на территории Горного Алтая. Под «особенностями» в данном случае понимается потенциальное существование определенных закономерностей в последовательности сочетания различных техник, сложившихся в конкретной изобразительной традиции.

Описывая изображения, В.Д. Кубарев указывал, что петроглифы были выбиты, затем гравированы и пришлифованы (Кубарев, 1988. С. 37, 47). Он не ставил перед собой задачу достоверного определения закономерностей применения техник и не формулировал каких-либо конкретных утверждений по данному вопросу. Тем не менее, указанная им последовательность учтена в настоящей работе, цель которой – выявить этапы создания петроглифов экспериментально с опорой на идеи В.Д. Кубарева. В процессе серии экспериментов производились попытки повторить изображение «быкоголового» персонажа на плите 2 из погребения 2 кургана 2 (далее – плита 2.2.2) (Кубарев, 2009. С. 133. Рис. 48). Это изображение взято как эталонное потому, что на нем отчетливо видно сочетание различных техник: рога и рука выгравированы; голова, туловище и ноги выбиты, затем пришлифованы; в области ног поверх пикетажа выполнена гравировка. Для создания рельефных изображений в эпоху бронзы использовались каменные орудия, поэтому для описываемого здесь эксперимента применялись: отщеп для гравировки; оббитая галька для пикетажа, необработанная кварцевая галька для шлифовки. Оригинальное изображение, как и большинство петроглифов каракольского искусства, было выполнено на сланце с территории Горного Алтая (Кубарев, 1988. С. 27). Экспериментальное повторение производилась на песчанике из Минусинской котловины и сланце из Монгольского Алтая.

Большинство петроглифов каракольской культуры имеют четкий рельефный контур. Первой задачей эксперимента было достижение подобного контура при создании силуэтного изображения, причем нулевая гипотеза заключалась в принципиальной роли гравировки. Выяснилось, однако, что с помощью этой техники создать четкий контур, аналогичный каракольским изображениям, невозможно. Уточнить его гравировкой по уже существующей выбивке не получится из-за округлости рельефного края следов пикетажа, так как отщеп либо «соскальзывает» в выбоины, либо неконтролируемо выходит за границы выбивки. Если сначала провести гравированную линию контура, а потом «подводить» к ней выбивку, пикетаж либо перекроет ее, либо вообще не коснется, так как погрешность точности ударов орудия о субстрат при прямом пикетаже очень высокая. Оказалось, что единственный способ достичь четкого контура в принципе не включает гравировку – достаточно очень плотного прямого пикетажа.

Вторая задача — определить особенности сочетания шлифовки с выбивкой и гравировкой. Выяснилось, что шлифовка нужна, во-первых, для уточнения контуров фигуры, во-вторых, для выравнивания следов выбивки и подготовки поверхности для дальнейшего декорирования изображения при помощи гравировки. Линии гравировки, которые наносились, например, на ноги антропоморфного персонажа, более четкие и точные, если выполнять их на шлифованной поверхности.

Итак, последовательность создания «быкоголового» персонажа на плите 2.2.2. следующая: пикетажем были выполнены голова, туловище и ноги. Выбивка настолько плотная, что формируется четкий рельефный контур без предварительной проработки. Поверх пикетажа производилась шлифовка; после завершения основной части изображения – гравировка. В этой технике выполнялись рога, руки, уточнялись ноги, добавлялись различные детали.

Предложенные выводы справедливы не только для выбранного в рамках эксперимента исходного изображения. Все антропоморфные персонажи каракольской культуры, при создании которых использовались хотя бы две техники (выбивка и гравировка), были выполнены таким образом: пикетажем создавались голова, туловище и ноги (иногда голова изображалась не силуэтно, лишь намечалась выбивкой (Кубарев, 2009. С. 139. Рис. 56)); поверх выбивки, если мастер считал необходимым, производилась шлифовка; гравировкой дополнялись различные детали: рога, «лучи» (Кубарев, 2009. Рис. 55, 63), конечности и т.д. Таким образом, В.Д. Кубарев верно обозначил, что сначала выполнялся пикетаж. Однако шлифовка производилась вторым этапом, гравировка – третьим и завершающим.

Киреев С.М., Солодовников К.Н., Нечвалода А.И., 2020. Погребение каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая в с. Мендур-Соккон (предварительные результаты археологического и палеоантропологического исследования) // Теория и практика археологических исследований. Т. 29. № 1. С. 110–121.

Кубарев В.Д., 1988. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние. 173 с. Кубарев В.Д., 2009. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: СО РАН. 264 с.

О.П. Ларенок

OOO «Южархеология», Ростов-на-Дону ksanalare@mail.ru

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ФИНАЛА СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ДОНА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

В публикации приводятся обобщенные результаты исследования памятников, относящихся к двум культурным образованиям финала средней бронзы в низовьях р. Дон: каменско-ливенцовской культурной группе и днепро-донской бабинской культуре (далее – ДДБК). Учтено 22 известных на данный момент памятника, два из которых – Ливенцовская и Каратаевская крепости, остальные представлены поселениями. В работе использовались такие методы, как сравнительный для анализа керамических комплексов и картографический для выявления заономерностй в расположении объектов.

Картографирование показало связь между местоположением поселений и основными водоемами региона, включая Таганрогский залив, р. Дон, а также его притоки — Мертвый Донец и Северский Донец (рис. 1). Выбор мест обитания около водоемов не случаен и, возможно, зависел от существовавших в древности путей перемещения населения. Теория о продвижении племен ДДБК с запада на восток уже в раннем периоде находит обоснование в работах Р.А. Литвиненко (период IA-IБ, по Р.А. Литвиненко (2020. С. 335)). Пришедшие на нижнедонские территории представители ДДБК обитают на временных или сезонных селищах и не сооружают фундаментальных построек, о чем свидетельствует отсутствие столбовых ямок, котлованов и очагов.

Перечисленные признаки жилых сооружений в исследуемом регионе обнаружены только на поселении Ливенцовское I (Братченко, 1969. С. 216; 1976. С. 111), основанном после падения крепостей и существовавшем на позднем этапе развития ДДБК (Ларенок, 2023. С. 154—155). Ближайшие памятники, на которых найдены котлованы и столбовые ямы, располагаются севернее, по берегам Северского Донца (Ильичевка, Алешин Ручей), и западнее (Раздольное) (рис. 1). По мнению С.Н. Санжарова, предпочтение при выборе места под поселения зимнего типа именно северных территорий было связано с родовой преемственностью и наличием как растительности для выпаса скота, так и леса, необходимого для постройки жилищ и отопления (Санжаров, 2010. С. 361).

В сложившейся системе Каратаевская и Ливенцовская крепости имели, по всей видимости, ключевое значение. Основанные немного ранее появления племен ДДБК выходцами с Северного Кавказа нижнедонские форпосты становятся обменно-торговыми и производственными центрами. В связи с этим сооружение оборонительных стен на них могло быть обусловлено необходимостью как защитить население, так и сберечь имущественные блага для дальнейшего обмена (Братченко, 2006. С. 180–181). О наличии такого рода взаимоотношений свидетельствует анализ керамических коллекций. Сравнение сосудов из крепостей и поселений показало, что между ними имеется ряд отличий в наборах преобладающих форм и орнаментов. При этом в коллекциях фиксируется особый тип керамики, именуемый «таманский». Он является показателем торговообменных отношений между рассматриваемыми культурными группами, а также между местным населением и племенами Северного Кавказа, Тамани и Крымского полуострова в финале эпохи средней бронзы (Кияшко, Ларенок, 2023. С. 167–169).

Таким образом, можно предположить, что в периоды летних кочевий племена ДДБК приходили в низовья Дона не только для выпаса скота, но и для обмена това-

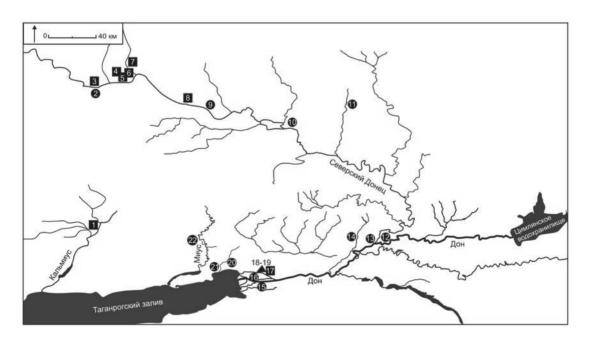

Рис. 1. Поселения финала средней бронзы на территории Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья.

Днепро-донская бабинская культура:

с жилищами: 1 — Раздольное; 3 — Ильичевка; 4 — Серебрянское; 5 — Андреева Горка; 6 — Алешин ручей; 7 — Песчаное; 8 — Капитаново; 17 — Ливенцовка I;

без следов жилых построек: 2 – Рай-Стародубовка; 9 – Трехизбенки; 10 – Россошь II; 11 – Закатное I, II; 12 – Раздорское; 13 – Малая Сопка I; 14 – Ягодинка II; 15 – Дугино X; 16 – Лагутник; 20 – Самбек; 21 – Вареновка; 22 – Сухоречье II.

Каменско-ливенцовская культурная группа: 18 — Каратаевская крепость; 19 — Ливенцовская крепость.

рами с жителями крепостей. Произошедшее на развитом этапе финальной стадии эпохи средней бронзы падение Каратаевского и Ливенцовского укреплений вследствие военного конфликта (Мимоход, 2022. С. 88–92) могло спровоцировать возникновение поселения Ливенцовское І, расположенного рядом. Причина этого, вероятно, заключалась в необходимости продолжения торговых отношений между представителями ДДБК и обитателями более южных территорий. При этом нельзя утверждать, что во времена существования поселения Ливенцовское І предшествующие контакты были сохранены. Существенным доводом против такого утверждения служат различие материалов поселения и крепостей и отсутствие таманского типа керамики.

Подводя итог, можно отметить, что расселение племен ДДБК на территориях Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья было связано с двумя важнейшими факторами. Первый – расположение основных водных артерий, создающих своеобразные пути продвижения населения. Второй – установление отношений с жителями Каратаевской и Ливенцовской крепостей, которые в финале средней бронзы были важными обменноторговыми пунктами, связывающим нижнедонские территории с Крымом, Таманью и Северным Кавказом.

Братченко С.Н., 1969. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. Т. XXII. С. 210–231.

Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев. 251 с.

Братченко С.Н., 2006. Ливенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Вип. 6 / Ред. С.М. Санжаров. Луганьск: Вид-во СНУ им. В. Даля. С. 32–307.

Кияшко А.В., Ларенок О.П., 2023. О выделении керамики таманского типа финала периода средней бронзы // Археологические вести. Вып. 38. С. 155–175.

Ларенок О.П., 2023. Относительная хронология Ливенцовско-Каратаевской крепости: от северокавказских истоков до военного столкновения // Самарский научный вестник. Исторические науки. Т. 12. № 1. С. 153–156.

Литвиненко Р.А., 2020. Посткатакомбная эпоха Восточной Европы: миграции или военные походы // Stratum Plus. № 2. С. 333–357.

Мимоход Р.А., 2022. Штурм Ливенцовско-Каратаевской крепости: война миров или война внутри мира // КСИА. Вып. 266. С. 79–96.

Санжаров С.Н., 2010. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. Луганск: Изд-во ВНУ им. В. Даля. 488 с.

Ш.Н. Наджафов*, М.Г. Мурсагулиев**, С.Б. Алиева***

*Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана, Баку
**Государственный историко-культурный заповедник «Кешикчидаг», Агстафа
***Государственный историко-культурный заповедник «Авей», Газах
shamil_necefov@mail.ru, mursaqulov@gmail.com, mursaqulova@gmail.com

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ДЖЕЙРАНЧЁЛЬСКОЙ РАВНИНЕ В 2024 г. КУРГАНЫ КАРВАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Джейранчёльская равнина площадью 0,9 кв. км расположена между р. Курой и Эльдарской степью и охватывает часть равнины южного предгорья Большого Кавказского хребта. Значительное количество археологических памятников Джейранчёльской равнины, в том числе группа курганов, относящихся к разным этапам бронзового века, находится на территории Кешикчидагского государственного историко-культурного заповедника. Он создан в 2007 г. в Агстафинском районе на западе Азербайджана (Мурсагулиев и др., 2024. С. 152).

Летом 2024 г. в рамках проекта «Научно-археологические раскопки и Летняя школа-4 в Кешикчидаге» на территории Карванской долины сотрудниками Института археологии и антропологии НАН Азербайджана и заповедника «Кешикчидаг» проведены археологические работы.

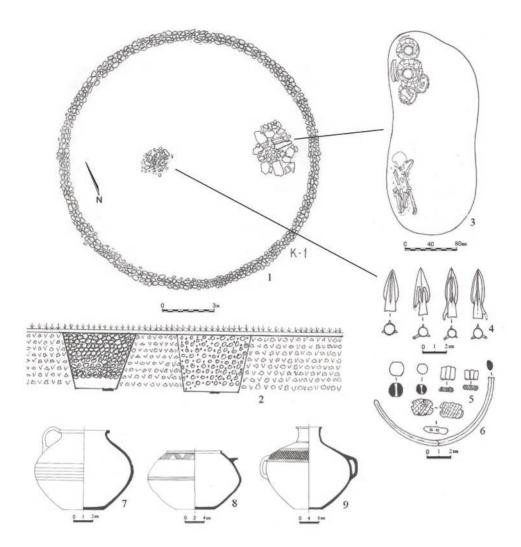

Рис. 1. Курган № 1 из Карванской долины.

1 – кромлех, погребальные камеры 1 и 2, план; 2 – погребальные камеры 1 и 2, разрез; 3 – погребальная камера 2, план; 4 – наконечники стрел скифского типа; 5 – бусы из пасты и каури; 6 – бронзовый браслет; 7–9 – глиняные горшки.

Каменные курганы Карванской долины относятся к нескольким типам. Некоторые из них имеют насыпь из крупных речных булыжников, другие — из мелкого гравия. Иногда эти строительные техники сочетаются: центральная часть и подножие насыпи состоят из крупных камней, а пространство между ними заполнено мелким гравием вперемешку с гажей. В некоторых случаях фиксируются углубления, образовавшиеся в результате ограблений. Наконец, есть небольшие насыпи высотой 0,5—1 м. Общей чертой всех курганов предгорной части Кешикчидага является отчетливо выделяющийся кромлех, аккуратно сложенный в два или три ряда из крупных булыжников.

Курган № 1 имеет диаметр 21 м и высоту 2,2 м, его покрытие сформировано смесью известки с глиной с добавлением мелкой гальки. Окружен правильным кромлехом в виде круга из некрупных (15×10 , 15×20 , 20×25 см) речных камней (рис. 1: 1). Под насыпью, на уровне современной поверхности земли, обнаружена центральная погребальная камера, а в 8 м к востоку от нее — еще одна (рис. 1: 1, 3). Центральная камера размерами $2,5 \times 2,3$ м ориентирована по оси север — юг, на нее навалены речные камни средних размеров. В северо-восточном углу камеры найден неповрежденный череп лошади, особенно хорошо сохранились челюсти и зубы. Рядом с ним зафиксированы фрагменты глиняной посуды (кувшинного типа), четыре скифских наконечника стрел, расположен-

ных близко друг к другу, простой бронзовый браслет в виде полосы, средние и мелкие бусины из белой и синей пасты (рис. 1: 5–9). К северу от конского черепа в небольшом кувшинчике обнаружены восемь круглых тонкостенных изящной работы золотых бус с рифленым узором. Упорядоченное расположение наконечников стрел свидетельствует о том, что во время захоронения они помещались в деревянный колчан.

Второе погребение располагалось у восточного подножия кургана № 1, на расстоянии 1,5 м от кромлеха (рис. 1: 3). Могильная камера размерами 3,1 × 1,6 м ориентирована по линии север — юг, ее глубина составляет 1,5 м. Человеческий скелет, найденный в югозападном углу камеры, лежал на левом боку в скорченном положении, лицом на восток. Голова направлена к плечу (рис. 1: 3). В северной части могилы, над головой умершего, были расставлены глиняные горшки (4 экз.) с хорошо лощеной поверхностью.

Диаметр кургана № 2 составляет 32 м, высота насыпи над современной поверхностью -2.5 м. Погребальная камера, обнаруженная в центре, ориентирована по направлению север - юг. Ее размеры 3×2.5 м под перекрытием, полностью состоящим из речных камней среднего и крупного размера. Верх самой камеры накрыт тяжелыми плитами, высеченными из крупных валунов скальной породы. В ее заполнении в окружении шести глиняных горшков найдены фрагменты костей мелкого рогатого скота. Человеческий скелет не обнаружен.

Курган № 3 расположен в 24 м к северо-западу от кургана № 2. Его насыпь диаметром 4 м и высотой 1 м земляная. Погребальная камера, как и в других курганах, перекрыта крупными плитообразными кусками скального камня. Ее размеры 2,9 × 1,9 м, ориентировка — по линии север — юг. В части погребальной камеры глубиной 1,6 м, где зафиксированы человеческий скелет и сопроводительный инвентарь, у изголовья и у ног умершего были уложены деревянные балки толщиной 40 см. Стены камеры укреплены известковым раствором. Скелет находился в полусогнутом положении на правом боку, лицом на запад. Под его ногой выявлены бедренная кость быка и кувшин крупного размера.

Материалы, происходящие из кургана № 1, позволяют датировать его VIII–VII вв. до н.э. Основанием для такого вывода являются находка наконечников стрел скифского типа и некоторые особенности скифских погребений. Хотя человеческий скелет, обнаруженный в погребении № 2 кургана № 1, не принадлежит носителям скифской культуры, инвентарь в погребальной камере № 1 можно атрибутировать как артефакты, принадлежавшие скифам или распространившиеся в среде контактировавшего с ними местного населения. Эти данные еще раз подтверждают вывод о взаимодействии и взаимовлиянии культур, религиозно-идеологических взглядов, инновационных социальных и технологических явлений, переносимых через Джейранчёльскую равнину крупными миграциями с севера и юга (Наджафов и др., 2024. С. 127–128).

Площадь, структура, устройство погребальных камер, порядок захоронения, а также типологический анализ находок из курганов № 2 и 3, раскопанных в Карванской долине, позволяют датировать их эпохой поздней бронзы — раннего железа (вторая половина II — начало I тыс. до н.э.). Древние жители региона, являвшиеся носителями ходжалы-гедабекской культуры, хоронили своих умерших в курганах и совершали соответствующие погребальные обряды.

Мурсагулиев М.Г., Юсифзаде Л.А., Мамедова Ф.Ю., Наджафов Ш.Н., 2024. Итоги археологических исследований, проведенных в Джейранчельской равнине в 2023 г. // Актуальная археология 7. Материалы международной научной конференции молодых ученых / Отв. ред. А.М. Киселева. СПб.: ИИМК РАН. С. 152–155.

Наджафов Ш.Н., Мурсагулиев М.Г., Алиева С.Б., 2024. Курганы эпохи бронзы равнины Джейранчёль и зона их распространения // Ахинжановские чтения — 2024: материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых / Отв. ред. Р.С. Мусаева. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. С. 123—129.

Новосибирский государственный университет ulasolnze@gmail.com

СОПОСТАВЛЕНИЕ СТИЛЕЙ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ КАЛБАК-ТАША В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И СКИФСКОЕ ВРЕМЯ (ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ ОЛЕНЯ)

Одним из известных комплексов петроглифов на территории Алтая является Калбак-Таш, расположенный на правом берегу р. Чуи (Кубарев, 2011. С. 5). На относительно небольшом участке здесь расположено значительное количество разновременных петроглифов, датируемых от эпохи неолита до древнетюркского времени. Это и послужило причиной выбора памятника в качестве объекта настоящего исследования.

Петроглифы Калбак-Таша характеризуются многообразием образов, среди которых преобладают животные. Определение содержания образов является одной из ведущих задач в изучении наскального искусства. С течением времени изменяется не набор их, а лишь способы передачи (Шер, 1980. С. 33). Последние в разных изобразительных пластах различны, поэтому анализ трактовки одного и того же образа с учетом стилистических особенностей позволит выделить специфические художественные приемы и отделить изображения, характерные для эпохи поздней бронзы, от принадлежащих скифскому времени.

Помимо стилистических особенностей важную роль играют зоологические характеристики. Их выявление дает возможность установить набор ключевых для рассматриваемого вида животного признаков и в дальнейшем определить особенности их передачи в разных стилях. Метод зооморфологического описания экстерьерных признаков изображенных животных может основываться на двух подходах (Зоткина и др., 2022. С. 302; 2023. С. 146). В рамках настоящей работы выбрана сравнительно-зоологическая методика. Она позволяет сконцентрировать внимание на отличительных чертах изображений определенного вида млекопитающих. При сопоставлении разновременных образов важную роль играют пропорции характерных деталей фигуры зверя и их соотношение между собой (см. ниже). Основываясь на таком подходе, можно определить вид оленевых и выделить особенности изображений, выполненных в разных стилях, с учетом базовых морфологических характеристик видов изображенных животных.

Образ оленя для апробации методики выбран намеренно; такие изображения довольно многочисленны и составляют достаточную выборку. Кроме того, эти животные имеют выраженные видовые характеристики, что упрощает экстерьерный анализ. Важно отметить, что олень как одушевленный объект изменяется лишь стилистически, зачастую фиксируются его морфологические особенности (рога, ноги, туловище). Форма неодушевленных объектов (например, колесниц, оружия и др.), напротив, значительно более изменчива.

В рамках исследования подготовлена выборка из 60 изображений оленя, относящихся к эпохе поздней бронзы и скифскому времени. На этом материале выделены следующие параметры измерений: высота туловища в средней части (живот), длина рогов, высота крупа и толщина туловища по линии передней ноги (в холке) (Зоткина и др., 2023. С. 147). Их важно соотнести друг с другом и установить их взаимосвязь. Именно эти пропорции описывают морфологически значимые особенности оленя, однако в разных стилях они выглядят по-разному. Так, у скифских изображений толщина туловища в холке больше, чем у образов эпохи поздней бронзы, за счет подчеркнутого грудного отдела. Стилистические характеристики наскального искусства разных эпох остаются предметом дискуссий (Domingo Sanz et al., 2014. Р. 7104). Выделение наборов специфических черт изображений оленя и их сопоставление будет способствовать уточнению стилистических особенностей петроглифов изучаемых периодов.

В рамках настоящего исследования рассмотрены следующие характерные особенности изображений оленей: художественные приемы (контурный, силуэтный); размер; форма туловища; вид рогов; количество ног, их положение; степень детализации фигуры животного. На основе имеющихся данных охарактеризованы наскальные изображения оленя эпохи поздней бронзы и скифского времени с комплекса Калбак-Таш (Горный Алтай). Результаты анализа экстерьерных признаков позволят систематизировать и классифицировать базу существующих изображений и упростить интерпретацию новых.

Зоткина Л.В., Колобова К.А., Давыдов Р.В., Сутугин С.В., Маликов Д.Г., 2023. Подходы к таксономическому определению изображений животных (по материалам сибирских петроглифов) // Stratum Plus. № 2. С. 143–153.

Зоткина Л.В., Маликов Д.Г., 2022. Результаты изучения экстерьерных признаков зооморфных изображений грота Шахты (Восточный Памир) // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта. Абакан, 18–22 октября 2022 г. / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 301–304.

Кубарев В.Д., 2011. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 444 с

Шер Я.А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 328 с.

Domingo Sanz I., Fiore D., 2014. Style: Its Role in the Archaeology of Art // Encyclopedia of Global Archaeology. New York: Springer. P. 7104–7111.

К.Ю. Пельве

Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва Институт археологии РАН, Москва kpelve@gmail.com

КУЛЬТУРА «МОРСКОЙ ТРОИ»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Культура «морской Трои» выделена Манфредом Корфманом и впервые представлена в 1996 г. в статье, посвященной результатам раскопок городища на холме Гиссарлык в 1995 г. Критериями ее выделения послужили архитектура и керамический материал. Стратиграфические границы культуры охватывают города с I по III¹, а ареал включает прибрежную зону и острова северной половины Эгейского бассейна и Мраморное море (Korfmann, 1996. S. 2–20). Время существования — XXX—XXIII вв. до н.э. (Korfmann, 2006. S. 4–5). Корни культуры видятся в слое Кумтепе (В) (Korfmann, 1996. S. 19).

С момента первого появления в печати термина «морская Троя» критерии выделения культуры оставались неизменны². Основным, архитектурным, является строительство домов-мегаронов. Этот тип сооружений впоследствии сменяется другим, характерным для культуры «анатолийской Трои» (города IV–V) с ее плотной застройкой и общими стенами домов. Очевидное на первый взгляд противоречие, заключающееся в смене типа застройки уже во время существования III города, объясняется смещением «центра жизни» в другую часть городища (Korfmann, 2000. S. 13). Отмечается, что и ворота цитадели остаются на одних и тех же местах с I по III периоды, что подтверждает, по-видимому, культурную преемственность.

Второй критерий – керамический материал. Основная причина, по которой культура имеет именно такие хронологические границы, – присутствие лепной керамики, характерной для Трои I, в слоях Трои II и III (Korfmann, 1998. S. 2). Сам М. Корфман упоминает, что появление круговой посуды в слоях II города является не свидетельством смены культур, а следствием усилившегося расслоения внутри общества. Однако опубликованная К. Блегеном и ставшая классической типология троянских сосудов едина

¹ Используется хронология городища на холме Гиссарлык, предложенная С. Унлюсоем, в которой фазы II-f и II-g (по К. Блегену) относятся к раннему III городу (Ünlüsoy, 2010).

 $^{^2}$ М. Корфман трагически скончался в 2005 г. В его работе, опубликованной год спустя, сохраняется та же схема культур (Korfmann, 2006).

для городов с I по V. Современные же исследования, хотя и допускают смену набора керамических форм между III и IV городами (Pavúk, 2010. С. 95), четких реконструкций не предлагают. Сосуды распределяются таким образом, что различные их формы (Weninger, 2002. Fig. 5; указаны типы по К. Блегену)¹

- существуют с I периода по V (например, A 16, D 23);
- практически прекращают свое существование на рубеже I и II периодов (например, A 6, A 7, A 12, C 16, D 24);
- являются специфическими, существующими в основном во II периоде (например, С 21 и А 45 так называемые depas);
 - неизвестны ранее IV периода (например, A 18, A 20, A 33, C 22).

Помимо появления гончарного круга медленного вращения в период существования II города происходит радикальное увеличение количества изделий из металла. Большая их часть найдена в составе так называемых кладов (Авилова, 2018. Табл. 2) и представляет собой вещи престижные, в основном ювелирные изделия. Оба явления можно интерпретировать схожим образом — как признаки усилившегося расслоения общества.

Говоря о конкретной культуре, нельзя не затронуть вопрос определения самого этого понятия. Активная дискуссия по данному вопросу проходила в научной печати во второй половине XX в. Суть дефиниции археологической культуры, помимо определения ареала и хронологических рамок, заключается в выделении «значительного ряда существенных типов», которые относятся к «нескольким из важнейших категорий археологического материала»², образуют комплексы и характерны для ряда памятников (Клейн, 1970). Это модель, которую необходимо строить по определенным правилам, учитывающим особенности конкретного периода и региона таким образом, что корректная интерпретация модели может позволить сделать исторические выводы.

Что же касается культуры «морской Трои», представляется, что ее определение необходимо расширить за счет включения важных, но не использовавшихся пока для ее характеристики категорий – изделий из камня и металла. Учитывая, что такой ключевой тип памятников, как погребения, в культуре «морской Трои» не известен³, тем больше внимания следует уделить материалу, который имеется в распоряжении исследователей. Еще одно направление работы – более активное привлечение находок с других памятников, помимо городища на холме Гиссарлык.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что не следует ставить под сомнение реальность культуры «морской Трои». При этом выявленная проблематика требует взглянуть на ее материалы более широко. Опубликованные построения М. Корфмана основаны на ограниченном наборе категорий — типе застройки и керамике. Дополнение их металлическим и каменным инвентарем может уточнить ареал, хронологические границы культуры и помочь продвинуться в дальнейшей интерпретации памятника.

Авилова Л.И., 2018. Анатолийские клады металлических изделий. Очерки металлопроизводства и культурного контекста. М.: ИА РАН. 248 с.

Бочкарев В.С., 2024. О современном состоянии проблемы определения понятия «археологическая культура» // Археологические вести. № 42. С. 50–55.

Клейн Л.С., 1970. Проблема определения археологической культуры // СА. № 2. С. 37–51.

Blegen C.W., Caskey J.L., Rawson M., Sperling J., 1950. Troy. General Introduction. The First and Second Settlements. Princeton: University press (for University of Cincinnati).

Korfmann M., 1996. Troia – Ausgrabungen 1995 // Studia Troica. Bd. 6. S. 1-65.

Korfmann M., 1998. Troia – Ausgrabungen 1997 // Studia Troica. Bd. 8. P. 1–71.

Korfmann M., 2000. Troia – Ausgrabungen 1999 // Studia Troica. Bd. 10. P. 1–52.

 $^{^{1}}$ Типы сгруппированы по назначению: А – сосуды для еды и питья (41 тип); В – емкости для розлива (24 типа); С – сосуды для хранения (39 типов); D – сосуды различного назначения, не вошедшие в остальные группы (34 типа) (Blegen et al., 1950. Fig. 129–132).

² В.С. Бочкарев отмечает обязательность включения в этот круг погребальных или поселенческих памятников (Бочкарев, 2024. С. 54).

 $^{^{3}}$ Обнаружены лишь отдельные погребения на территории городища.

- Korfmann M., 2006. Troia Archäologie eines Siedlungshügels und seiner Landschaft // Troia. Archäologie eines Siedlungshügels und seiner Landschaft / Hrsg. M.O. Korfmann. Mainz: Philipp von Zabern. S. 1–12.
- Pavúk P., 2010. Pottery processing at Troy. Typology, Stratigraphy and Correspondence Analysis: how do they work together // Analysing pottery. Processing Classification Publication / Eds. B. Horejs, R. Jung, P. Pavúk. Bratislava: Comenius University in Bratislava. P. 73–98.
- Ünlüsoy S., 2010. Die Stratigraphie der Burg von Troia II. Dissertation Eberhardt-Karls-Universität Tübingen.
- Weninger B., 2002. Pottery Seriation dating at Troy in the Early Bronze Age, based on the Cincinnati Classification System // Eds. R. Aslan, S. Blum, G. Kastl, F. Schweizer, D. Thumm. Mauerschau. Festschrift für Manfred Korfmann I. Remshalden-Grunbach. S. 1035–1062.

В.Н. Пинской

Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пущино pinskoy@inbox.ru

ПАРАЗИТОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЗАПАДНОГО КРЫМА¹

В данной работе представлены результаты археопаразитологического анализа и изучения биологической активности почв культурных слоев археологических памятников эпохи поздней бронзы Западного Крыма. Археопаразитологический анализ (Слепченко, 2018) проводился в совокупности с микробиологическими методами (Чернышева и др., 2016. С. 93), такими, как определение численности сапротрофных и термофильных микроорганизмов, кератинолитических грибов, целлюлозоразлагающих бактерий, а также активности фермента уреазы. Объекты исследования расположены на территории Западного Крыма и относятся к поздней сабатиновской – ранней белозерской культурам позднего бронзового века (ХІІ–Х вв. до н.э.) (Смекалова и др., 2013. С. 194). Для изучения выбраны три ключевых участка: Тюмень 3, Тюмень 7 и Багай 1.

По предварительным данным, объект Тюмень 7 интерпретирован как место содержания скота на основании остатков конструкции, очертания которой похожи на загоны. Объект Тюмень 3 представляет собой жилище. На участке Багай 1 отбор почвенных образцов осуществлялся на трех объектах: внутри загона и жилища и за пределами загона. В качестве фона использовались почвы, расположенные за пределами памятников.

На перечисленных объектах выявлено два основных рода гельминтов: *Dicrocoelium sp.* и *Trichuris sp.* На памятниках Крымского полуострова обнаружено 17 яиц геогельминтов. Из них 13 интерпретированы как *Dicrocoelium sp.*, 4 – как *Trichuris sp.*

Для анализа использовались целые яйца и с отпавшей оперкулум, деформированные экземпляры не учитывались. Размеры яиц без крышечки определялись так, как если бы она присутствовала, для этого применялся поправочный коэффициент 1,1 (Foreyt, 2013). Средняя длина яиц *Dicrocoelium sp.* составляет 30 мкм, ширина — 19 мкм, средняя длина яиц *Trichuris sp.* — 50 мкм, ширина — 30 мкм. Для выявления корреляционных связей встречаемости яиц геогельминтов с микробиологическими показателями использовались средние значения второго показателя. Для корректного определения связи с активностью фермента уреазы применялось нормирование значений по культурным слоям.

По полученным данным построена векторная диаграмма и диаграмма рассеивания по максимальной дисперсии микробиологических свойств и встречаемости яиц паразитов (рис. 1). На векторной диаграмме в правой полуоси фиксируется тесная корреляция между активностью фермента уреазы, термофильными микроорганизмами и встречаемостью яиц *Trichuris sp.* Диаграмма рассеивания демонстрирует, что на объекте Тюмень 7, шурф 2 (загон) выявлена высокая встречаемость яиц *Trichuris sp.*, активность фермента уреазы и численность КОЕ термофильных бактерий. Следует отметить, что в других объектах, кроме фона, яйца этого гельминта не обнаружены. Установлено

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ, грант 22-68-00010.

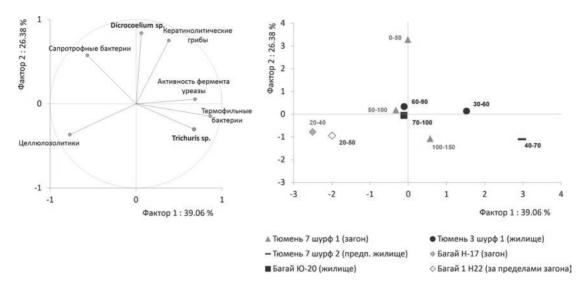

Рис.1. Микробиологические параметры и встречаемость яиц паразитов в памятниках Западного Крыма эпохи поздней бронзы.

Цифровые значения внутри диаграммы рассеяния соответствуют глубине культурного слоя от поверхности.

наличие тесной корреляции встречаемости яиц *Dicrocoelium sp.* с кератинолитическими грибами, в меньшей степени — с численностью КОЕ сапротрофных бактерий. Максимальные значения перечисленных показателей отмечены в верхних слоях почвы, на глубине до 50 см, в объекте Тюмень 7, шурф 1 (загон). Отрицательная корреляция выявлена между встречаемостью яиц геогельминтов и численностью КОЕ целлюлозолитиков, которые напрямую связаны с состоянием растительных остатков в почве.

Стоит отметить, что яйца *Dicrocoelium sp*. не обнаружены в культурных слоях объектов Тюмень 7, шурф 2 (40–70, загон), Багай 1, H-17 (20–40, загон) и Багай 1 H22 (20–50, за пределами загона). Встречаемость их в предполагаемых местах содержания скота и в жилищах практически одинакова, что, вероятно, связано с переносом яиц на обуви в жилые постройки.

В отличие от исследованных объектов, в фоновом образце почвы зафиксированы оба рода гельминтов, а их количество превышало количество экземпляров, найденных в культурном слое. Данная ситуация может быть связана с отбором проб с поверхности профиля. По-видимому, такие факторы, как время и высокая степень выветривания в регионе обусловили плохую сохранность материала. На это указывает частая встречаемость яиц паразитов в верхних слоях фоновой почвы за пределами памятников. Незначительное количество находок в культурных слоях памятников, вероятно, связано с захоронением яиц на некоторую глубину, что повлияло на их сохранность.

Слепченко С.М., 2018 Возможности археопаразитологии и антропологической реконструкции (методические аспекты). Дис. ... канд. биол. наук. М. 203 с.

Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А., Чудин А.В., 2013. Археологическая карта окрестностей Керкинитиды // Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А. Ортли. Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса. Симферополь: Феникс. С. 136–239 (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. ХІ. Ч. 2).

Чернышева Е.В., Борисов А.В., Коробов Д.С., 2016. Биологическая память почв и культурных слоев археологических памятников. М.: ГЕОС. 240 с.

Foreyt W.J., 2013. Veterinary Parasitology Reference Manual. New York: John Wiley & Sons. 248 p.

ИСТОРИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГРАВИРОВАННЫХ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Гравировка — это техника нанесения петроглифов на различные твердые поверхности путем прорезания линий, не привязанная к определенной эпохе или территории (Миклашевич, 2012. С. 157). Она может применяться как самостоятельно, так и в совокупности с другими рельефными техниками или с нанесением краски. Изучением гравированных изображений занимались многие исследователи (Окладников, Запорожская, 1959. С. 86–145; Шер, 1980. С. 106–144), но их технологические характеристики объектами специального анализа еще не становились. Настоящая работа рассматривает историю технологических исследований гравированных наскальных изображений и призвана послужить фундаментом для адаптации экспериментально-трасологического метода к их изучению.

Исследования технологии нанесения гравировок начались еще до разработки экспериментально-трасологического метода (Семенов, 1957. С. 15–44). Первыми обратили внимание на эту технику А. Брейль, Л. Капитан и Д. Пейрони (Саріtan et al., 1903). Их деятельность отражает начальный этап, на котором проводится выборочный анализ и описываются общие морфологические признаки резных линий.

На втором этапе разрабатывается методика исследований. М. Лорбланше одним из первых провел серию экспериментов, направленных на изучение гравированных изображений в комплексном анализе рельефных техник (Lorblanchet, 1973). Однако пионерское целенаправленное исследование принадлежит Б. и Ж. Деллюкам (Delluc B., Delluc G., 1981), которые применили к гравировкам экспериментальный подход. Создается классификация кинематики движений при обработке поверхности, идет процесс формализации терминов. Но трасологический анализ основным исследовательским инструментом еще не стал.

В советской период в отечественном петроглифоведении технологический аспект в наскальном искусстве практически не рассматривался (Шер, 1980. С. 38). Новое направление — «трасология наскального искусства» — появилось в России в 2000-х годах. Е.Ю. Гиря и Е.Г. Дэвлет впервые предложили изучать петроглифы экспериментальнотрасологическим методом, их труды начали третий этап (Гиря, Дэвлет, 2008). На данный момент трасологи подробно исследуют технику выбивки (Зоткина, 2020; Федорова, Мешалкина, 2020). Гравированные изображения с применением трасологического анализа практически не изучались, но опубликованы первые экспериментальные изыскания техники гравировки (Миклашевич, 2012).

В начале XXI в. методики документирования в археологии изменились в результате появления новых цифровых возможностей. В связи с этим в последние годы в трудах зарубежных специалистов, которые можно отнести к четвертому этапу, все больше делается акцент на анализ следов нанесения изображений. Исследователи уделяют значительное внимание экспериментальному моделированию и не называют свои работы трасологическими (Brochard et al., 2022).

Таким образом, несмотря на обилие памятников наскального искусства, технологические особенности нанесения гравированных изображений практически не изучались с позиций экспериментально-трасологического подхода. Внимание специалистов сосредоточено преимущественно на выбитых петроглифах. Е.А. Миклашевич видит причину такого выбора в трудности копирования и обнаружения гравировок. Исходя из представленных данных, можно сделать вывод о том, что трасология как отдельный подход в исследовании наскального искусства появилась относительно недавно, и анализ гравированных изображений посредством экспериментально-трасологического метода только предстоит.

- Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г., 2008. Трасологическое исследование петроглифов Петтымеля // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. III / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 12–15.
- Зоткина Л.В., 2020. Что такое трасология петроглифов и для чего она нужна? // Universum Humanitarium. № 1. С. 69–85.
- Миклашевич Е.А., 2012. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии / Отв. ред. О.С. Советова, Г.Г. Король. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 157–202.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1959. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.; Л., 145 с.
- Семенов С.А., 1957. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы). М.; Л.: АН СССР. 240 с. (МИА. № 54).
- Федорова Д.Н., Мешалкина М.А., 2020. Птицы в наскальном искусстве Карелии и Финляндии: образ и технологические особенности // Universum Humanitarium. № 1. С. 128–143.
- Шер Я.А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 328 с.
- Brochard É., Feruglio V., Bourdier C., Ferrier C., Konik S., Mora P., Jaubert J., 2022. Support et instruments: les media de la gravure dans la grotte de Cussac (Dordogne, France). Nouvelle approche méthodologique du Panneau du Réticulé // PALÉO. 32. P. 126–146.
- Capitan L., Breuil H., Peyrony D., 1903. Les figures gravées à l'époque paléolithique sur les parois de la grotte de Bernifal // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Ann. 47. N. 3. P. 219–230.
- Delluc B., Delluc G., 1981. La grotte ornée de Comarque à Sireuil (Dordogne) // Gallia Préhistoire. T. 24. Fasc. 1. P. 1–97.
- Lorblanchet M., 1973. La grotte de Sainte-Eulalie à Espagnac (Lot) // Gallia Préhistoire. T. 16. Fasc. 2. P. 3–62, 233–325.

Ф.А. Сыроватко

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва fedor-syrovatko@yandex.ru

К ВОПРОСУ О «ЮЖНЫХ» ЧЕРТАХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

История изучения фатьяновской культуры насчитывает более ста лет. За это время главными концепциями ее происхождения оставались «западная», возводившая ее к культурам шнуровой керамики (Крайнов, 1972. С. 243–248), и «южная», связывавшая ее генезис с ранними скотоводами степной зоны (Чайлд, 1957. С. 227). Возобновление интереса к этой теме в недавних работах (Энговатова и др., 2024. С. 227–230) побуждает взглянуть на нее под новым углом. Наиболее перспективным представляется рассмотрение через призму погребального обряда, поскольку именно могильники служат основным источником информации о фатьяновской культуре.

В контексте рассмотрения «южной» концепции в данной работе проведено статистическое сравнение погребального обряда фатьяновской культуры и локальных вариантов ямной КИО – волго-уральского и донского. Выбор ямной КИО в качестве предполагаемого источника «южных» черт не случаен. Территориально волго-уральский и донской варианты близки к ареалу фатьяновской культуры – территории Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. При этом период их существования – XXXIV–XXV вв. до н.э. (Черных, Орловская, 2004. С. 24), предшествовал возникновению и развитию фатьяновских древностей в XXVI–XXI вв. до н.э. (Энговатова и др., 2024. С. 242–243). Такое хронологическое соотношение позволит в случае выявления сходств говорить о первичности ямной КИО, тогда как сравнение с синхронными материалами, например, катакомбной культуры будет свидетельствовать, скорее, о взаимном влиянии.

Для анализа фатьяновского погребального обряда отобраны 156 комплексов из 17 могильников, волго-уральского и донского вариантов ямной КИО – 119 погребений из 37 курганных могильников. Основным критерием отбора была сохранность костей ске-

лета, достаточная для определения его положения в могиле. Выделены основные черты погребальных традиций рассматриваемых культур.

- А) Скорченное положение покойников. Как для фатьяновских памятников, так и для локальных вариантов ямной КИО практически неизвестны вытянутые захоронения. В рамках выборки таковы лишь погребение № 3 из кургана 11 Павловского могильника (донской вариант ямной КИО), а также погребение 4 Тимофеевского и погребение 6 Ханевского могильников (фатьяновская культура). В то же время носители культуры шнуровой керамики, с которыми ряд исследователей склонен связывать происхождение фатьяновской, практиковали такое положение широко (Артеменко, 1967. С. 60–62; Свешников, 1983. С. 19–20).
- **Б) Широтные ориентировки** чрезвычайно распространены в обеих рассматриваемых культурных общностях. Их процентное соотношение в выборке составило 12,5 % к 87,5 % (8 шт. к 148 шт.) для фатьяновской культуры и 8 % к 92 % (7 шт. к 112 шт.) для локальных вариантов ямной КИО. Напротив, население культуры шнуровой керамики широко практиковало меридиональные ориентировки, при почти полном отсутствии широтных.
- **В)** Боевые топоры. Сверленые топоры ямной КИО близки фатьяновским по форме, а расположение их в могиле (перед лицом умершего или за черепом) в обеих культурах идентично. Содержащие такие предметы погребения составляют 24 % изученных фатьяновских комплексов. Для волго-уральского и донского вариантов ямной КИО эта категория инвентаря характерна в меньшей степени, доля захоронений с топорами 10,1 % всех погребений ямной КИО в выборке. Сделанный вывод подтверждается исследователями по материалам других вариантов ямной КИО, в частности, Предкавказья (Клещенко, 2019. С. 226).

Представленные данные демонстрируют значительное сходство сочетаний признаков в погребальных обрядах рассматриваемых общностей, но не позволяют говорить о причинах возникновения обозначенных черт в фатьяновской среде. Поскольку погребальные традиции являлись одной из наиболее консервативных областей жизни древних обществ, выявленное сходство может свидетельствовать о южном компоненте, принимавшем участие в сложении фатьяновской культуры. Для конкретизации этого вывода необходимы дальнейшие исследования.

Артеменко И.И., 1967. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.: Наука. 139 с.

Клещенко А.А., 2018. Каменные втульчатые топоры эпохи средней бронзы Предкавказья: классификация и хронология // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века. М.: ИА РАН. С. 154–252.

Крайнов Д.А., 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука. 276 с.

Свешников И.К., 1983. Культура шаровидных амфор. М.: Наука. 88 с. (САИ. Вып. В1-27).

Чайлд Г., 1957. У истоков европейской цивилизации. М.: Наука. 226 с.

Черных Е.Н., Орловская Л.Б., 2004. Радиоуглеродная хронология энеолитических культур Юго-Восточной Европы: результаты и проблемы исследования // РА. № 4. С. 24–37.

Энговатова А.В., Мустафин Х.Х., Альборова И.Э., Канапин А.А., Самсонова А.А., Медникова М.Б., 2024. «Забытое дитя» или передовой отряд? О связи населения фатьяновской и средневолжской абашевской культур в свете данных секвенирования древней ДНК // Stratum plus. № 2. С. 227–249.

Самарский государственный социально-педагогический университет mistergreen03678(a)gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ХВАЛЫНСКОЙ И САМАРСКОЙ КУЛЬТУР В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ)¹

Актуальной проблемой в изучении энеолита Среднего Поволжья является вопрос о культурно-хронологическом соотношении хвалынской и самарской культур (Васильев, Овчинникова, 2000. С. 223; Васильев, 2003. С. 73; Моргунова, 2011. С. 66–67).

Материалы первого этапа самарской культуры представлены комплексами Съезжинского могильника и Виловатовской стоянки. Несколько отличаются от них материалы могильника Екатериновский мыс, относящиеся к ивановскому этапу самарской культуры. Здесь появляются новые типы венчиков, подтреугольные и близкие к валиковым, однако доминируют формы, сходные с посудой из Съезжего (табл. 1). Керамика некрополя Екатериновский мыс уже не орнаментировалась по всей поверхности, декор покрывал верхнюю часть сосудов и тулово. Среди мотивов орнамента начинают преобладать вертикальные и наклонно-вертикальные линии, выполненные гребенчатым штампом, встречается сочетание зигзагов на венчике с горизонтальными линиями под ним, отсутствуют ряды ямок под венчиком (табл. 2).

Сравнивая сосуды могильников Екатериновский мыс (Королев и др., 2019. С. 28–32) и I Хвалынский (Агапов и др., 1990. С. 87), необходимо отметить различия в форме воротничкового утолщения венчика (табл. 1), мотивах и способе нанесения орнамента (табл. 2). Если в первом случае используются гребенчатый штамп и прочерченные линии, то во втором преобладает орнаментация, нанесенная плетеными фактурами.

Среди поселенческих древностей бассейнов р. Самара и Сок выделяется керамика ивановского и ивановско-хвалынского типов. Она известна по таким памятникам, как Турганикское поселение (Моргунова и др., 2017. С 45-50), стоянки Лебяжинка I (Барынкин, Козин, 1995. С 146-148), IV (Моргунова, 2011. С. 67). Материалы указанных памятников близки между собой. В глиняное тесто добавлялась толченая раковина. Форма сосудов горшковидная и колоколовидная с округло-коническим дном. Венчики отогнуты наружу, на их внешней стороне имеются различной формы утолщения - от треугольного до валикового. Толщина стенок составляет в среднем 0,7 см. В отличие от керамики Съезжинского могильника, у рассматриваемых сосудов украшена верхняя часть и тулово; отсутствуют ряды ямок под венчиком. Орнамент представляет собой оттиски гребенчатого штампа и веревочки, присутствует декор, нанесенный плетеными фактурами. Композиции простые, чаще всего это наклонно-вертикальные линии на венчиках и горизонтальные под ними (табл. 2). Наибольшее сходство демонстрируют материалы памятников на р. Сок. Их сближают воротничковые утолщения венчиков, мотивы орнаментации, узор, нанесенный плетеными фактурами. С сосудами Хвалынского могильника у них общие формы венчиков и мотивы орнамента.

Керамика Турганикского поселения по форме венчиков наиболее близка посуде Съезжинского могильника. Такие характерные черты сосудов р. Сок, как валиковые утолщения, среди турганикских находок представлены в меньшем количестве (табл. 1). В материалах рассматриваемого памятника увеличивается количество орнаментальных мотивов, сосуды чаще всего украшались по всей поверхности. Узор представляет собой оттиски веревочки и гребенчатого штампа, встречается декор, нанесенный плетеными фактурами. Присутствует сосуд с плоским дном, как на Съезжинском могильнике. В отличие от сосудов Хвалынских могильников, имеющих округлое дно, днище сосудов плоское или округло-коническое.

¹ Работа подготовлена в рамках реализации гранта РНФ, проект № 23-78-10088 «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

Табл. 1. Форма венчиков сосудов хвалынской и самарской культур

	№	М-к Съезжинский	М-к Екатеринов- ский мыс	М-к I Хвалынский	Ст. Лебяжинка I	Ст. Лебяжинка IV	Пос-е Турганик- ское
	1	10 (55 %)	13 (22 %)		4 (4 %)	6 (6 %)	3 (6 %)
	2	3 (17 %)	2 (3 %)				1 (2 %)
	3	2 (11 %)	16 (27 %)		14 (13 %)	3 (4 %)	13 (28 %)
	4	2 (11 %)	2 (3 %)	1 (3 %)	4 (3 %)	5 (5 %)	8 (18 %)
	5	1 (6 %)	2 (3 %)		1 (1 %)	1 (1 %)	1 (2 %)
	6		2 (3 %)	7 (18 %)	16 (15 %)	15 (15 %)	5 (11 %)
	7			3 (8 %)	8 (7 %)	17 (18 %)	2 (4 %)
	8				18 (17 %)	15 (15 %)	4 (9 %)
	9			2 (5 %)	6 (5 %)	6 (6 %)	1 (2 %)
	10			11 (29 %)	3 (3 %)	2 (2 %)	
	11			3 (8 %)			
БВ			23 (39 %)	11 (29 %)	34 (32 %)	27 (28 %)	8 (18 %)
Всего		18	60	37	104	97	46

Таким образом, можно заключить, что материалы ивановского этапа самарской культуры испытали на себе влияние хвалынской общности. Об этом свидетельствуют появление новых форм воротничкового утолщения венчиков, мотивы орнаментации, распространение декора, нанесенного плетеными фактурами.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Самара: Изд-во СамГУ. 160 с.

Барынкин П.П., Козин Е.В., 1995. Стоянка Лебяжинка I и некоторые проблемы соотношения неоэнеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья (к проблеме взаимодействия индоевропейских и финноугорских культур) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 136–164.

Васильев И.Б., 2003. Некоторые проблемы исследования самарской энеолитической культуры в лесостепном Волго-Уралье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Материалы научной конференции / Отв. ред. А.Ф. Мельничук. Пермь. С. 72–75.

Табл. 2. Схематичные орнаментальные композиции на венчиках сосудов

	М-к	М-к	М-к І	Ст.	Ст.	Пос-е
	Съезжин-	Екатеринов-	Хвалын-	Лебяжинка	Лебяжинка	Турганик-
	ский	ский мыс	ский	I	IV	ское
		6 (10 %)	1 (3 %)	18 (17 %)	16 (16 %)	4 (9 %)
	3 (16 %)	7 (12 %)	3 (8 %)			
	2 (11 %)	1 (2 %)				2 (4 %)
//////	1 (6 %)			39 (37 %)	28 (29 %)	19 (41 %)
				3 (3 %)	1 (1 %)	1 (2 %)
				1 (1 %)	5 (5 %)	
				1 (1 %)		1 (2 %)
<<<		4 (7 %)				2 (4 %)
************					2 (2 %)	4 (9 %)
				4 (4 %)	4 (4 %)	
	1 (6 %)					3 (7 %)
	2 (11 %)	1 (2 %)				
\mathbb{A}	3 (17 %)					
	6 (33 %)					
		2 (3 %)				
<i>₩</i>				2 (2 %)	3 (3 %)	2 (4 %)
The state of the s		1 (2 %)				
<u> </u>			15 (41 %)	12 (11 %)	8 (8 %)	1 (2 %)
Без орнамента на венчике		38 (62 %)	18 (48 %)	24 (23 %)	30 (32 %)	7 (16 %)
Всего	18	60	37	104	97	46

Васильев И.Б., Овчинникова Н.В., 2000. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Энеолит / Отв. ред. А.Г. Кабытов. Самара: Изд-во Самарского НЦ РАН. С. 217–277.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., 2019. Керамика грунтового могильника Екатериновский мыс (по материалам раскопок 2013–2016 гг.) // Поволжская археология. № 1 (27). С. 18–32.

Моргунова Н.Л., 2011. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: Изд-во ОГПУ. 220 с. Моргунова Н.Л., Васильева И.Н., Кулькова М.А., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Файзуллин А.А., Хохлова О.С., 2017. Турганикское поселение в Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГАУ. 300 с.

Д.А. Шибанова*, А.А. Леонтьев*, А.Ю. Чечина**

*Санкт-Петербургский государственный университет **Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону d.shibanova@yandex.ru, festuka2@yandex.ru, a.c.irbis@yandex.ru

ФОСФАТНЫЙ АНАЛИЗ ГРУНТА ИЗ СОСУДОВ ЭПОХ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ВЕРТОЛЕТНОЕ ПОЛЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование погребального обряда зачастую дополняется реконструкцией содержимого сосудов. Для определения сопроводительной пищи традиционно применяется липидный анализ. Кроме того, распространение получил фосфатный анализ придонного грунта в сосудах (Демкин и др., 2014. С. 149–152). В последние годы внедряются микробиологические методы: посев на питательные среды (Демкин и др., 2014. С. 155–156), метод мультисубстратного тестирования дыхательной активности микроорганизмов (МТС), основанный на изменении дыхательных откликов на внесение аминокислот, карбоновых кислот и полисахаридов (Хомутова и др., 2020. С. 190–194).

Интерес представляет анализ содержимого сосудов, которые относятся к одному культурно-историческому периоду и расположены на одном могильнике. Это дает возможность выявить традицию помещения тем или иным населением в погребение определенной категории сопроводительной пищи. Также на основе типологических исследований можно выявить корреляцию между формой сосудов и их содержимым.

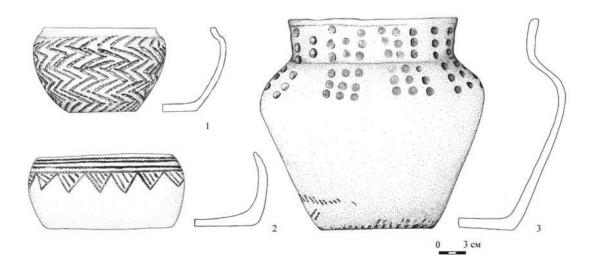

Рис. 1. Курганный могильник Вертолетное Поле.

1 – курган 1, погребение 7; 2 – курган 2, погребение 14; 3 – курган 5, погребение 5. Керамика.

Объекты изучения

Для реконструкции погребальной пищи проанализированы образцы из шести сосудов из погребений курганного могильника Вертолетное Поле. Памятник расположен в Западном жилом микрорайоне пос. Тарасовский Тарасовского р-на Ростовской обл. Состоит из шести курганов, возведенных в эпохи ранней и средней бронзы, и содержит погребения эпохи бронзы, раннего железного века и казачьего времени.

Содержимое сосудов определялось из п. 11 к. 2 и п. 5 к. 5 (рис. 1: 3), которые относятся к раннедонецкому этапу катакомбной культуры эпохи средней бронзы; п. 7 к. 1 (рис. 1: 1) и п. 14 к. 2 (рис. 1: 2), принадлежащих к донецкому этапу катакомбной культуры; п. 6 к. 6, которое может быть отнесено как к раннедонецкому, так и к донецкому этапам; п. 2 к. 3, совершенного на позднем этапе срубной культуры эпохи поздней бронзы. При этом п. 7 к. 1 не содержало останков погребенного и представляло собой кенотаф или, возможно, детское захоронение. П. 14 к. 2 являлось парным, п. 11 к. 2 — коллективным.

Табл. 1. Шкала реконструкции погребальной пищи в сосудах из курганных захоронений степей юга России по содержанию соединений фосфора в придонном грунте (Демкин и др., 2014. Табл. 3)

	$_{ m ppa}, \Delta P_{_2}O_{_5} = P_{_2}O_{_5}$ дно — $_{ m nr}/100~$ г грунт	Тип сосуда	Реконструкция содержимого	
Градация	Преимущественно			
<2 0-0.5		Горшки, кувшины	Вода (либо пустой)	
2–8	4–7	Горшки	Мясной бульон	
2-8	4-7	Кувшины	Молочный продукт	
8–15	10–20	Горшки	Каша	
>15	20	Кувшины, горшки	Наркотическое вещество	

Табл. 2. Реконструкция погребальной пищи в сосудах из погребений курганного могильника Вертолетное Поле

Объект	Археологическая культура	$\Delta P_{2}O_{5}$, мг/100 г	Реконструкция содержимого	
Погребение 5, курган 5	Эпоха средней бронзы, катакомбная культура, раннедонецкий этап	5,23	Мясной бульон	
Погребение 6, курган 6	Эпоха средней бронзы, катакомбная культура, раннедонецкий/донецкий этап	2,58	Мясной бульон или молочный продукт	
Погребение 11, курган 2	Эпоха средней бронзы, катакомбная культура, раннедонецкий этап	4,93	Мясной бульон или молочный продукт	
Погребение 7, курган 1	Эпоха средней бронзы, катакомбная культура, донецкий этап	0,35	Вода	
Погребение 14, курган 2	Эпоха средней бронзы, катакомбная культура, донецкий этап (?)	2,40	Мясной бульон или молочный продукт	
Погребение 2, курган 3	Эпоха поздней бронзы, срубная культура, поздний этап	1,64	Вода	

Метолы

Для анализа погребальной пищи использовался фосфатный метод, основанный на разнице содержания подвижного фосфора в придонном грунте сосуда, который испытал влияние пищи, и грунте из верхней части, без такого влияния. Исследователями было рассчитано содержание фосфора в различных продуктах и на основе этой информации разработана шкала реконструкции погребальной пищи (Демкин и др., 2014. С. 151–152). Содержимое реконструируется как вода, молочный продукт или мясной бульон, растительная каша или наркотическое вещество (табл. 1). Содержание подвижного фосфора определялось в вытяжке Б.М. Мачигина (Аринушкина, 1970. С. 332–335) с последующим измерением на фотоэлектрокалориметре.

Результаты

По результатам фосфатного анализа в сосудах из п. 2 к. 3 и п. 7 к. 1 (рис. 1: 1), вероятно, содержалась вода. В п. 11 и п. 14 к. 2 (рис. 1: 2), п. 5 к. 5 (рис. 1: 3), п. 6 к. 6 – скорее всего, мясной бульон или молочный продукт (табл. 2). В сосуде из п. 5 к. 5 фиксировался нагар, а также резкое изменение окраски почвы с темно-серой на красноватую, что позволяет предположить наличие в нем мясного продукта.

Выволы

Таким образом, для населения раннедонецкого и донецкого этапов катакомбной культуры, хоронившего умерших на могильнике Вертолетное Поле, можно предположить наличие сходной традиции помещения в качестве погребальной пищи мясного бульона и молочного продукта. Кроме этого, в погребении 7 кургана 1 донецкого этапа катакомбной культуры, а также в острореберном сосуде позднесрубного времени (как традиционно считается, парадной посуде) содержалась вода или похожий продукт с низким содержанием фосфора. Для уточнения результатов необходимы дальнейшие исследования, в том числе увеличение объема выборки и привлечение других методов.

Аринушкина Е.В., 1970. Руководство по химическому анализу почв. М.: Изд-во Моск. ун-та. 488 с.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Удальцов С.Н., 2014. Реконструкция погребальной пищи в глиняных сосудах из курганных захоронений с использованием фосфатного и микробиологических методов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (25). С. 148–159

Хомутова Т.Э., Дущанова К.С., Борисов А.В., 2020. Микробиологический подход к реконструкции исходного содержимого горшков из подкурганных захоронений // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19. № 1. С. 188–201.

О.Ю. Ячменёв*,**, Д.Е. Власенко***,**, А.В. Киенко*

*Сибирский федеральный университет, Красноярск
**Забайкальский научный центр Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, Чита

***Забайкальский государственный университет, Чита
19970725dyuu@gmail.com, dmitrivlasenko2003@mail.ru,
kienkoanton26@gmail.com

ПИСАНИЦА СОФЬИН ГРИБ (ВОСТОЧНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ): ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Софьин Гриб расположен в Шилкинском районе Забайкальского края, на расстоянии 10 км к востоку от р. Онон и 12,6 км к северо-востоку от с. Чирон (рис. 1: I). Находится на полиминеральном останце, высота которого составляет ок. 20 м (рис. 1: II). Ранее памятник обследовался краеведом О.С. Кожиным (Кожин, 2020. С. 28). Осенью 2023 г. состоялась экспедиция на писаницу, в которой принимали участие авторы тезисов, семья лесничих Огневых и сотрудники Шилкинского районного краеведческого музея. Обнаружены три участка с изображениями, выполненными ярко-красным, темно-красным и оранжевым пигментом. В ходе осмотра отмечены следующие негативные факторы:

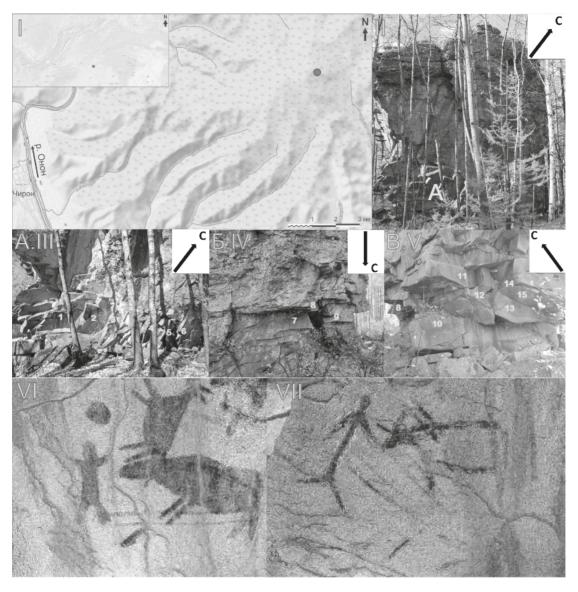

Рис. 1. Писаница Софьин Гриб.

I – топоплан местности; II – общий вид на памятник с северо-востока; A.III – вид с северо-востока; B.IV – вид с северо-западной стороны; VI, VII – изображения группы 1.

фрагментарные повреждения, такие, как меловая обводка, обвалы, значительная коррозия, натечные образования и процессы шелушения скальной поверхности.

Пункт А находится на юго-восточной стороне останца. Всего зафиксированы шесть групп изображений (1–6). Группа 1 (рис. 1: А.ІІІ) представлена антропоморфной фигурой с поднятыми вверх, к солярному символу, руками и изображением лося (рис. 1: VI), а также сценой, вероятно, охотничьего характера, изображающей антропоморфа с контурной фигурой оленя и линиями поверх него (рис. 1: VII). Выявлены и другие изображения животных, антропоморфных фигур и символов. Состояние удовлетворительное.

Группа 2 (рис. 1: А.III). Зафиксированы фигура лося в динамичной позе, антропоморфная фигура с уплощенной головой и предметом позади нее, объемная ограда с неопределенной внутренней структурой, условно разделенная центральной линией на два крупных сегмента. Присутствуют фантастические образы. Отмечены палимпсесты. Сохранность удовлетворительная.

Группы 3—6 демонстрируют сюжетное многообразие (рис. 1: A.III). Группа 6 содержит изображение животного, вероятно, собаки или лисы, и сюжет, относящийся, возможно, к этнографической современности. Встречаются антропоморфные фигуры, в том числе

композиция с антропоморфом, над которым головой вниз расположена фигура животного, выполненная в контурной технике, характерной для быркинского стиля (Пономарева, 2023. С. 172–174). Состояние хорошее.

Пункт Б располагается с северной стороны останца (рис. 1: Б.IV). Отмечены три группы (7–9) с изображениями одиночных антропоморфов, групп антропоморфов с вытянутыми руками и широко расставленными ногами, напоминающими букву «Х», а также фрагментами фигур. Сохранность неудовлетворительная.

Пункт В обнаружен с северо-западной стороны останца. Выделены шесть групп изображений (10–15) (рис. 1: В.V). Интерес представляет группа 10 с цепочкой антропоморфных фигур, стилистически близких изображениям писаницы Бараун-Кондуй (Окладников, Запорожская, 1970. С. 229). Группа 11 характеризуется скоплением антропоморфов, среди которых присутствуют редкие для Восточного Забайкалья изображения грибоголовых существ (Ячменёв, 2024. С. 124). Отдельного внимания заслуживает группа 13, на которой присутствуют объемная антропоморфная фигура и четко различимая вытянутая ограда с перекрещивающимися параллельными и горизонтальными линиями. Также выявлены другие антропоморфы, округлый солярный знак и фрагменты изображений. Сохранность неудовлетворительная.

На данном этапе исследования, исходя из характера наскальных изображений, можно говорить о значительном хронологическом диапазоне памятника. Его датировку еще предстоит изучить. В ходе мониторинга зафиксировано более 200 рисунков, что делает объект одним из наиболее крупных в Забайкалье. В перспективе планируется масштабная работа, включающая детальное изучение групп, их точную фиксацию с применением цифровых технологий. Под основными плоскостями необходимо провести археологические раскопки с целью выявления культурных слоев. Однако, прежде всего, требуется очистить изображения от мела, который постепенно разрушает их микроструктуру. В ходе дальнейших работ вариативность групп может быть скорректирована.

Кожин О.С., 2020. Шилкинский район с древнейших времен до дня сегодняшнего. География, геология, история освоения, исследования. Иркутск: ООО ПИФ. 275 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д., 1970. Петроглифы Забайкалья. В 2-х ч. Ч. 2. Л.: Наука. 262 с. Пономарева И.А., 2023. Мир зооморфных образов наскального искусства Забайкалья // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2 (80). С. 171–192.

Ячменёв О.Ю., 2024. Антропоморфные изображения в наскальном искусстве Забайкальского края // 300 лет научных исследований в Забайкалье. Материалы международной научной конференции 16–20 сентября 2024 г., г. Чита / Отв. ред. А.В. Константинов, И.И. Разгильдеева. Чита: ЗабГУ. С. 121–128.

ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ В АРХЕОЛОГИИ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

М.Д. Бирюков

Алтайский государственный университет, Барнаул biryukov.m.d@mail.ru

РАЗРАБОТКИ А.А. МИЛЛЕРА В ОБЛАСТИ МЕТОДИКИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В 1920–1930-х годах

С середины 1920-х годов в отечественной археологии активизировалась разработка методики полевых исследований. Существенный вклад в этот процесс внес Александр Александрович Миллер (1875–1935) (Клейн, 2014. С. 36), чьи изыскания в определенном смысле уникальны. Цель настоящего исследования – сбор, анализ и оценка имеющейся информации о результатах полевых археологических работ А.А. Миллера. Его хронологические рамки охватывают период с 1919 по 1934 г., от учреждения РАИМК до ареста ученого.

За годы своей деятельности А.А. Миллер создал много документов, ныне хранящихся в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН (РО НА ИИМК РАН). Они позволяют понять задачи, поставленные перед участниками экспедиции, а также методы, которыми эти задачи могли быть решены (Виноградов, 2023. С. 313). Многочисленные сведения о методических разработках А.А. Миллера содержатся в кратких отчетах о деятельности Северо-Кавказской экспедиции в 1920-е годы. В процессе исследований он столкнулся с определенными трудностями, которые зачастую приходилось решать по ходу работ. Одной из проблем было отсутствие системы исследования земляных городищ. В качестве основной проблемы ученый отметил необходимость определить соотношение отдельных высотных точек в раскопе. Решением стала нивелировка всей поверхности городища по сетке метровых квадратов, от которой можно было углубляться посредством заложения раскопов. Для изучения стратиграфии А.А. Миллером закладывались вертикальные, точно вымеренные разрезы. При изучении слоев, помимо зарисовки и фотографирования, делались вырезки с соответствующими отметками (Миллер, 1925).

В 1930-е годы многие видные археологи, такие, как А.А. Спицын, Б.С. Жуков, И.И. Мещанинов, издавали труды, посвященные методике археологических исследований. Опыт работ Северо-Кавказской экспедиции лег в основу публикации А.А. Миллера «Археологические разведки» (1934), в которой изложены взгляды ученого (Алекшин, 2022. С. 117). А.А. Миллер считал эффективными разведки на широких территориях. Помимо Северо-Кавказской экспедиции, такой подход применялся им в Таманской экспедиции в 1931–1933 гг. (Виноградов и др., 2022. С. 118). В своей публикации А.А. Миллер отмечает недостаточное развитие методик полевого изучения памятников поселенческого типа, с чем ему пришлось столкнуться в том числе при работах на Кобяковом городище в 1925 г. (Миллер, 1934. С. 59). Александр Александрович реко-

мендовал проводить, насколько возможно, исследование без вскрытия памятника, но в случае необходимости предлагал применять раскопки по ступенчатой системе (Миллер, 1934. С. 76). Он выступал против закладки колодцев и траншей, считая данные методы губительными (Миллер, 1934. С. 88–89). А.А. Миллер высказал мысль о необходимости изучения всей насыпи кургана, так как невозможно заранее знать число погребений. Им перечислены способы раскопок курганов, о которых имеется достаточно сведений, чтобы судить о количестве и расположении могил: полное вскрытие, сужение раскопа в месте обнаружения захоронения, закладка траншеи с последующим исследованием захоронения (Миллер, 1934. С. 112–113).

Методики, предложенные А.А. Миллером, разрабатывались под влиянием общих тенденций в развитии археологии рассматриваемого периода. В связи с возросшими требованиями выросла стоимость работ, и многие экспедиции столкнулись с нехваткой финансирования. А.А. Миллер предлагал решать проблему путем проведения археологических разведок, направленных на выявление мест для полноценных раскопок, и затем исследовать памятники уже по мере возможностей. В конце своей публикации он разместил текст утвержденного Главнаукой «Положения о производстве археологических обследований и раскопок», в котором кратко изложены основные методы ведения археологических работ (Миллер, 1934. С. 172).

Судя по наличию схожей информации в кратких отчетах Северо-Кавказской экспедиции и в книге «Археологические разведки», в основу этого труда, наиболее полно отразившего взгляды А.А. Миллера на методику полевых исследований, лег опыт экспедиции. Главной особенностью разработок ученого является упор на разведывательную деятельность, увязку археологических объектов с природной обстановкой, сохранение и документирование памятника. Отдельно стоит отметить широкое применение и популяризацию исследователем личного опыта, приобретенного в том числе на Кавказе. С уверенностью можно сказать, что предложенная А.А. Миллером система в значительной степени отвечала требованиям времени, а методика обширных археологических разведок использовалась в работах различных экспедиций СССР.

Александр Александрович Миллер // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / Науч. ред.-сост. В.А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН. С. 100–125.

Виноградов Ю.А., 2023. Из рукописного наследия А.А. Миллера // Проблемы истории, филологии и культуры. № 3. С. 312–320.

Виноградов Ю.А., Григорьева О.В., Медведева М.В., 2022. Археологические работы Таманской экспедиции ГАИМК // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 14. С. 245–260.

Миллер А.А., 1925. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции академии в 1923 г. // Известия РАИМК. Т. IV. С. 1–42.

Миллер А.А., 1934. Археологические разведки. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство. 216 с. (Известия ГАИМК. Вып. 83).

Клейн Л.С., 2014. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. СПб.: Евразия. 640 с.

Г.О. Блохин

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва Cosm1c1ce@yandex.ru

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ С РАЗДВОЕННЫМ ЧЕРЕШКОМ В КУЛЬТУРАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В археологических комплексах Восточной Европы I тыс. до н.э. встречается довольно редкий тип наконечников стрел, изготовленных из кости (рога) или железа, с пером преимущественно треугольной формы, уплощенным черешком, который оканчивается двумя расходящимися под углом шипами (рис. 1.1). В отечественной истори-

ографии такие наконечники получили наименование «ласточкин хвост» (см., например: Савченко, 2004. С. 208). В рамках данного исследования предлагается обозначать их как наконечники стрел с раздвоенным черешком.

Впервые на них обратил внимание В.А. Городцов при исследовании материалов Старшего Каширского городища. Появление подобных изделий в дьяковской культуре он связывал с влиянием раннескифских бронзовых наконечников стрел с боковым шипом (Городцов, 1933. С. 23–24). К 60-м годам XX в. этот тип наконечников стал известен по материалам памятников, далеких от ареала дьяковской культуры: в Курском Посеймье и на Среднем Дону (Алихова, 1962. С. 105), в составе погребального инвентаря комплексов ранних кочевников Волго-Уралья (Смирнов, 1961. С. 62). Впрочем, увеличение источниковой базы не изменило сложившейся концепции генезиса таких предметов. В 1970-е годы мнение о появлении традиции раздвоения черешка в недрах дьяковской культуры в качестве переосмысления раннескифского стрелкового набора осталось неизменным (Крис, 1970. С. 162–163). И дальнейшее их распространение по Восточной Европе связывалось с контактами и влиянием дьяковских племен (Савченко, 2004. С. 194).

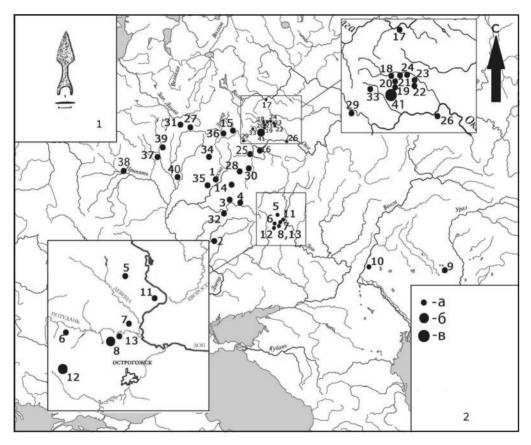

Рис. 1. Наконечники с раздвоенным черешком.

1 – могильник Колбино-І, курган № 5, погр. № 1 (по: Гуляев, 1998. С. 27).

2 — распространение наконечников стрел с раздвоенным черешком в Восточной Европе (1 — Полужское городище; 2 — Восточное укрепление Бельского городища; 3 — Марицкое городище; 4 — Городище Кузина Гора; 5 — Мастюгино; 6 — Горки I; 7 — Девица V; 8 — Колбино I; 9 — Джангалы; 10 — Ново-Никольский могильник; 11 — Поселение № 2 у хут. Титчиха; 12 — Русская Тростянка; 13 — Терновое-I; 14 — Моисеевское городище; 15 — Николо-Ленивец; 16 — Малая Стрекаловка; 17 — Топорок; 18 — Кузнечики; 19 — Троицкое; 20 — Щербинское; 21 — Дьяково; 22 — Селецкое; 23 — Боршево; 24 — Беседы I; 25 — Дуна; 26 — Ростиславль; 27 — Новые Батеки; 28 — Дешовское городище; 29 — Свиноухово; 30 — Шишкино; 31 — Самсонцы; 32 — Чечевизня I; 33 — Федотково; 34 — Демидовка; 35 — Холмец; 36 — Наквасино; 37 — Чижаха; 38 — Дмитровичи; 39 — Кубличи; 40 — Любны; 41 — Настасьино).

a — комплексы с 1—5 наконечниками; 6 — комплексы с 6—7 наконечниками; B — комплексы более чем с 7 наконечниками.

К настоящему времени количество находок наконечников стрел с раздвоенным черешком существенно увеличилось, в связи с чем представляется необходимым проверить на большей выборке сложившиеся гипотезы. В ходе работы были исследованы 105 наконечников стрел из 41 памятника: дьяковской (рис. 1.2: 17–24, 26, 30, 41), юхновской, верхнеокской, днепро-двинской и милоградской культур (рис. 1.2: 1, 3, 4, 14–16, 25, 27–29, 31–40), лесостепных скифских поселений и погребений, отдельных захоронений ранних кочевников Волго-Уралья (рис. 1.2: 2, 5–13). При этом можно заметить, что большая их часть найдена на дьяковских поселениях (особенно на городище Настасьино) и в скифских погребениях Среднего Подонья. Подобная картина, на первый взгляд, может свидетельствовать в пользу гипотезы появления таких наконечников в первую очередь у населения Волго-Окского региона.

Вопрос датировки большинства находок достаточно сложен. Это связано с тем, что значительное их количество обнаружено на слабо стратифицированных поселениях без точных хронологических привязок. Лишь для погребений Среднего Подонья можно говорить о четкой их датировке в пределах середины — второй половины IV в. до н.э. (Володин, 2024. С. 67). Также вполне определенна хронологическая позиция экземпляров с Дьяковского городища — все они происходят из нижнего слоя «В», который датируется V—III вв. до н.э. (Кренке, 2011. С. 140–143). Наконечники стрел с раздвоенным черешком на городище Настасьино связаны с постройками, датируемыми в рамках IV—I вв. до н.э. (Энговатова, 2004. С. 150–152).

В целом, подобная картина укладывается в представления, сложившиеся в историографии. К.А. Смирнов датировал рассматриваемые наконечники дьяковской культуры в промежутке IV–III вв. до н.э. (Смирнов, 1974. С. 31–32). Находки подобных изделий в нижневолжских кочевнически погребениях К. Ф. Смирнов также относил к этому времени (Смирнов, 1961. С. 61–62).

Благодаря недавним исследованиям, однако, нижнюю хронологическую границу бытования наконечников, вероятно, можно удревнить. Образцы с городища Новые Батеки датируются промежутком VI–III вв. до н.э. (Воронцов, Столяров, 2011. С. 36), впрочем, они могут относиться и к позднему горизонту существования памятника. Верхняя граница также может быть расширена до II–I вв. до н.э. благодаря материалам городища Настасьино. При этом, вероятнее всего, наиболее широкое бытование подобных наконечников, действительно, приходится на более узкий промежуток IV–III вв. до н.э.

Подводя краткие итоги, следует отметить, что вопросами территории распространения и хронологии проблематика рассматриваемого материала не ограничивается. В качестве перспективы дальнейшего исследования можно назвать проработку типологии наконечников стрел с раздвоенным черешком, поиски причин появления такого варианта исполнения стрел, определение их назначения.

- Алихова А.Е., 1962. Древние городища Курского Посеймья // Лесостепные культуры скифского времени / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.; Л.: АН СССР. С. 86–129 (МИА. № 113).
- Володин С.А., 2024. Среднедонские зооморфные крючки с изображением медведя как хронологический индикатор // Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и Средние века: сборник статей памяти О.В. Шарова / Отв. ред. А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН. С. 57–75 (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 34).
- Воронцов А.М., Столяров Е.В., 2022. Городище Малая Стрекаловка на левобережье средней Упы // Археологическое наследие. Вып. 1 (5). С. 121–129.
- Городцов В.А., 1933. Старшее Каширское городище (результаты археологических исследований в 1925–1926 гг.). М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во. 106 с.
- Гуляев В.И., 1998. Отчет о работе Потуданской археологической экспедиции института археологии РАН в 1998 г. // Архив ИА РАНА Ф-1. Р-1. № 21536.
- Крис Х.И., 1970. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье / Отв. ред. К.Ф. Смирнов. М. С. 145–169 (МИА. № 156).
- Савченко Е.И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской)

археологической экспедиции ИА РАН. 2001-2003 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 151–277.

Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов. М.: АН СССР. 163 с.

Смирнов К.А., 1974. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура / Отв. ред. Ю.А. Краснов. М.: Наука. С. 7–89.

Энговатова А.В., 2004. Хронология городища Настасьино по данным радиоуглеродного анализа // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН. С. 142–152.

А.С. Боярский

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск Южно-Уральский государственный университет, Челябинск а.bovarskiv2002@gmail.com

ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТОЛБООБРАЗНЫХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИДОЛОВ ИТКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА СРЕДНЕГО И ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ¹

Идолы раннего железного века горно-лесной зоны Среднего и Южного Зауралья иткульской археологической культуры в отечественной историографии разделены на две группы: орнитоморфные и столбообразные — антропоморфы, фитоморфы, солнцеголовые (Чемякин, 2016. С. 126–127; Викторова, 2004. С. 169). Каноны образов антропоморфов не установлены, что затрудняет понимание этих идолов как культурно-исторического феномена. В связи с этим необходимо систематизировать образы, их элементы, выявить изменения.

При подготовке работы учтен 41 идол (табл. 1). Место находки определено лишь для 20 из них. Данные о содержании образов внесены в таблицу. Названия элементов изображения (глаза; рот; корона (сонаправленные лучи-валики, выходящие из головы); ноги; руки; нос; животное (зооморфный образ на уровне ног); змея (валик, противопоставленный солнечной короне); пояс) условны.

Получены данные о частотности элементов:

- корона из солнечных лучей: 93 % случаев (отсутствие связано с литейным браком);
- глаза и руки (9 % и 85 %); глаза отсутствуют на трех предметах из окрестностей г. Учалы (но на одном имеется ямка на уровне глаз, интерпретация затруднена) и на одном предмете Куганакского клада (но в комплексе есть идолы с глазами, рельеф лица одного из них не исключает, что глаза подразумевались создателем); подобная ситуация прослеживается в отсутствие рук;
- *нос* и *pom* (76 % и 73 %) отсутствуют на некоторых предметах из южной части ареала и прилегающих к нему территорий;
- *ноги* и *пояс* (46 % 43 %); *ноги* отмечены только у идолов из южной, восточной частей и сопредельных территорий; вероятно, этот элемент не свойственен предметам из западной части, где расположены основные иткульские памятники; *пояса* встречаются по всему ареалу, но большинство предметов без *пояса* из южной части;
- *змея* наименее понятный, но имеющийся на 25 % идолов образ, зафиксирован в южной части ареала иткульской культуры;
- животное выявлен на 16 % предметов из западной части и на одном из Куганакского клада; вероятно, тесно связан с горно-лесной зоной.

По степени детализации изображения идолов можно разделить на:

- максимально детализированные (8 из 9 элементов) 3 экз., представлены случайными находками в области распространения основных иткульских памятников;
- наиболее детализированные (7 элементов) 4 экз. из южной и восточной части ареала культуры; не содержат змей и животных, но имеют ноги элемент, не свойствен-

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-18-20055, https://rscf.ru/project/24-18-20055/

ный максимально детализированным предметам, что, вероятно, может свидетельствовать о более поздней хронологической позиции;

- среднедетализированные (5–6 элементов) 24 экз; у 50 % отсутствуют *ноги*; предметы преимущественно из западного и частично южного ареала культурны и с территории Башкирии, что дополняет предположение о появлении элемента в более позднее время; имеют наиболее широкую распространенность и вариативность;
- минимально детализированные (3-4) элемента, встречаемость основных элементов изображения сводится к соотношению 50:50)-10 экз.; исчезает образ животного, почти не встречаются *ноги*.

Таким образом, анализ иконографии столбообразных идолов позволяет отметить, что важнейшие элементы образа — *корона из солнечных лучей*, элементы личины (с разной степенью встречаемости), *руки*. Наблюдается тяготение остальных элементов или к зоне

Табл. 1. Систематизация элементов изображения на столбообразных идолах иткульской культуры

Nr.	Местонахождение	Элементы изображения							Сумма		
№		глаза	рот	корона	ноги	руки	нос	животное	пояс	змея	элем.
1	Пос. Березки II	1	1	1	0	1	1	0	1	0	6
2	Произв. площ. г. Думная	1	1	1	0	1	1	0	1	0	6
3		1	0	1	1	0	1	0	1	0	5
4	Куганакский клад	1	0	1	1	0	1	0	1	0	5
5		0	0	1	1	1	1	1	1	0	6
6	Святил. Шайтанский шихан	1	1	1	?	?	1	?	?	0	4
7	Сл. наход. на оз. Щелкун	1	1	1	?	1	0	?	1	0	5
8	Сл. наход.на р. Адуй	1	1	1	0	1	1	1	1	1	8
9	Клад с г. Малой	1	1	1	0	1	1	0	0	0	5
10	(Палкино)	1	1	1	0	1	1	1	0	0	6
11	Пос. Серный Ключ	1	0	1	0	1	1	0	0	0	4
12	Сл. наход. оз. Иртяш	1	1	1	1	1	0	0	0	1	6
13		0	0	1	0	0	0	0	1	1	3
14	Клад из г. Учалы	0	0	1	0	0	0	0	1	1	3
15		0	0	1	0	0	0	0	1	1	3
16	Сл. наход. ст. Исеть	1	1	1	0	1	1	1	1	1	8
17	Сл. наход. окрестности Златоуста	1	1	1	0	1	1	1	1	1	8
18	Клад на Азов-горе	1	1	0	0	1	1	0	0	0	4
19	Шигирский торфяник	1	1	1	?	1	0	0	0	0	4
20	Сл. наход. на оз. Щелкун	?	1	1	?	0	1	0	1	?	4
21	Западная часть ареала	1	1	1	0	1	1	0	0	0	5
22		1	1	1	0	1	1	0	0	0	5
23		1	1	1	0	1	1	0	0	0	5
24		1	1	1	0	1	1	1	0	0	6

	0										
25		1	1	1	1	1	0	0	0	0	5
26		1	1	1	0	1	0	0	0	1	5
27		1	1	1	0	1	0	0	0	0	4
28		1	1	1	0	1	1	0	0	0	5
29	10	1	0	1	1	1	1	0	0	0	5
30	Южная часть	1	0	1	1	1	1	0	0	0	5
31	ареала	1	1	0	1	1	1	0	0	0	5
32		1	1	1	1	1	1	0	0	0	6
33		1	1	1	1	1	1	0	1	0	7
34		1	1	1	1	1	1	0	0	1	7
35]	1	1	1	1	1	0	0	0	0	5
36		1	1	1	0	1	1	0	0	1	6
37	Восточная часть ареала	1	1	0	1	1	1	0	1	0	6
38		1	1	1	1	1	1	0	1	0	7
39		1	1	1	1	1	1	?	1	0	7
40		?	0	1	1	1	1	0	0	0	4
41	Идол с сопред. с иткульск. террит.	1	0	1	1	1	1	0	0	0	5

1 — наличие элемента; 0 — отсутствие элемента; 2 — отсутствие информации об элементе (не учитывалось в расчетах).

Источники данных для таблицы: **1,** 6–**8** – Чемякин, 2016. Рис. 2: 1, 12, 8, 9; 2, **19, 20** – Бельтикова, 1994. Табл. 45: 3, 7, 8; **3–5** – Булычовъ, 1904. Табл. II: 4, 6, 5; **9–11, 16** – Викторова, 2004. Рис. 27: 1, 2; 28: 6, 1; **13–15** – Таиров, Боярский, 2024. Рис. 2; **17** – Юзеева, 1998. Рис. 36; **18** – Бортвин, 1949. Рис. 44: 1; **21–41** – Пименов, 2019. С. 375–406.

основных иткульских памятников (змея, животное), или к сопредельной территории (ноги). Можно говорить о сосуществовании двух изобразительных традиций, отличающихся представленностью элемента *ноги*. Предположительно в зоне распространения идолов выделяется ядро (наибольшая детализация образа) и периферия (широкая содержательная вариативность образа, стилизация и схематизация).

Бельтикова Г.В., 1994. Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н. э.). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 307 с.

Бортвин Н.Н., 1949. Находка на горе Азов на Урале // КСИИМК. Вып. XXV. С. 118-124.

Булычовъ Н.И., 1904. Древности изъ Восточной Россіи. Вып. 2. СПб: Типографія «Т-ва Художественной Печати».

Викторова В.Д., 2004. Клады на вершинах гор // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: НИСО УрО РАН. С. 158–173.

Пименов А.Б., 2019. Культовые бронзы зауральских металлургов раннего железного века. Иткульская археологическая культура: каталог. Екатеринбург: Издательские решения. 640 с.

Таиров А.Д., Боярский А.С., 2024. Новые находки металлопластики раннего железного века в горнолесной части Южного Зауралья // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук. Материалы 76-й научной конференции. Челябинск, 16–17 апреля 2024 г. Челябинск: ЮУрГУ. С. 44–51.

Чемякин Ю.П., 2016. Культовая металлопластика иткульской культуры // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пермь: ПГНИУ С. 126–134.

Юзеева О.Н., 1998. Финно-угорская бронзовая антропоморфная фигура из фондов Челябинского областного краеведческого музея // Народное искусство Южного Урала / Сост. Н.М. Шабалина. Челябинск: Челябинский Дом печати. С. 127–129.

МИР ЖИВЫХ И МИР МЕРТВЫХ В АРХИТЕКТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУРГАНОВ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ

Анализ статистической информации о взаиморасположении архитектурных элементов в кургане позволяет предположить существование внутри его пространства определенного зонирования, в котором северная часть может интерпретироваться как «мир мертвых», а южная — как «мир живых». Исследование основано на базе данных, собранной в ходе изучения архитектуры курганов позднего бронзового и раннего железного веков в Юго-Восточной Прибалтике и включающей 126 объектов.

С конца II тыс. до н.э. в Юго-Восточной Прибалтике появляется культура самбийских курганов. Для нее характерны небольшие курганы с развитой каменной архитектурой, среди элементов которой выделяются каменные ящики и псевдоящики, каменные венцы, панцири, крепиды, вымостки и др. Отличительной особенностью самбийских курганов является наличие четко выраженного центрального погребения/погребений, к которому пристраиваются дополнительные элементы (Воробьева, 2024; Engel, 1962).

На рубеже позднего бронзового и раннего железного веков культура самбийских курганов сменяется родственной ей культурой западно-балтийских курганов, погребальные памятники которой не содержат центрального захоронения. В курганах этого типа фиксируется длинный каменный ящик или псевдоящик, в который рядами постепенно помещаются урны с прахом (Okulicz, 1970; Воробьёва, 2024).

Признаки зонирования внутреннего пространства кургана есть в обеих культурах. Одним из них является ориентировка погребений и погребальных камер. Среди немногочисленных ранних курганов с ингумациями встречены как погребения, ориентированные по оси С/Ю головой к северу (Pантау (Tischler, 1888. S. 14)), так и ориентировки СЗ/ЮВ (Гросс-Лабеннен (Engel, 1962. S. 15)) и З/В (Шласцен (Bezzenberger, 1900)). Каменные ящики позднего бронзового века ориентированы также в разных направлениях: С/Ю, СЗ/ЮВ, СВ/ЮЗ, ССВ/ЮЮЗ. Для распространившихся в раннем железном веке псевдоящиков преобладающими ориентировками становятся СЗ/ЮВ и ССЗ/ЮЮВ.

В 32 курганах из 126 содержатся две погребальных камеры, маркирующие два этапа его сооружения. При этом в 30 случаях дополнительная камера располагается к югу, юговостоку или юго-западу от основной. Например, в кургане 1 из могильника Лунино-1 (Сандиттен) дополнительная погребальная камера примыкает к основной с юга, достраивая ее до длинного коридорообразного каменного ящика (Воробьева, 2023. С. 73). Во все вошедших в выборку памятниках культуры западно-балтийских курганов (35) зафиксированы длинные каменные ящики или псевдоящики, встроенные с юга, юго-востока или юго-запада во внешний каменный венец и имеющие выход к подножию кургана.

В 19 курганах выявлены каменные вымостки различной конструкции, не содержащие погребений и отдельных находок. Расположены они преимущественно в южном секторе, часто примыкают к погребальной камере, соединяя ее с южной периферией объекта. В юго-западной части кургана Линкау обнаружена вымостка, размещенная в верхней части насыпи и ограниченная по краям крупными валунами (Bezzenberger, 1914. S. 114–116). Она представляла собой дорожку от подножия насыпи к погребальной камере, ориентированную в северо-восточном направлении (рис. 1). Зачастую впускные захоронения как в насыпи, так и у ее подножия также сконцентрированы в южной части подкурганного пространства.

Северная часть курганов, напротив, как правило, не содержит дополнительных объектов. В нескольких случаях зафиксированы следы горения (предположительно, место погребального костра). Слой угля с фрагментами мелких кремированных костей может

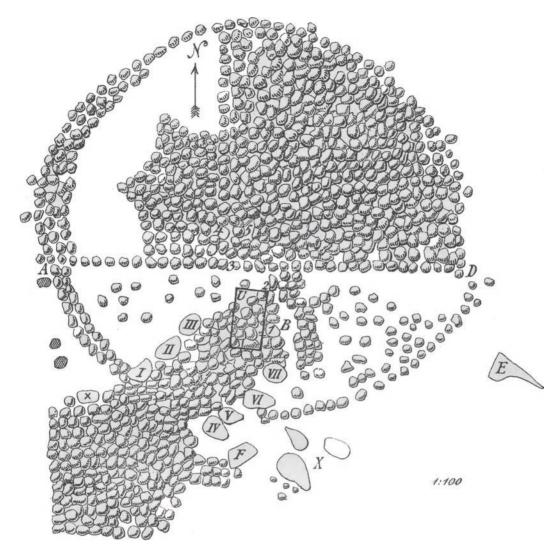

Рис. 1. План кургана Линкау с расположенной в юго-западной части вымосткой, ведущей к погребальной камере.

I-VII – крупные валуны, обрамляющие вымостку; 1-5 – впускные погребения; U – погребальная камера; A, B, E, X – крупные валуны (по: Bezzenberger, 1905–1909. Taf. 13).

находиться в северной (курган в Ягене 30 Варникерского леса (Kemke, 1900–1904. S. 386–398)), северо-западной (Варшкен 2 (Tischler, 1887. S. 158)) или северо-восточной (курган в Прейсиш-Эйлауэрском лесу (Веzzenberger, 1893. S. 85–86)) частях сооружения.

Таким образом, в культурах самбийских и западно-балтийских курганов зафиксировано разграничение зон внутри архитектурного пространства погребального памятника. Пристройки, дополнительные камеры, каменные вымостки, впускные захоронения и ритуальные объекты почти всегда концентрируются в южном секторе. Северная часть подкурганного пространства свободна от дополнительных объектов и может содержать только место погребального костра. Ориентировки погребальных камер в большинстве случаев варьируются в пределах четверти круга: от ЮВ—СЗ до ЮЗ—СВ. Большинство ингумаций ориентированы по оси С—Ю головой к северу. Представляется, что такое районирование пространства имеет мировоззренческую природу. Возможно, мы имеем дело с разграничением «мира живых» и «мира мертвых»: мертвые уходили в другой мир в северном направлении, а войти в пространство кургана можно было только с юга.

Воробьева А.В., 2023. Этапы сооружения кургана I из могильника Лунино-1 // Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение. Материалы VII конференции молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН С. 71–73.

- Воробьева А.В., 2024. Архитектурные особенности курганов позднего бронзового и раннего железного веков в Юго-Восточной Прибалтике. Выпускная квалификационная работа. ГАУГН. М. 181 с.
- Bezzenberger A., 1893. Einige ostpreußische Hügelgräber // PB 1892–1983. Hf. 18. Königsberg i Pr. S. 76–88.
- Bezzenberger A., 1900. Fundberichte: Hügelgrab bei Schlaszen, Kr. Memel // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia für die Vereinsjahre 1896-1900. Hf. 21. Königsberg i Pr. S. 81–85.
- Bezzenberger A., 1914. Fundberichte: Hügelgrab bei Linkau, Kr. Fischhausen // PB 1905–1909. Hf. 23. Königsberg i Pr. S. 113–126.
- Engel C., 1962. Typen ostpreußischer Hügelgräber / Bearbeitet von R. Grenz. Neumünster: Karl Wachholtz. 50 S.
- Kemke H., 1909. Fundberichte: Zwei Hügelgräber im Warnicker Forst, Kr. Fischhausen // PB 1900–1904. Hf. 22. Königsberg i Pr. S. 413–423.
- Okulicz Ł., 1970. Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza. Wrocław; Warszawa; Kraków. 264 s.
- Tischler O., 1887. Ostpreussische Grabhügel, I // SPÖG. Bd. 27. S. 113–176.
- Tischler O., 1888. Die Grabhügel von Rantau aus der ältesten Bronzezeit // SPÖG. Bd. 28. S. 11-14.

Д.М. Геншпринг

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова genshpring dan@mail.ru

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ МОГИЛЬНИКА НОВОЗАВЕДЕННОЕ II В КОНТЕКСТЕ СТРЕЛКОВЫХ НАБОРОВ РАННЕСКИФСКОЙ ЭПОХИ

Курганный могильник Новозаведенное II – один из ключевых памятников скифской архаики, расположенный около с. Новозаведенное (Ставропольский край). Датировка могильника определяется исследователями в рамках второй половины VII – начала VI в. до н.э., верхняя дата получена по античным импортам (Маслов, Петренко, 2021. С. 85).

Стрелковые наборы, изготовленные из бронзы, являются самыми распространенными в могильнике Новозаведенное ІІ. В рамках исследования проанализировано 613 наконечников стрел (581 бронзовый, 10 железных и 22 костяных). Из них классифицировать удалось 557 бронзовых, 9 железных, 22 костяных наконечника.

Благодаря проведенному по схеме А.И. Мелюковой типологическому анализу определено преобладание в материалах двухлопастных и трехлопастных бронзовых наконечников, отмечена их взаимная встречаемость в большинстве комплексов (66 %). Наиболее распространены следующие разновидности: вариант 2 типа 2 для двухлопастных (34 экз.), вариант 2 типа 2 для трехлопастных (147 экз.), вариант 1 типа 1 для трехгранных (99 экз.). Установлено, что большая часть находок относится к первой хронологической группе по А.И. Мелюковой (вторая половина/конец VII — первая половина VI в. до н. э.) (Мелюкова, 1964. С. 18) и второй хронологической группе по В.Г. Петренко (середина VII — рубеж VII/VI вв. до н.э.) (Петренко, 1990. С. 66). Выделяются материалы курганов 2 и 7 благодаря преобладанию наиболее архаичных двухлопастных наконечников, а также 6 и 17, в которых стрелковые наборы содержали изделия второй хронологической группы по А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964. С. 21–22).

В результате исследования удалось установить хронологическую позицию Новозаведенного II среди памятников Северного Кавказа (Келермесский, Нартанский-1, Краснознаменский курганные могильники). Анализ колчанных наборов показал, что могильник Новозаведенное II синхронен ранней группе курганов Нартанского-1 (курганы 6, 9–23) (Батчаев, 1985. С. 90). Наконечники стрел демонстрируют связь между материалами Краснознаменского и Новозаведенского некрополей, что выражается в преобладании одинаковых разновидностей, а именно трхгранных наконечников 1 варианта 1 типа, в обоих памятниках (Петренко, 2006. С. 64).

Помимо типологического анализа проведено исследование химического состава бронзовых наконечников методом рентгенофлуоресцентного анализа ($P\Phi A$). Измерения производились на стационарном приборе ArtTAX-BRUKER AXS с молибденовой трубкой и полупроводниковым детектором¹.

Интерпретация результатов РФА экземпляров из курганов 13 (28 экз.) и 16 (2 экз.) позволила определить принадлежность металла по схеме Т.Б. Барцевой (Барцева, 1981. С. 17–23). Содержание меди во всех исследованных образцах колеблется в интервале 48,03–94,96 %, содержание олова – в интервале 3,29–50,48 % (среднее значение 22,52 %), свинца – в интервале 0,99–38,18 % (среднее значение 12,26 %). Установлено, что большая часть анализируемых находок изготовлена из трехкомпонентного сплава меди (как основы), олова и свинца (18 экз.), 12 наконечников – из оловянной бронзы (бинарный сплав). Производство наконечников первой хроногруппы из оловянных (бинарных) бронз на Левобережье отмечалось Т.Б. Барцевой (Барцева, 1981. С. 28). Кроме того, подобные сплавы использовались для изготовления стрел из Краснознаменского курганного могильника (Барцева, 1989. С. 111) и Нартанского-1 могильника.

В то же время состав металла некоторых новозаведенских наконечников стрел (14 экз. из кургана 13 и 1 экз. из кургана 16) имеет существенные особенности. Содержание олова в нем больше, чем в материалах вышеперечисленных памятников. Добавка олова оказывает влияние на физические свойства сплава. Изделия, в которых его концентрация выше 20 %, более хрупкие и не поддаются ковке (Равич, 1983. С. 139). Содержание олова может быть завышено из-за межкристаллитной коррозии и гетерогенной структуры сплавов, возникающей в процессе их производства. Следует учитывать также, что коррозия и поверхностное обогащение одних элементов за счет других затрудняют количественное определение химического состава сплава.

Из микропримесей в наконечниках стрел обнаружены никель -0.09-0.82 % (среднее значение 0.53 %), цинк -0.12-0.32 %, (среднее значение 0.23 %), железо -0.02-0.7 %, (среднее значение 0.03 %), висмут -0.01-0.15 %, (среднее значение 0.02 %). Кроме висмута повышенным для данного региона является содержание цинка и никеля (в количестве десятых долей процента). Это может свидетельствовать о различных сырьевых источниках металла и позволяет отнести рассматриваемые сплавы к восточной группе, по Т.Б. Барцевой (Барцева, 1981. С. 21). Кроме того, не обнаружены иные примеси, такие, как сурьма, мышьяк, серебро, характерные для северокавказских сплавов. Вероятная причина — предел чувствительности использованного оборудования, которое имеет точность до сотых долей процента.

Таким образом, РФА бронзовых наконечников стрел могильника Новозаведенное II продемонстрировал преобладание оловянно-свинцовых бронз в исследованной выборке. Кроме того, химический состав проанализированных образцов существенно отличается от состава металла наконечников стрел из близких по времени Нартанского-1 и Краснознаменского курганных могильников по содержанию олова. Отнесение даже некоторой части наконечников стрел к восточной группе по составу сплава (несмотря на их типологическую однородность) — важный вывод, хотя и не позволяющий на данном этапе провести корреляцию между типологической принадлежностью наконечника стрелы в могильнике и составом металла, из которого он изготовлен.

Барцева Т.Б., 1981. Цветная металлообработка скифского времени. М.: Наука. 128 с.

Барцева Т.Б., 1989. Раннескифский цветной металл в Предкавказье (комплекс «Красное Знамя») // Естественнонаучные методы в археологии / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Наука. С. 109–117.

Батчаев В.М., 1985. Курганы скифского времени у селения Нартан // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик: Эльбрус. С. 19–115.

Маслов В.Е., Петренко В.Г., 2021. Детали головных уборов и диадем из могильника Новозаведенное-II // Восток (Oriens). № 6. С.78–89.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов. М.: Наука. 91 с. (САИ. Вып. Д1-4).

¹ Анализ осуществлен автором под руководством доцента кафедры археологии исторического факультета МГУ Н.В. Ениосовой

Петренко В.Г., 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М. С. 60–81.

Петренко В.Г., 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо: Палеограф, 309 с.

Равич И.Г., 1983. Эталоны микроструктур оловянной бронзы // Художественное наследие. Хранение, исследование, реставрация. Вып. 8 (38). С. 136–144.

В.А. Гражданкина

Алтайский государственный университет, Барнаул grazhdankina v0607@mail.ru

ОБРАЗ ЛОШАДИ В ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ АЛТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В.В. РАДЛОВА)¹

Лошадь имела существенное значение в хозяйстве, военном деле, духовной культуре и других сферах жизни и деятельности древних кочевников, что нашло отражение в различных обрядах и в искусстве. Нельзя сказать, что изучение ее образа не предпринимались в отечественной науке, но в целом это направление остается относительно слабо изученной темой. Основной целью данной публикации является краткий обзор истории изучения фигур лошадей, найденных В.В. Радловым при раскопках Большого Катандинского кургана в 1865 г. В своих дневниках и научных работах он не представил детального описания обнаруженных деревянных фигурок, лишь кратко сообщил о них: «... Нагрудник, изготовленный из меха горностая, и изображения лошадей, закрепленные на шелковой ленте... » (Радлов, 1989. С. 448).

Одним из первых подробно охарактеризовал указанные находки А.А. Захаров. Он привел размеры и описания семи фигурок, пять из которых вырезаны в профиль и имеют отверстия на голове и туловище. У некоторых отсутствуют правые или левые конечности. Корпуса шестой и седьмой лошадей изображены в профиль, однако их голова повернута анфас. Лежащие животные фрагментированы (частично отсутствуют конечности), у них отмечены повороты голов в разные стороны и следы краски. Одна из фигурок представляет фантастического зверя с лошадиным телом. На двух предметах сохранились остатки тонкой шелковой ткани, на трех — фрагменты золотой фольги. А.А. Захаров предположил, что изделия, возможно, вырезаны из лиственницы. Также он отметил наличие очертаний седел и отсутствие уздечек, которые могли быть сделаны из кожи, в связи с чем не сохранились (Захаров, 1926. С. 89–90).

С.В. Киселев также обращался к деревянным фигуркам катандинских коней. Он отметил, что изделия выполнены с большим мастерством, показаны в профиль с головами, повернутыми друг к другу (Киселев, 1949. С. 185). При рассмотрении сокровищ саков М.И. Артамонов упоминал интересующие нас находки, но не привел конкретные описания, а лишь отметил, что в Большом Катандинском кургане сохранилось много предметов, вырезанных из дерева (Артамонов, 1973. С. 53). Г.А. Федоров-Давыдов подробно описал результаты раскопок В.В. Радлова и подчеркнул, что были найдены фигурки деревянных коней, замаскированных под оленей, которые запечатлели мимолетные позы животных и убедительно передали повороты их голов (Федоров-Давыдов, 1976. С. 31).

Важную тему интерпретации образов катандинских фигурок затронул В.Д. Кубарев. Он отметил их парность и высказал предположение, что изображены кобыла и жеребец (Кубарев, 1980. С. 60). Кроме того, исследователь сопоставил лошадей из Большого Катандинского кургана с аналогичными находками из курганного могильника пазырыкской культуры Уландрык-IV, где фигурки были покрыты листовым золотом и являлись декоративным элементом головного убора (Кубарев, 1987. С. 4). В.Д. Кубарев отметил у них важную деталь: именно эта пара изделий, среди нескольких десятков аналогич-

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-18-00470.

ных находок из Чуйской степи, имеет отверстия для вставных крыльев. Еще одна пара схожих фигурок была найдена им на памятнике Барбургазы-I (Кубарев, 2006. С. 45).

Деревянные фигурки катандинских коней кратко рассматривались в одной из публикаций М.А. Очир-Горяевой. Она отметила реалистичность изображений и обратила внимание на тот факт, что вырезаны объезженные и оседланные животные (Очир-Горяева, 2017. С. 181).

Исследователи рассматривали катандинские фигурки лошадей как произведения искусства, демонстрирующие высокое мастерство исполнения и реалистичность изображения. Они отмечали не только эстетическую ценность, но и множество особенностей, свидетельствующих о технических знаниях и умениях древних мастеров. Подчеркивалась парность лошадей, обсуждались возможности интерпретации фигурок в качестве отражения мифологических и религиозных и др.

На основе краткого историографического обзора можно сделать вывод о том, что результаты изучения фигурок катандинских коней обеспечивают возможность дальнейшего комплексного рассмотрения аналогичных находок, а также глубокого анализа образа лошади в искусстве и обрядовой деятельности древних кочевых социумов не только Алтая, но всей Внутренней Азии.

Артамонов М.И., 1973. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство. 280 с.

Захаров А.А., 1926. Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В.В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. Вып. 1. С. 71–106.

Киселев С.В., 1949. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: АН СССР. 364 с. (МИА № 9).

Кубарев В.Д., 1980. «Конь счастья» в религиозно-идеологических представлениях ранних кочевников Горного Алтая // Рериховские чтения. 1979 г. К 50-летию института «Урусвати». Материалы конференции / Отв. ред. В.Е. Ларичев, Н.Г. Велижанина. Новосибирск: ГПНТБ СО АН СССР. С. 58–70.

Кубарев В.Д., 1987. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука. 304 с.

Кубарев В.Д., 2006. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. № 3. С. 41-54.

Очир-Горяева М.А., 2017. Изображения коня в искусстве скифской эпохи степной Евразии // КСИА. Вып. 247. С. 176–188.

Радлов В.В., 1989. Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука. 749 с.

Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство. 228 с.

Е.О. Касинцева

Институт археологии РАН, Москва amphibie91(a)gmail.com

КОМПЛЕКС ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЙ III в. до н.э. ИЗ СКЛЕПА НА МАРКУЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ КАК ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ КУЛЬТУР

В 2023 г. на территории Маркульского городища (Очамчирский район, республика Абхазия), в разрушенном грабителями склепе III в. до н.э., датированном на основании находок клейменой черепицы, косской амфоры и комплекса чернолаковой посуды, обнаружен комплекс золотых предметов (Сапрыкина и др., в печати). Он представляет собой комплект нашивных бляшек и бусин и сочетает черты разных культур, чьи границы пересекались в данном регионе (рис. 1). Цель работы — на примере данного комплекса проследить влияние эллинистических греческих и скифо-сарматских культурных традиций на набор декоративных приемов украшения одежды населением Маркульского городища, а также, по возможности, определить иконографию отдельных наиболее характерных предметов.

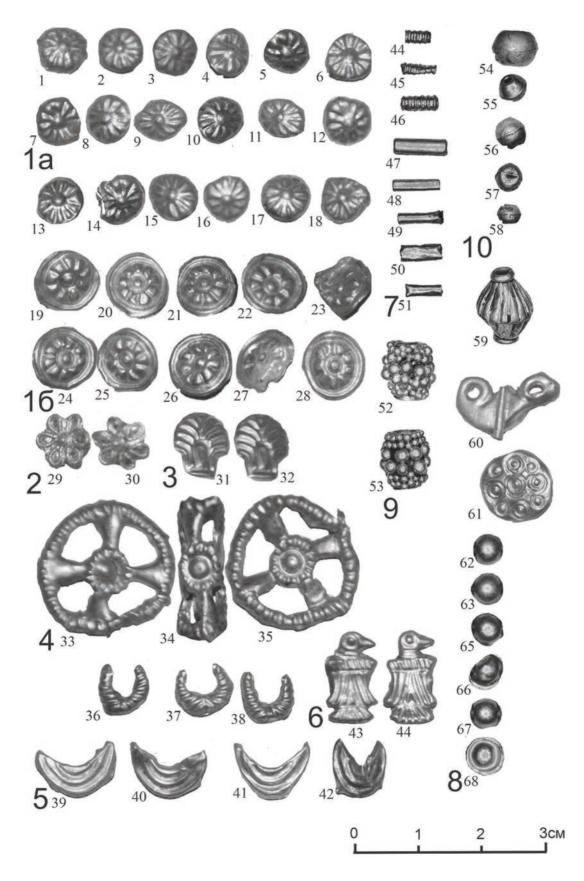

Рис. 1. Бляшки с растительным орнаментом из комплекса золотых изделий склепа на Маркульском городище.

Штампованные золотые нашивные бляшки и бусины — наиболее распространнный элемент декорирования костюма эпохи эллинизма, часто встречающийся в том числе и в элитных погребениях культур ранних кочевников. Зачастую они имели культовый характер, перенесенный в художественный образ, и отражали мировоззрение данных народов. Комплекс золотых предметов из склепа Маркульского городища сочетает в себе предметы, иконографически относящиеся к совершенно разным культурам, однако, в данном конкретном случае, объединенные общим геометризованным стилем исполнения. В данной работе мы рассмотрим самую многочисленную категорию предметов комплекса — бляшки с растительным орнаментом.

К первой группе относятся бляшки в виде розеток с выпуклым центром (рис. 1: 1а, 1б). Подобные мотивы широко известны как для эллинской традиции декора одежды, так и для культуры ранних кочевников. Практически аналогичные бляшки, к сожалению, не имеющие точного места локализации, хранятся в коллекции Ростовского областного музея краеведения (Госкаталог РФ, инв. номер 19013967) и Государственного Эрмитажа (тринадцать круглых штампованных бляшек с изображением розетки (ГЭ. Коллекции онлайн, инв. номер ГР-14301)). Время их бытования определено в рамках IV в. до н.э. Этим же временем датируются очень схожие розетки из Македонии (Tsigarida, Ignatiadou, 2000. Р. 59. Fig. 54). Впрочем, подобные изделия были распространены и в более позднюю эпоху. Так, к примеру, похожие бляшки найдены в погребении Веселая Роща III, датируемом III—I вв. до н.э. (Мирошина, Державин, 1988. С. 151). В погребении 68 некрополя Танаиса аналогичные украшения датируются I в. н.э. (Шелов, 1961. Табл. XXXVI: 4); к I—II вв. н.э. относятся схожие розетки из Херсонеса (Журавлев и др., 2017. С. 113–119. Табл. 63; 64; 69).

Вторая группа нашивных бляшек из сплепа Маркульского городища представлена рельефным изображением 6-лепестковой розетты, близкой по характеру первой группе бляшек (рис. 1: 2). Данный тип розетки является одним из наиболее древних, подобные находки известны с позднемикенского времени (Hoffmann, von Clear, 1968, 4–5, Nr. 1–3). Однако такие же бляшки найдены и на многих памятниках сарматского времени (см., например, Гущина, Засецкая, 1994. С. 130, 144, 147, 151; Симоненко, Лобай, 1991. С.38).

Третья группа представлена бляшками в виде пальметт (рис. 1: 3). Розетты и пальметты — наиболее распространенные и древние мотивы в художественной культуре разных регионов. Орнаментальный мотив, схематически изображающий пальмовую ветвь, уходит своими корнями в Древний Египет и Месопотамию. В древнегреческом искусстве пальметта — символ плодородия, благополучия и вечной жизни. Он часто использовался в надгробных памятниках и в архитектуре (Хабарова, 2017), но встречается и в виде золотых бляшек. Наиболее близкая по стилю пальметта хранится в коллекции Государственного Эрмитажа и датируется V в. до н.э. (штампованная бляшка с тонкой рельефной пальметкой (ГЭ. Коллекции онлайн, инв. номер ГР-19177)).

Подводя итоги, можно заключить, что развитие традиций декора элементов одежды у населения Маркульского городища находилось в общем культурном русле Причерноморья и сопредельных территорий античного времени. Рассмотренные бляшки с растительными орнаментами имеют широкий круг аналогий, в том числе весьма отдаленных, что дает возщможность говорить о направлениях внешних связей. Дальнейшее изучение всего комплекса находок золотых украшений из склепа городища позволит еще более подробно раскрыть поставленные вопросы.

Госкаталог РФ [электронный ресурс]. URL: https://goskatalog.ru/portal/#/ (дата обращения: 20.11.2024).

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн. 172 с.

ГЭ. Коллекции онлайн [электронный ресурс]. URL: https://collections.hermitage.ru/ (дата обращения: 20.11.2024).

Журавлев Д.В., Новикова Е.Ю., Коваленко С.А., Шемаханская М.С., 2017. Золото Херсонеса Таврического (ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М.: ООО «РИА Внешторгиздат». 360 с.

- Мирошина Т.В., Державин В.Л., 1988. Сарматские погребения из могильника Веселая Роща III // СА. № 4. С. 146–156.
- Сапрыкина И.А., Требелева Г.В., Касинцева Е.О., в печати. Золотые изделия из склепа III в. до н.э. на Маркульском городище // КСИА. Вып. 277.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев: Наукова думка. 128 с.
- Хабарова Ю.В., 2017. Пальметта как символический и пластический образ в греческой акротериальной скульптуре (VII–IV вв. до н.э.) // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. № 2. С. 52–62.
- Шелов Д.Б., 1961. Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.) / М.: АН СССР. 95 с. (МИА. № 98). Hoffmann H., von Claer V., 1968. Antiker Gold- und Silberschmuck. Katalogue mit Untersuchung der Objekte auf technischer Grundunglage. Museum für Kunst und Gewerbe, Hamburg. Mainz am Rhein. 246 p.
- Tsigarida B., Ignatiadou D. 2000. The Gold of Macedon. Archaeological Museum of Thessaloniki. Athens. 93 p.

Д.А. Краснобаев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова Институт археологии РАН, Москва dmitry.krasnobaev2002@gmail.com

ФАНАГОРИЙСКАЯ СТОЛОВАЯ КЕРАМИКА V в. до н.э. ИЗ НЕКРОПОЛЯ ВОЛНА 1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2015 И 2016 гг.)¹

Некрополь Волна 1 расположен в юго-западной части Таманского полуострова у подножия северного склона г. Зеленской (Темрюкский р-н Краснодарского края). Обнаружен в 2014 г. и в ходе охранно-спасательных работ 2015—2018 гг. исследован на площади 121 тыс. кв. м. Обнаружено 1381 погребение и 725 комплексов (Цокур и др., 2023а. С. 8–9)

Фанагорийская керамика на некрополе Волна 1 составляет весомую часть находок простой красноглиняной посуды. Из 336 погребений и 136 комплексов (Цокур и др., 2023а; 2023б; Успенский, 2016. Т. 2²) на основе анализа микрофото глин, проведенного в лаборатории кафедры археологии исторического факультета МГУ, выделены 62 сосуда, произведенные в фанагорийских мастерских. Еще порядка 60 сосудов было отнесено к продукции из Фанагории на основании описания керамического теста в публикации и отчете.

Благодаря работам И.Т. Кругликовой, Д.Б. Шелова, О.Ю. Круг и Г.А. Цветаевой (Кругликова, 1951. С. 87–106; Шелов, 1954. С. 119–130; Круг, 1960. С. 128–132; Цветаева, 1972. С. 21–23) определены основные характеристики глин фанагорийской столовой посуды: цвет от фиолетового до разных оттенков коричневого и красного, текстура флюидальная или однородная с обломками размером 0,6–0,1 см с примесями толченой раковины, дресвы, кварца, слюды, шамота, мелкодисперсной слюды, акцессорных минералов, тонкодисперсной карбонатной породы, небольшого количества плагиоклаза и иногда органических веществ.

Столовые закрытые сосуды представлены следующими формами.

Ойнохои (30 экз.) — сосуды с отогнутым профилированным трехлепестковым венчиком, выраженным широким горлом (диаметр горла больше радиуса тулова), с плавным переходом к округлому тулову на кольцевом поддоне и с вертикальной округлой ручкой. По форме горла делятся на два типа (Кашаев, 2014б. С. 117. Рис. 1: 3, 8):

- 1) с низким горлом, не имеющим ярко выраженных вертикальных стенок (рис. 1: 1);
- 2) с высоким, более выраженным горлом, с участком почти вертикальных стенок (рис. 1: 2).

 $^{^{1}}$ Работа выполнена по гранту РНФ № 23-18-00196 «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна 1 на территории Азиатского Боспора».

 $^{^2}$ Выражаем огромную благодарность П.С. Успенскому за предоставленную возможность работать с материалами раскопок.

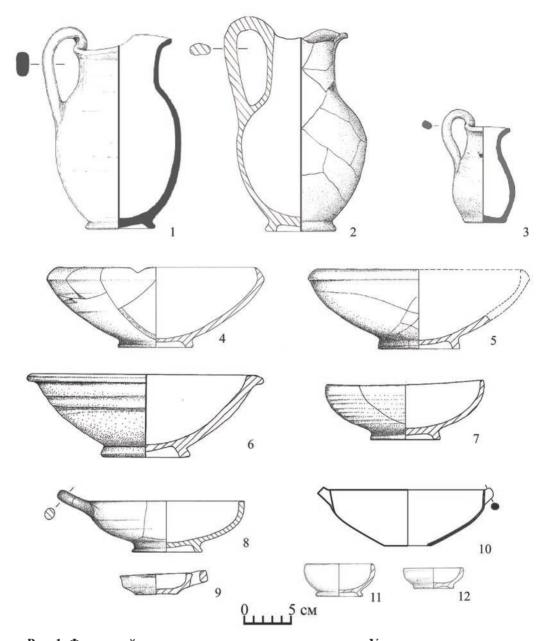

Рис. 1. Фанагорийская красноглиняная столовая посуда V в. до н.э.

1, 3 – по: Успенский, 2016; 2, 4–9, 11, 12 – по: Цокур и др., 2023а; 2023б; 10 – рисунок автора.

Ольпы (6 экз.) имеют отогнутый или сильно отогнутый профилированный венчик, плавный переход к подконусовидному тулову (максимальный диаметр – в нижней трети) на плоском поддоне (рис. 1: 3).

Миски (61 экз.). Все они имеют округлые стенки и кольцевой поддон, по форме венчика делятся на четыре типа (Кашаев, 2014а. С. 55. Рис. 1: 3, 5, 7, 4):

- 1) с загнутым заостренным венчиком (рис. 1: 4);
- 2) со слегка загнутым венчиком и валикообразным краем (рис. 1: 5);
- 3) с горизонтально отогнутым венчиком (рис. 1: 6);
- 4) с вертикальным округлым венчиком (рис. 1: 7).

Одноручные чаши (18 экз.) могут быть двух разновидностей:

- 1) полноразмерные с вертикальным округлым венчиком, округлыми стенками и кольцевым поддоном, с одной горизонтальной ручкой, загнутой наверх, прикрепленной к краю (рис. 1: 8);
- 2) миниатюрные с вертикальным прямым венчиком, прямыми стенками на плоском поддоне, с одной горизонтальной загнутой ручкой, с креплением у края (рис. 1: 9).

Двуручные чаши в выборке представлены всего одним экземпляром (рис. 1: 10), близким к полноразмерным одноручным чашам: с вертикальным округлым венчиком, округлыми стенками, но с двумя горизонтальными ручками, которые крепятся к краю и загнуты вверх.

Миниатюрные миски/солонки. Всего в материалах раскопок 2015 и 2016 гг. пять подобных изделий фанагорийского производства V в. до н.э. Они все имеют округлые стенки и кольцевой поддон и делятся на два типа:

- 1) глубокие (соотношение глубины тулова к половине диаметра края >1/2) с загнутым округлым венчиком (рис. 1: 11);
- 2) мелкие (соотношение упомянутых параметров <1/2) с вертикальным округлым венчиком (рис. 1: 12).

Таким образом, можно наблюдать, что в V в. до н.э. фанагорийское производство было весьма востребовано населением, оставившим некрополь Волна 1. Дальнейший анализ этой группы материала позволит разработать более дробную классификацию форм. Возможно, удастся определить развитие типов сосудов во времени, а также уточнить и сузить датировки той или иной разновидности изделий.

- Кашаев С.В., 2014а. Миски в погребальном инвентаре некрополя Артющенко-2 // Таврические студии. Исторические науки. № 6. Симферополь: Крымский ун-т культуры искусств и туризма. С. 53–58.
- Кашаев С.В., 2014б. Ойнохои в погребальном обряде некрополя Артющенко-2 // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М.М. Кубланова (1914—1998). Санкт-Петербург, 25—26 ноября 2014. СПб.: Нестор-История. С. 114—121.
- Круг О.Ю., 1960. Оптическое исследование боспорской керамики // Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. М. С. 128–132 (МИА. № 83).
- Кругликова И.Т., 1951. Фанагорийская местная керамика из грубой глины // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. І. М. С. 87–106 (МИА. № 19).
- Успенский П.С., 2016. Раскопки участка грунтового могильника Волна 1 в Темрюкском районе Краснодарского края в 2016 г. В 7 т. // Архив ИА РАН.
- Цветаева Г.А., 1972. Производство расписной керамики в Фанагории VI–V вв. до н.э. // КСИА. Вып. 130. С. 21-23.
- Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В. 2023а. Волна 1. Некрополь архаического эллинистического периодов на Таманском полуострове. Ч. 1. М.: ИА РАН. 400 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 1).
- Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В. 2023б. Волна 1. Некрополь архаического эллинистического периодов на Таманском полуострове. Ч. 2 М.: ИА РАН. 368 с. (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 2).
- Шелов Д.Б., 1954. К истории керамического производства на Боспоре // CA. XXI. С. 119-130.

В.К. Максименков

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь victorskiff@mail.ru

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ГРУНТОВЫХ НЕКРОПОЛЕЙ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА II в. до н.э. – IV в. н.э. НА ОСНОВЕ ИЗМЕНЕНИЯ ТИПОВ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

В Предгорном Крыму выявлено и в той или иной степени исследовано 68 грунтовых некрополей варварского населения, функционировавших в рамках II в. до н.э. – IV в. н.э. (рис. 1). Исследователи, изучавшие эти могильники, относили хоронивших на них людей к разным этносам и археологическим культурам. И если за некоторыми некрополями плотно закрепилась их этническая и культурная атрибуция, то относительно других устойчивого мнения не сложилось. При этом на памятниках, принадлежащих

разным археологическим культурам, встречены одинаковые погребальные конструкции и обряды, а в рамках одного памятника обнаруживаются сооружения и следы ритуальных действий, причисляемые к разным археологическим культурам. Возникшая ситуация явилась отправным пунктом для рассуждений, в основе которых лежит идея представить грунтовые некрополи в качестве набора определенных погребальных практик.

Целью работы является попытка создания периодизации грунтовых некрополей Предгорного Крыма II в. до н.э. – IV в. н.э. на основе изменения типов погребальных сооружений. Каждый выделенный хронологический период отражает доминирование определенного типа или типов сооружений и характерного для этого периода обряда захоронения.

Первый хронологический период (вторая половина II — первая половина I в. до н.э.). Исходной точкой служит появление первых грунтовых некрополей. Основные типы погребальных сооружений этого периода — позднескифские катакомбы и сформировавшиеся из них склепы (Храпунов, Мульд, 2004; Мульд, 2015). Погребальный обряд, как и конструкции, практически идентичны на всей территории. Катакомбы и склепы были предназначены для многократных коллективных захоронений и могли функционировать не одно десятилетие. Входные ямы склепов забутовывались камнем.

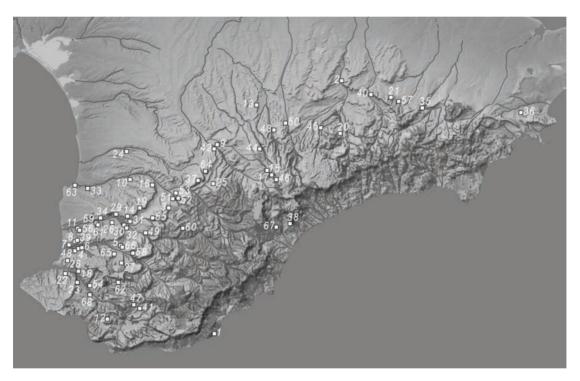

Рис. 1. Карта некрополей Предгорного Крыма II в. до н.э. – IV в. н.э.

1 — Ай-Тодор/Харакс; 2 — Ак-Кая/Вишенное; 3 — Балта-Чокрак; 4 — Бельбек I; 5 — Бельбек II; 6 — Бельбек III/ВИР; 7 — Бельбек IV; 8 — У аэропорта «Бельбек»; 9 — Битак; 10 — Брянское; 11 — Вишневое; 12 — Гончарное; 13 — Дмитрово; 14 — Долинное; 15 — Дружное; 16 — Заветное; 17 — Заречное; 18 — Инкерманский; 19 — Казан-Таш; 20 — Карасу-Баши; 21 — Кара-Тау; 22 — Килен-Балка; 23 — Киль-Дере; 24 — Кольчугино; 25 — Константиновка; 26 — Краснозорье; 27 — Красный Мак; 28 — курган у Братского кладбища; 29 — курган № 3 Кулаковского 1895 г.; 30 — курган у совх. Коминтерн; 31 — курган у колх. им. Ильича; 32 — курган у пос. Железнодорожный; 33 — курган в районе с. Вилино; 34 — курган у с. Некрасовка; 35 — Курское; 36 — Куру-Баш; 37 — Левадки; 38 — Лучистое 2; 39 — Мамай-Оба; 40 — Мичурино; 41 — Муловский; 42 — Неаполь Скифский; 43 — Нейзац; 44 — Опушки; 45 — Отаркой/Александровка; 46 — Перевальное; 47 — Передовое; 48 — Поворотное; 49 — Предущельное; 50 — Розенталь/Ароматное; 51 — Скалистое II/Озерное I; 52 — Скалистое III/Озерное II; 53 — Скалистое IV/Озерное III; 54 — Совхоз №10 «Севастопольский»; 55 — Сувлу-Кая; 56 — Суворово; 57 — Танагельды; 58 — Танковое; 59 — Тас-Тепе; 60 — Темир-Чаир; 61 — Тенистое; 62 — Терновка 2; 63 — Усть-Альма; 64 — Фонтаны; 65 — Фронтовое 3; 66 — Холмовка; 67 — Чатыр-Даг; 68 — Чернореченский.

В этот период памятники распространены на широкой территории. Склепы и катакомбы обнаружены в Предгорном, Восточном и Северо-Западном Крыму. Они не встречаются в горных и степных районах полуострова, а в сочетании с позднескифскими городищами примерно очерчивают ареал раннего этапа позднескифской культуры.

Первый переходный период (вторая половина I в. до н.э. — первая половина I в. н.э.). Появляются новые погребальные сооружения, которые позже станут доминирующими. Это грунтовые и подбойные могилы (о времени появления подбойных могил см.: Зайцев, 2019. С. 93—96). Конструкции, изначально предназначенные для одиночных погребений, появляются в уже сформированном виде, что, вероятно, исключает их эволюцию из местных погребальных сооружений. Они практически одновременно возникают как на грунтовых некрополях, так и под курганными насыпами, что в совокупности с набором и расположением погребального инвентаря роднит их с раннесарматской культурой. Неизвестно, какими путями такие соружения проникают в Крымские Предгорья, так как практически одновременно они фиксируются в Северо-Западном, Юго-Западном и Восточном Крыму. При рассмотрении этого вопроса особое внимание следует обратить на синхронные подкурганные погребения Степного Крыма (Кропотов, 2016; 2023), а также на близлежащие степные территории.

Второй хронологический период (вторая половина I — первая половина III в. н.э.). Это время доминирования различных типов погребальных конструкций, предназначенных для одиночных погребений. Повсеместно и в большом количестве распространены подбойные и грунтовые могилы. Встречаются плитовые могилы и могилы с заплечиками.

Примечательно, что на некрополях, возникших после рубежа эр, грунтовые позднескифские склепы практически не фиксируются. Практика их использования угасает в первой половине II в. н.э. Тем не менее, другие элементы позднескифского погребального обряда продолжают существовать в течение всего указанного периода. Распространяются элементы синкретизма. В это же время на грунтовых некрополях появляются погребения по обряду кремации. Источник их распространения, вероятно, следует искать в горной части полуострова (Савеля О.Я., Савеля Д.Ю., 2018; Стоянова, 2024; Мордвинцева, Лысенко, 2016).

Географически могильники всех трех групп практически равномерно встречаются по всей территории Предгорного Крыма. Примерно в начале — первой половине II в. н.э. перестают функционировать варварские некрополи и поселения Северо-Западного Крыма. В это же время население покидает долину реки Западный Булганак. Появляются новые грунтовые могильники в долинах рек Бельбек и Черная. Биритуальные некрополи в основном концентрируются в Юго-Западном Крыму.

Второй переходный период (III в. н.э.). Хронологические рамки этого периода несколько размыты. Первой отправной точкой для его выделения служит появление склепов новой конструкции. Самые ранние из них датируются концом II — началом III в. н.э. (Храпунов, 2023; 2024). Вторая реперная точка — события середины III в. н.э., когда массово гибнут позднескифские поселения и связанные с ними некрополи. На протяжении второй половины столетия происходит формирование новых элементов погребального обряда и распространение погребальных сооружений новой конструкции.

Третий хронологический период (вторая половина или конец III – IV в. н.э.). Основой для его выделения является массовое распространение склепов с короткими дромосами, а также ряд новаций в археологической культуре населения крымских предгорий (Храпунов, 2021). Географически грунтовые могильники этого периода делятся на две группы – Юго-Западную и Центрально-Крымскую. В каждой из них, при общем сходстве погребальных сооружений и обряда, выделяются локальные особенности. Не исчезают и кремации, но в современной историографии они связываются, как правило, с приходом на полуостров германцев. Обряд трупосожжения доминирует на некрополях Ай-Тодор и Чатыр-Даг. На грунтовых могильниках кремации встречаются как в Юго-Западном, так и в Центральном Крыму.

Выводы. Предложенная хронологическая схема представляет лишь один из возможных подходов к анализу этнических процессов, происходивших в Предгорном Крыму во II в. до н.э. – IV в. н.э. Ее основная задача – продемонстрировать, что несмотря на различную этническую и культурную атрибуцию тех или иных некрополей, на них происходят схожие процессы, отраженные в изменении типов погребальных конструкций и форм погребальных обрядов. Конечно, эта схема не отражает всего разнообразия и особенностей погребальных практик, встреченных на некрополях. Но применение представленного подхода к другим аспектам погребального обряда может привести к значительному дополнению или переработке созданной периодизации.

- Зайцев Ю.П., 2019. Некоторые аспекты «сарматизации» Крыма в раннем железном веке // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. IV в. н.э.). Т. V / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта ЛТД». С. 90–102.
- Кропотов В.В., 2016. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // Нижневолжский археологический вестник. Т. 15. № 1. С. 22–39.
- Кропотов В.В., 2023. Новые раннесарматские памятники в Степном Крыму // Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар; М.: Традиция; центр палеоэтнологических исследований. С. 115–122.
- Мордвинцева В.И., Лысенко А.В., 2016. Исследования могильника римского времени Лучистое 2 (Южный Крым) // Археологічні дослідження в Україні 2015 / Гол. ред. Ю.В. Болтрик. Киев: Стародавній Світ. С. 7–10.
- Мульд С.А., 2015. Топография могильника Левадки // Боспорские чтения. Вып. XVI / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь. С. 239–242.
- Савеля О.Я., Савеля Д.Ю., 2018. Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014—2015 гг. в Байдарской и Варнутской долинах) // Херсонесский сборник. Вып. XIX / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь: Альбатрос. С. 269—288.
- Стоянова А.А., 2024. Новый могильник с кремациями римского времени в горном Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. IV в. н.э.). Т. Х / Глав. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 208–231.
- Храпунов И.Н., 2021. Инновации IV в. н.э. в культуре населения Крымских предгорий // Проблемы истории, философии, культуры. № 3. С. 80–91.
- Храпунов И.Н., 2023. О времени появления в Крыму склепов с короткими дромосами // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур / Отв. ред. М.В. Кривошеев. Волгоград: Изд-во ВолГУ. С. 237–245.
- Храпунов И.Н., 2024. Склепы III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23. № 1. С. 174—204.
- Храпунов И.Н., Мульд С.А., 2004. Катакомбы из могильников Левадки в связи с происхождением позднескифской культуры // Проблемы философии, истории, культуры. № 14. С. 239–269.

П.А. Мосалева

HUV «Высшая школа экономики», Москва Институт востоковедения РАН, Москва gerodot476@gmail.com

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОЙ ДОРОЖНОЙ СИСТЕМЫ В АНАТОЛИИ

Создание дорожной системы является наглядным отражением освоения пространства римлянами на присоединенных территориях. Тема римских дорог в Анатолии активно разрабатывается, причем методология исследований совершенствуется.

Первые исследования напрямую опирались на древние итинерарии. Британский географ Дж. Реннел предпринял попытку сравнить расстояния, указанные в древних путеводителях, между городами Анатолии (Rennel, 1831. Р. 177–245). У. Рамсей также работал над реконструкцией главных римских дорог в Анатолии с учетом информации из итинерариев. Его исследования основывались на поиске городов и дорожных станций, а не самих маршрутов (Ramsay, 1890. Р. 48–82).

С именем С. Старра связан принцип приоритетности поиска дорог над поиском городов. Применение такого подхода свидетельствует о новом этапе изучения римской дорожной системы. По мнению С. Старра, пока не будет известно направление дороги, бессмысленно строить предположения о возможном расположении городов вдоль нее (Starr, 1963).

В последней четверти XX в. подход к изучению дорог основывался на их анализе с позиций военных и стратегических соображений. С. Митчелл отметил, что активное участие римских чиновников и военных в управлении редко распространялась далеко за пределы главных дорог. В монографии, посвященной провинции Галатия, он реконструировал дорожную сеть этого региона и выявил дороги с наиболее активным военным присутствием (Mitchell, 1995. Р. 124–136).

Д. Френч, придерживаясь принципа Старра, создал корпус из 10 томов, в которых с помощью картографирования милевых камней реконструировал римскую дорожную систему в Анатолии. Его работа представляет собой не имеющую аналогов базу данных. В этом регионе археологами обнаруживаются новые милевые камни (Marek, 2015. Р. 216–218), но их открытие скорее дополняет общую картину, чем меняет ее: общее географическое распределение камней остается прежним.

Австрийской академией наук был инициирован проект Tabula Imperii Byzantini. Источниками для исследований послужили среди прочего данные естественно-научных дисциплин — геоморфологии, палеоклиматологии, дендрохронологии и палинологии, которые позволили реконструировать древний ландшафт. Сегодня семь посвященных Анатолии томов являются изданиями, наиболее полно освещающими регион с точки зрения исторической географии. Одно из направлений проекта связано с преобразованием данных в цифровой формат с возможностью их обновления. Таким образом решается проблема устаревания информации, которая сопровождает любую напечатанную карту. Несмотря на масштаб проекта, ТІВ не может заменить десятитомник Д. Френча. Это связано с подробным описанием милевых камней и комментариями, которыми Д. Френч снабдил свое издание. Только использование обоих корпусов может обеспечить адекватный анализ дорожной системы.

В последнее время в изучение древних дорог внедряются цифровые методы. В открытых источниках содержится внушительное количество данных для пространственного анализа римских дорог в ГИС-системах. Среди них — базы данных Центра картографирования древнего мира, Цифровой атлас римских и средневековых цивилизаций, каталог географического справочника Pleiades и др. Информация в этих базах складывается из данных, полученных из других проектов, в частности из Атласа греческого и римского мира Баррингтона, а также из результатов деятельности отдельных научных групп. Но точность локализации объектов сильно варьируется и требует от исследователя перепроверки. Главная ценность перечисленных ресурсов заключается в возможности загрузки и манипуляции данными в интерактивном формате. Попытка пространственного анализа с использованием открытых данных предпринята немецкой исследовательницей Б. Вайссова. Благодаря методу наименьших затрат и анализу зоны видимости, доступных в ArcGIS, ей удалось уточнить реконструкцию дорог Вифинии в эллинистический, римский и ранневизантийский периоды (Weissowa, 2017. Р. 234–243).

В последние годы увеличилось количество исследований, касающихся тесно связанных с дорогами тем, таких, как мобильность, торговля и урбанизация (Willet, 2018. Р. 15–19; Hanson, 2011. Р. 229–275). Накопленный материал позволил рассмотреть римские дороги их как составляющую важных процессов в империи. Акцент сместился с исследования строительства дорог и их использования для военных компаний на широкое рассмотрение их места в экономической жизни римского мира.

Наиболее перспективным выглядит комплексный подход, сочетающий в себе разбор данных ДЗЗ, их верификацию в полевых условиях, использование ГИС-систем, а также анализ нарративных и эпиграфических источников, в отрыве от которых никакие методы не могут быть адекватно применены для исследования античных памятников. В силу

количества и многообразия различной информации о римских дорогах актуальным представляется отображение результатов исследований в виде карт — созданных на базе ГИС-систем, если речь идет об анализе данных, и интерактивных — если предполагается их качественная систематизация.

French D., 2012. Roman Roads and Milestones of Asia Minor. Vol. 3.1–4.1. Ankara: British Institute of Archaeology at Ankara.

Hanson J.W., 2011. The Urban System of Roman Asia Minor and Wider Urban Connectivity // Settlement, Urbanization, and Population. Oxford Studies on the Roman Economy. 2 / Eds. A.K. Bowman, A.I. Wilson. Oxford: Oxford University Press. P. 229–275.

Marek C., 2015. Epigraphy and the provincial organisation of Paphlagonian cities in the Roman Empire // Landscape Dynamics and Settlement Patterns in Northern Anatolia during the Roman and Byzantine Period / Eds. K. Winther-Jacobsen, L. Summerer. Franz Steiner Verlag. P. 307–328.

Mitchell S., 1995. Anatolia: Land, Men, and Gods in Asia Minor. Vol I. The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule. Oxford: Clarendon Press. 300 p.

Ramsay W.M., 1890. Historical Geography of Asia Minor. Cambridge: Cambridge University Press. 576 p. Rennell J., 1831. A Treatise on the Comparative Geography of Western Asia. Vol. 2. London: C.J.G. & F. Rivington. 453 p.

Starr S.F., 1963. Mapping Ancient Roads in Anatolia // Archaeology. Vol. 16. P. 162–169.

Weissowa B., 2017. Regional Economy, Settlement Patterns and the Road System in Bithynia (4th century BC - 6th century AD): Spatial and Quantitative Analysis. Vol. I. Berlin: Freie Universität Berlin. 384 p.

Willet R., 2018. Facets of Roman Urbanism in Anatolia // Archaeology and Economy in the Ancient World. Vol. 43. P. 9–23.

Цилэ Му

Алтайский государственный университет, Барнаул muxel123@163.com

О СВЯЗИ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ С ХЕРЕКСУРАМИ

Херексуры — каменные курганы разных размеров и конструкций, датирующиеся концом II — началом I тыс. до н.э., которые оставлены древними кочевниками во Внутренней Азии (Цыбиктаров, 1988). Изучение таких памятников на территории Монголии началось во второй половине XIX в. (Радлов, 1893). Основной целью данного сообщения является выяснение роли оленных камней, которые связаны с херексурами. Существует несколько вариантов их взаимного расположения. Оленные камни 1) устанавливались в центре херексуров в каменной насыпи; 2) размещались рядом с херексурами (в ограде, соединенной с насыпью «лучами-дорожками», или за ней); 3) вместе с жертвенниками образовывали отдельные комплексы; 4) были захоронены в херексурах или использовались в качестве строительного материала для их сооружения.

Оленные камни на территории Монгольского Алтая в большинстве случаев связаны с херексурами, которые имеют выложенные «лучи-дорожки» и ограду. Эти изваяния располагались на вершине центральной насыпи или на ее пологом склоне, а также рядом с оградой, например, на памятниках Хар говь (Волков, 2002. С. 94–95; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007. С. 100), Баян зурх (Волков, 2002. С. 241–243), Улаан худаг-I, Баян булаг-I и др. (Тишкин, 2013). Такая же ситуация фиксируется на трех крупных херексурах, которые находятся на территории Китая (уезд Цинхэ, округ Алтай, Синьцзян). В 2013 и 2014 гг. там, на комплексе Хуахайцзы-3, проводились раскопки. С центральной насыпью аварийного херексура были связаны два оленных камня. Кроме этого, обнаружены каменные плиты в форме воинских щитов, восемь из которых имели орнамент (Сяньцзян Цинхэсянь..., 2016. С. 25–37).

Оленные камни могли сопровождаться поминальными выкладками и жертвенниками, образуя самостоятельные комплексы. Памятник такого типа обнаружен в Северной Монголии в урочище Ушкийн-увэр (Волков, Новгородова, 1975; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2007. С. 102). С 1999 по 2006 г. на нем проводила раскопки монголо-японская экспедиция. Ее работы подтвердили, что оленные камни являлись местом жертвоприношений (Такаhama et al., 2006). В 2013 г. Международная Центрально-Азиатская археологическая экспедиция под руководством А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара продолжила исследования на комплексе Ушкийн-Увэр. Получены новые данные о планировке ансамблей с оленными камнями и ритуально-погребальными комплексами херексуров Монголии. Сделан вывод о том, что оленные камни могли маркировать кенотафы, т.е. служить памятниками умершим людям, которые по каким-то причинам не были похоронены в курганах-херексурах (Ковалев и др., 2016).

Во время раскопок на могильном комплексе Далункоу (в уезде Цзимусар Синьцзян-Уйгурского района Китая) в крупном кургане М9 в центре насыпи зафиксирован лежавший оленный камень (Цзимусар Далункоу гумуцзан, 1994). Также на территории Синьцзяна отмечена ситуация, когда оленный камень был установлен в могиле непосредственно над головой умершего человека. Другой случай использования оленного камня позволил дополнить гипотезу о синьцзянском происхождении европейских изваяний предскифского периода (Ковалев, 2018). В бийкенской культуре Алтая одиночные обелиски ставились над погребениями (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 57–58). В Туве на памятнике Бай-Даг-8 найдены два оленных камня, которые были «...явно уложены намеренно и перекрыты насыпью в момент завершения комплекса центрального сооружения» (Рукавишникова, 2013. С. 219).

Таким образом, оленные камни связаны с херексурами. Выделяется несколько вариантов их расположения на погребально-поминальных комплексах. Возможно, они олицетворяли умерших людей или отражали социальную структуру и особенности мировоззрения древнего объединения кочевников на территории Внутренней Азии.

- Волков В.В., 2002. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир. 248 с.
- Волков В.В., Новгородова Э.А., 1975. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А.М. Мандельштам. Л.: Наука. С. 78–84.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. І. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 232 с.
- Ковалев А.А., 2018. Захоронения оленных камней в подкурганных могилах Синьцзяна новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г.В. Длужневской) / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН. С. 96–103.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., 2007. Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука. С. 99–105. (Труды САИПИ. Вып. 8).
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишникова И.В., 2016. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 44. № 1. С. 20–30.
- Радлов В.В., 1893. Атлас древностей Монголии. Вып. 2. СПб.: тип. Имп. Акад. Наук. 14 с., 14 л. ил., карт. (Труды Орхонской экспедиции).
- Рукавишникова И.В., 2013. Архитектура и последовательность сооружения погребально-поминального комплекса алды-бельской культуры // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 217–221.
- Тишкин А.А., 2013. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. № 1 (7). С. 73–90.
- Цыбиктаров А.Д., 1988. О датировке херексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири / Отв. ред. А.П. Деревянко. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 130–132.
- Сяньцзян Цинхэсянь Хуахайцзы саньхао ичжи фацзюе цзяньбао, 2016 [Краткий отчет о раскопках памятника Хуахайцзы-3 в уезде Цинхэ в Синьцзяне = 新疆青河县**花海子三号**遗址发掘简报] // Каогу [Археология = 考古]. № 9. С. 25–37 (на кит. яз.).
- Цзимусар Далункоу гумуцзан, 1994 [Древние гробницы Далункоу в уезде Цзимусар = 吉木萨尔县 大龙口古墓葬] // Сяньцзян вэньу [Культурное наследие Синьцзяна = 新疆文物]. № 4. С. 1–11 (на кит. яз.).

Takahama Shu, Hayashi Toshio, Kawamata Masanori, Matsubara Ryuji, Erdenebaatar D., 2006. Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig I (Uushgiin Övör) in Mongolia // Bulletin of Archaeology, the University of Kanazava. Vol. 28. P. 61–102.

И.Ф. Образцов

Институт археологии РАН, Москва byrniryma3@gmail.com

РАННИЕ ФОРМЫ ФИБУЛ ПОЗДНЕЛАТЕНСКОЙ СХЕМЫ В ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЕ ПРИПЯТСКОГО ПОЛЕСЬЯ: ТИПОЛОГО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Трудно переоценить значимость латенских фибул в изучении зарубинецкой культуры. Именно они выступают основным хронологическим индикатором, позволяющим датировать памятники. Межрегиональные типы фибул являются основой для построения хронологи всей латенской «Кельтики» и ансамбля латенизированных культур. Исследователями не раз отмечалось, что если характерные межрегиональные фибулы ступеней LT C1–2 (около третьей четверти III – середина II в. до н.э.), с одной стороны, и LT D2b – Rz B1 (около середины I в. до н.э. – середина I в. н.э.), с другой, в зарубинецкой культуре представлены весьма многочисленными выборками, то межрегиональных застежек ступеней LT D1–D2a, кажется, практически нет (Пачкова, 2006. С. 90–93; Обломский, 1997. С. 142–143; Еременко, Журавлев, 1992). Однако некоторое количество таковых все же известно. Обратимся к небольшой серии позднелатенских фибул из Припятского Полесья, которым в специализированной литературе уделяли не так много внимания.

Речь идет о фибулах позднелатенской схемы из погр. 93 и 102 могильника Велемичи-II (Каспарова, 1972. Рис. 19: 10, 11), погр. 32 и 76 некрополя Велемичи-I (Кухаренко, 1961. Табл. 15: 11; 19: 25) и двух застежках из погр. 20 могильника Семурадцы (Поболь, 1969. С. 127. Рис. 5: 8, 10). Фибула из погр. 102 могильника Велемичи-II (рис. 1: 1) представляет собой железную застежку с прямой дротовой спинкой, трехвитковой пружиной,

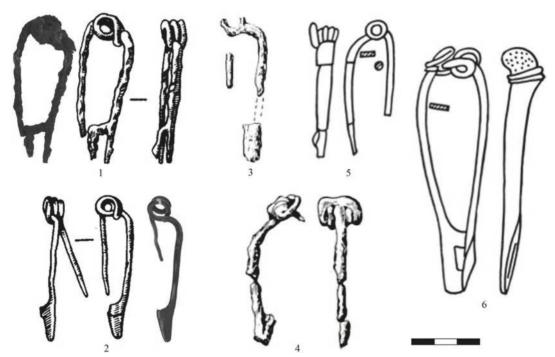

Рис. 1. Фибулы ранних форм позднелатенской схемы из зарубинецких могильников Полесья.

1 – Велемичи-II, погр. 102; 2 – Велемичи-II, погр. 93; 3 – Велемичи-I, погр. 76; 4 – Велемичи-I, погр. 32; 5, 6 – Семурадцы, погр. 20.

Табл. 1. Совстречаемость фибул ранних форм позднелатенской схемы на зарубинецких могильниках Полесья

Памятник	3T-III	3T-IV	Schüsselfibel(?)	gr.26 Gebhard (?)
Велемичи-І погр. 76	X			
Велемичи-ІІ погр. 93		X		
Семурадцы погр. 20			X	
Семурадцы погр. 20				X

3T-III, 3T-IV – фибулы зарубинецкого типа III и IV варианта соответственно (по: Пачкова, 2006. С. 74)

нижней тетивой и рамчатым приемником. Экземпляр из погр. 93 могильника Велемичи-II (рис. 1: 2) изготовлен из сплава на основе меди, имеет трехвитковую пружину, прямую дротовую спинку и сплошной приемник. Фибула из погр. 76 могильника Велемичи-I (рис. 1: 3) аналогична предыдущей, однако сделана из железа. Железную же застежку из погр. 36 могильника Велемичи-I (рис. 1: 4) характеризует четырехвитковая пружина с верхней тетивой и плоско-арочная спинка; форму корродированного приемника определить не представляется возможным. Две фибулы из погр. 20 могильника Семурадцы (рис. 1: 5, 6) — железные, с пластинчатой «плоско-арочной» спинкой. Вторая имеет рамчатый приемник, на ее головке заметно несколько витков проволоки, однако, к сожалению, прорисовки не позволяют более точно говорить о характере пружины и тетивы.

К.В. Каспарова отнесла фибулу из погр. 93 мог. Велемичи-II к типу М-Костшевский (М1) и датировала, начиная с LT D1 (Каспарова, 1986. С. 5–6). Такая датировка вопросов не вызывает, однако причисление к типу М-Костшевский вряд ли оправданно. Тип М в системе Ю. Костшевского характеризует, помимо верхней тетивы, практически под прямым углом поднимающаяся над пружиной и в той или иной степени прогнутая спинка, т.е. это типичная форма прогнутых фибул (Geschweifte fibeln), являющихся надежным маркером второй половины позднелатенского периода (Bockius, Luczkiewicz, 2004. S. 50–61; Lanting, Van der Plicht, 2005/2006. P. 247; Kysela, 2020. P. 55; Пачкова, 2006. С. 84-85).

В системе Ю. Костшевского, разработанной, в первую очередь, для пшеворской и оскывской культур, нет типа, соответствующего таким фибулам. Более близкие аналогии серия застежек собственно латенской культуры, характеризуемых почти прямой, или «плоско-арочной» (flachgewölbte) спинкой. Р. Гебхард относит их к группам 5 и 26 фибул оппидума Манхинг (Gebhard, 1991. S. 12, 23. Abb. 2; 8; Taf. 9: 167–170; 51: 770–53: 811). Как и в ряду рассмотренных выше полесских находок, среди них встречаются экземпляры с верхней и нижней тетивой (26c), с дротовой и пластинчатой спинкой (26d). Датировка таких фибул – предмет дискуссии, однако в любом случае они не выходят за рамки LT D1 (Rieckhoff, 1995. S. 171; Lanting, Van der Plicht, 2005/2006. P. 248–249; Kysela, 2020. Р. 51-55). Так или иначе, хронологически они расположены между гладкими проволочными среднелатенскими фибулами, маркирующими в зарубинецком материале ранний этап, примерно синхронизирующийся с LT C1b-C2/D1a, и прогнутыми позднелатенскими, характерными здесь для финального периода, соответствующего LT D2 – Rz B1. Подтверждением служит и то, что в полесских комплексах такие изделия встречены с фибулами «зарубинецкого» типа III и IV вариантов, датируемыми также средним периодом (табл. 1) (Каспарова, 1986. С. 6; Пачкова, 2006. С. 90–93).

Итак, рассмотренные в настоящей работе фибулы следует относить к наиболее ранним формам позднелатенских застежек, предшествующим горизонту «прогнутых».

Еременко В.Е., Журавлев В.Г., 1992. Хронология могильника Чаплин верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры // Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.). СПб. 1992. С. 55–79.

Каспарова К.В., 1972. Зарубинецкий могильник Велемичи II // АСГЭ. №. 14. С. 53–111.

- Каспарова К.В., 1986. Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культура Восточной Европы І тысячелетия. Куйбышев. С. 5–26.
- Кухаренко Ю.В., 1961. Памятники железного века на территории Полесья. М.: АН СССР. 70 с. (САИ. Вып. Д1–29).
- Обломский А.М., 1997. О некоторых спорных вопросах классификации керамики, периодизации и хронологии Чаплинского могильника // Stratum plus Петербургский археологический вестник / Ред. М.Ю. Вахтина, Ю.А. Виноградов. СПб.; Кишинев: Научно-образовательный центр «Рудь Мэтониум». С. 138–146.
- Пачкова С.П., 2006. Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы. К.: ИА НАН Украины. 372 с.
- Поболь Л.Д., 1969. Новые зарубинецкие могильники на Туровщине // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. Л.: Наука. С. 119–130 (МИА. №160).
- Bockius R., Łuczkiewicz P., 2004. Kelten und Germanen im 2.-1. Jahrhundert vor Christus. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 219 S. (Monographien. Bd. 58).
- Gebhard R., 1991. Die fibeln aus dem oppidum von Manching. Stuttgart: F. Steiner Verlag. 321 S. (Die Ausgrabungen in Manching. Bd. 14).
- Kysela J., 2020. Things and Thoughts. Central Europe and the Mediterranean in the 4th–1st centuries BC. Praha: Charles University, Faculty of Arts. 442 p.
- Lanting J.N., van der Plicht J., 2005/2006. De 14C-chronologie van de Nederlandse pre-en protohistorie V: midden- en late ijzertijd // Palaeohistoria. №. 48. P. 241–428.
- Rieckhoff S., 1995. Süddeutschland im Spannungsfeld von Kelten, Germanen und Römern. Studien zur Chronologie der Spätlatènezeit im Südlichen Mitteleuropa. Trier: Selbstverlag des Rheinischen Landesmuseums. 318 S.

Д.Л.А. Онамун, С.В. Снопков, К.М. Константинов, И.О.Коншин, И.В. Лобузов

Иркутский государственный университет, Иркутск donamoun@gmail.com. snopkov_serg@mail.ru, 2konstant@mail.ru, igor.konshin@geo.istu.edu, lobuzov2000@gmail.com

РАЗНОМАСШТАБНАЯ МАГНИТНАЯ СЪЕМКА В КОНТЕКСТЕ ПОИСКА ДРЕВНИХ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ПРИБАЙКАЛЬЕ

Технологии производства и переработки железа — один из важнейших факторов развития человечества. Район озера Байкал в Восточной Сибири насыщен археологическими объектами разного характера, в том числе памятниками древней металлургии. Их комплексное изучение поможет лучше понять древнюю историю Прибайкалья. Для поиска и исследования таких памятников привлекаются геофизические методы. Благодаря высоким значениям намагниченности железовосстановительных горнов (Matasova et al., 2017), основным методом их выявления служит магниторазведка (Снопков, 2016). В последнее время она проводится в том числе с использованием БПЛА. Достоинством данного метода является способность выполнять съемку очень высокого качества на большой территории в сложных условиях рельефа с небольшими временными затратами (Давыденко и др., 2021). Археологические раскопки выявленных магниторазведкой объектов подтвердили ее эффективность и позволили получить представление о технологии выплавки железа на территории Приольхонья (Харинский, Снопков, 2004; 2020).

С целью лучше изучить археологию региона и обнаружить новые объекты древней металлургии на одном из перспективных участков Западного Прибайкалья была проведена беспилотная и наземная магниторазведка. Комплекс БПЛА-магниторазведки состоял из беспилотного летательного аппарата и магнитометра-градиентометра (Паршин и др., 2016). БПЛА-съемка проходила при приемлемой скорости ветра и температуре около 8°С. Ее площадь составила 3000 кв. м. Расстояние между профилями было задано в 1 м, скорость съемки — 2 м/с. Градиент магнитного поля измерялся с помощью двух датчиков, разнесенных на расстояние 4,1 м. Расстояние между верхним датчиком и землей составляло 8,1 м, между нижним датчиком и поверхностью земли — 4 м. Съемка

продолжалась в течение пяти часов. Участок, исследованный с помощью БПЛА, значительно превышал зону пешей магниторазведки, которая была включена в территорию аэроисследований. Наземная съемка выполнена на площади 300 кв. м по сетке 1×1 м прибором MMPOS-1. Датчики магнитометра устанавливались на высоте 0,5 и 1 м. Это позволило измерять амплитуду полного вектора магнитого поля и его градиент.

Анализ карт полного вектора и градиента магнитного поля, полученных с использованием БПЛА, выявил положительные локальные аномалии диаметром до 5 м. Их амплитуда варьирует от 7 до 10 нТл для полного вектора и от 4 до 7 нТл для градиента магнитного поля. По данным наземной магниторазведки, выявляются локальные контрастные аномалии амплитудой до 30 нТл, которые интерпретируются как эффекты от близповерхностных антропогенных объектов. Сравнение карт магнитного поля наземных и аэросъемок показывает совпадение расположения аномалий. Это демонстрирует высокую чувствительность аэросъемок и возможность обнаружения аномалий, связанных с приповерхностными объектами, с помощью БПЛА-магниторазведки.

Таким образом, результаты проведенных исследований позволяют сделать следующие выводы: локальные магнитные аномалии на исследуемой территории, возможно, связаны с объектами древней металлургии; они достаточно надежно обнаруживаются с помощью БПЛА-съемки, которая значительно эффективнее наземной с точки зрения трудозатрат. Для более детального изучения территории и интерпретации выявленных аномалий следует провести дополнительные геофизические исследования на большей площади и археологические раскопки. Также рекомендуется проведение опытно-методических работ с использованием более широкого комплекса геофизических методов, в том числе георадарной съемки, электротомографии и малоглубинной сейсморазведки.

- Давыденко С.Ю., Терёшкин С.А., Давыденко А.Ю., Снопков С.В., Паршин А.В., Давыденко Ю.А., 2021. Применение БПЛА и наземных геофизических методов при изучении древнего металлургического комплекса на участке Барун-Хал II (Западное Прибайкалье) // Геоархеология и археологическая минералогия. Т. 8. С. 35–40.
- Паршин А.В., Будяк А.Е., Блинов А.В., Костерев А.Н., Морозов В.А., Михалев А.О., Просекин С.Н., Тарасова Ю.И., Спиридонов А.М., 2016/ Низковысотная беспилотная аэромагниторазведка в решении задач крупномасштабного структурно-геологического картирования и поисков рудных месторождений в сложных ландшафтных условиях // География и природные ресурсы. № 6. С. 150–155.
- Снопков С.В., 2016. Использование петрофизических методов в археологических исследованиях // Геоархеология и археологическая минералогия-2016 / Отв. ред. В.В. Зайков. Миасс: Институт минералогии УрО РАН. С. 50–55.
- Харинский А.В., Снопков С.В., 2004. Производство железа населением Приольхонья в елгинское время // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ. Вып. 2. Иркутск. С. 167–187.
- Харинский А.В., Снопков С.В., 2020. Производство железа на территории Приольхонья (западное побережье озера Байкал) в XIII–XVII вв. // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 16. № 3. С. 65–93.
- Matasova G.G., Kazasnky A.Yu., Kozhevnikov N.O., Snpokov S.V., Kharinsky A.V., 2017. A Rock-Magnetic Quest for Possible Ore Sources for the Ancient Iron-Smelting Industry in the Olkhon Region (Lake Baikal, Siberia) // Archaeometry. Vol. 59. Issue 3. P. 511–9527.

А.Н. Пашкова

Алтайский государственный университет, Барнаул beskupin@yandex.ru

ВКЛАД В.А. МОГИЛЬНИКОВА В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЯ

Весомый вклад в изучение археологических памятников пазырыкской культуры (вторая половина VI – III в. до н.э.) принадлежит Владиславу Александровичу Могильникову (1932–2002) – отечественному археологу, специалисту в области археологии ран-

него железного века и средневековья Западной Сибири и Алтая. В течение нескольких полевых сезонов Алтайской экспедицией ИА АН СССР под руководством В.А. Могильникова проводились исследования на памятниках Боротал-II–III, Алагаил, Кызыл-Джар-I и VIII, Талдура-I–II, Кара-Коба-II, Большой Яломан-II и др. (Тишкин, Дашковский, 2004. С. 64).

Летом 1976 г. экспедиция В.А. Могильникова работала в зоне строительства Чуйской ГЭС в Улаганском р-не Горно-Алтайской АО. В АГКМ хранится полевой дневник с результатами проведенной там разведки (АГКМ. ОФ 14486. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 136). В ходе обследований зафиксировано значительное число курганов с каменной наброской на могильниках Боротал-II–III и Алагаил. Все исследованные погребения отнесены к пазырыкской культуре (Могильников, Суразаков, 1980. С. 190).

В 1977 г. Алтайская экспедиция ИА АН СССР проводила полевые работы у д. Бельтир Кош-Агачского р-на Горно-Алтайской АО. Изучены курганы пазырыкской культуры на памятниках Кызыл-Джар-I и VIII (Могильников, 1983а. С. 4). Отчетная документация и полевые чертежи переданы на хранение в АГКМ вместе с частью находок (АГКМ. ОФ 14468/1–26. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 463–488).

В 1980 г. в 5–6 км от д. Бельтир производились раскопки на памятниках Талдура-I и II. На первом могильнике исследованы пазырыкские курганы № 2–5, датированные V–III вв. до н.э. На некрополе Талдура-II в кургане № 3 основное захоронение находилось в срубе. Оно также было отнесено к пазырыкской культуре и датировано V–III вв. до н.э. (Могильников, Елин, 1983. С. 134).

Особое значение имели материалы, полученные в ходе экспедиционных работ в 1981 г. на памятнике Кара-Коба-II, который находился в 2 км от д. Кара-Коба в Онгудайском р-не Горно-Алтайской АО (Могильников, 1983б. С. 53). Рукописные материалы о результатах раскопок указанного могильника хранятся в фондах АГКМ (АГКМ. ОФ 14671/1–16. Ф. Р-31. Оп. 1. Д. 601–616). Курганы датированы V–III вв. до н.э.

В 1989 г. экспедиция под руководством В.А. Могильникова исследовала памятник Большой Яломан-II в 2,5 км от устья р. Большой Яломан. Раскопаны пять курганов. Объекты № 1–3 отнесены к пазырыкской культуре. Ввиду отсутствия достаточного количества определяющих предметов они датированы V–III вв. до н.э. (Могильников, Суразаков, 1994. С. 46).

В ходе проведенных археологических работ были исследованы десятки курганов. В.А. Могильников выделял следующие признаки, характерные для погребального обряда населения пазырыкской культуры Алтая: положение погребенных на правом боку с подогнутыми ногами, с согнутыми в локтях или вытянутыми вдоль туловища руками, головой на восток, в срубах под курганными насыпями из камней или из камней и земли. Также зафиксированы сопроводительные захоронения коней. Скорченное положение на левом боку отмечено исследователем лишь в отдельных случаях. В больших курганах погребенные вожди лежали вытянуто на спине, головой на восток, в колодах, установленных в деревянные срубы (Могильников, 1986. С. 45).

В заключение необходимо отметить, что благодаря профессиональной деятельности В.А. Могильникова в советское время были достигнуты большие успехи в изучении рядовых курганов пазырыкской культуры. За период с 1976 г. по 1989 г. им раскопаны захоронения на девяти некрополях и получен существенный объем научных материалов. Примечательными являются выводы, сделанные ученым, относительно ареала памятников пазырыкской культуры. Так, исследователь указал на локализацию их на юге и юго-востоке Алтая, в верховьях р. Берель и р. Катунь, до устья р. Чуя и в ее бассейне, на среднем и верхнем течении р. Чулышман. На этой территории отмечалось явное преобладание пазырыкских курганов (Могильников, 1988. С. 74).

Могильников В.А., 1983а. Курганы Кызыл-Джар I, VIII — памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая / Отв. ред. Н.С. Модоров. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ. С. 40–71.

- Могильников В.А., 1983б. Курганы Кара-Коба II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ. С. 52–89.
- Могильников В.А., 1986. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ. С. 35–67.
- Могильников В.А., 1988. Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины I тыс. до н.э.) // Проблемы изучения древней культуры населения Горного Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ. С. 60–107.
- Могильников В.А., Елин В.Н., 1983. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ. С. 127–152.
- Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // СА. № 2. С. 180–191.
- Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая / Отв. ред. А.С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ. С. 38–48.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2004. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 238 с.

А.А. Перевозчикова

НИИ и Музей антропологии им. Д.Н. Анучина, Москва allarevik@gmail.com

ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ С ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛОМ НИЗКОЙ СОХРАННОСТИ: ГРАНИЦЫ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ КУЛЬТУР МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-31

Во второй половине прошлого века исследовательская практика в антропологии и археологии ориентировалась на сбор и анализ материалов высокой степени сохранности и комплектности. Разрозненные фрагменты признавались невостребованными. Проблема оставалась особенно актуальной при изучении мультикультурных некрополей, отличающихся сложной стратиграфией и обилием археологических культур в рамках одного памятника. С развитием методов палеоантропологии и значительным повышением качества сбора коллекций ситуация изменилась.

Перспективы исследований подобного рода рассматриваются на примере коллекций могильника Заюково-3 (респ. Кабардино-Балкария). Палеоантропологические материалы получены в результате археологических работ под руководством А.А. Кадиевой и С.В. Демиденко. Памятник существовал с VIII в. до н.э. до VII в. н.э. (Кадиева, Демиденко, 2017. С. 164). Наиболее явно в пределах могильника выделяются три археологические культуры: западная кобанская (59 индивидов), группа памятников типа Подкумок-Хумара сарматского времени (69 индивидов), аланская (59 индивидов). К настоящему моменту удалось изучить 187 индивидов, относящихся к различным этапам функционирования некрополя.

Палеоантропологические материалы могильника обрабатывались впервые. Вся коллекция прошла этап тщательной, но бережной очистки. Более того, проделана масштабная работа по реставрации костных останков. Это было необходимо как для определения минимального количества индивидов в погребении, так и для получения различных данных, позволяющих сделать выводы об особенностях морфологии и о пропорциях скелета древних людей.

При изучении населения, оставившего могильник Заюково-3, поставлена цель извлечь максимально возможное количество информации из палеоантропологического материала низкой степени сохранности. В связи с этим определены следующие вектора

¹ Исследование проводилось с использованием оборудования ЦКП МГУ «Технологии получения новых наноструктурированных материалов и их комплексное исследование», приобретенного МГУ по программе обновления приборной базы в рамках национального проекта «Наука» и реализации научной плановой темы (НИР) «Антропология евразийских популяций (биологические аспекты): AAAA-A19-119013090163-2».

исследования: выявление палеодемографического профиля представителей различных эпох; определение измерительных характеристик посткраниального скелета по классическим методикам В.П. Алексеева, разработанным в 1966 г.; определение качества жизни и степени приспособленности древнего населения к условиям окружающей среды согласно подходам, предложенным А.П. Бужиловой в 2005 г.

Установлена средняя продолжительность жизни для представителей каждой из культур. Обнаружено, что средний возраст смерти женщин снизился от раннего железного века к раннему средневековью с 39 до 34 лет, сократилась продолжительность жизни и у детей. В то же время среди мужчин подобные закономерности не прослеживались. Средний возраст смерти оказался наибольшим у мужской части населения сарматского времени и составил 41 год. Среди мужчин — представителей кобанской и аланской культур он оставался приблизительно одинаковым, составив 38 лет.

Реконструкция длины тела индивидов различных исторических периодов показала сходные значения у мужской части населения кобанского и аланского этапов (приблизительно 168 см), а также постепенное увеличение длины тела среди женщин от более ранней к более поздней эпохе (от 154 до 162 см). Так по разрозненным костным останкам выявлены ключевые тенденции эпохальной морфологической изменчивости посткраниального скелета населения Северного Кавказа.

Зафиксировано также увеличение частоты маркеров физиологического стресса от раннего железного века к раннему средневековью без выраженных межполовых различий. Тем не менее, обнаружены межгрупповые различия в частоте зубочелюстных патологий. Так, представители западной кобанской культуры отличались наименьшей частотой кариеса (26 %) и зубного камня (56 %) при сравнении с носителями более поздних культурных традиций. Это позволило сделать вывод о смене преобладающего типа питания вследствие изменений в составе населения памятника. Более того, удалось изучить особенности прикуса представителей каждой из культур. Полученные данные подкрепляют гипотезу о преобладании прямого прикуса у населения сарматского времени (Березина, 2023. С. 95), а также о возможной специфичности рациона этих людей (Перерва, 2020. С. 77). Для представителей аланской культуры наиболее характерен нормальный прикус.

Подобные исследования могут помочь в изучении эпохальной морфологической изменчивости скелета человека, выявить степень влияния окружающей среды на древнее население. Надежность полученных результатов подкрепляется тем, что каждая из исследовательских методик подтверждает один и тот же результат – смену археологических культур на памятнике и их частичную преемственность.

Березина Н.Я., 2023. Антропологические материалы из погребальных комплексов сарматского времени (могильник Вонючка–1, Кавказские минеральные воды) // Вестник Московского университета. Сер. XXIII. Антропология. № 2/2023. С. 92–101.

Кадиева А.А., Демиденко С.В., 2017. Раскопки комплекса археологических памятников близ селения Заюково (Кабардино-Балкарская республика) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. № 2 (87). С. 164–171.

Перерва Е.В., 2020. Ранние сарматы IV–III вв. до н.э. с территории Нижнего Поволжья по данным палеопатологии // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 19 (2). С. 74–91.

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва reznikova.varva@mail.ru

ДОСПЕХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КУРГАНА 5 МОГИЛЬНИКА КОЛБИНО-І НА СРЕДНЕМ ДОНУ В КОНТЕКСТЕ СКИФСКОГО ЗАЩИТНОГО СНАРЯЖЕНИЯ

Курганный могильник Колбино-I исследовался Донской (бывш. Потуданской) экспедицией ИА РАН под руководством В.И. Гуляева с 1995 по 2008 г. Памятник располагался в Репьевском районе Воронежской области, на возвышенности между долиной р. Потудань и балкой Терновой (Савченко, 2001. С. 53). Курган 5, изученный в 1998 г., находился в юго-западной части могильника. В ходе раскопок обнаружено одно центральное погребение, в котором были захоронены три индивида (рис. 1: 1). В северной и южной частях могильной ямы выявлены два доспеха (Савченко, 2001. С. 85–91). Время сооружения кургана по погребальному инвентарю относится к середине – третьей четверти IV в. до н.э. (Володин, 2024. С. 67).

Обнаружение целого скифского доспеха является большой редкостью. В основном исследователями фиксируются отдельные железные пластинки или небольшие фрагменты. Существуют, однако, и случаи обнаружения доспеха в хорошей сохранности, например, в кургане у с. Вишневка в Присивашье (Андрух, 1988. С. 160–162) и в кургане у с. Гладковщина в Черкасской области (Григорьев, 1994. С. 66–73). На территории Среднего Дона — это панцирь из кургана 9 у с. Дуровка (Пузикова, 2001. С. 189–190), а также находка из описываемого кургана.

Рассматриваемое защитное снаряжение (рис. 1: 1, 3) располагалось у южной части восточной стенки, неподалеку от захоронения женщины (Савченко, 2001. С. 85–91). Оно представляет собой чешуйчатый доспех — вариант корпусной защиты, состоящий из небольших по размерам пластинок, имеющих большую площадь наложения друг на друга и плотно пришитых к кожаной основе. Система набора доспеха — справа налево. Левый край пластинки оказывался перекрыт правым краем другой. Для скрепления рядов действовал следующий принцип: верхний ряд перекрывал нижний на половину или треть высоты. Такой принцип набора обеспечивал в каждом месте доспеха защиту из трех — четырех слоев пластинок. Данная система является одной из основных для скифских панцирей и встречается, например, в доспехе из кургана 2 у с. Зеленое (Фіалко, 2010. С. 209). Все пластины изготовлены из железа, что характерно как для защитного снаряжения населения Среднего Дона в IV в. до н.э. (Савченко, 2004. С. 221), так и для всех остальных регионов Скифии в целом (Черненко, 1968. С. 23). В ходе исследования выявлено четыре основных типа пластинок, из которых было набрано рассматриваемое изделие (рис. 1: 4) (более подробно о типах пластин см.: Резникова, в печати).

Конструкция доспеха достаточно проста — это сплошное, неразделенное полотно, защищающее область груди и живота, без наплечников и рукавов (рис. 1: 2). Е.В. Черненко выделял несколько типов доспешных конструкций: панцири-нагрудники, панцири с короткими или длинными рукавами, панцири с оплечьем (Черненко, 1968. С. 39). Доспех из Колбино сложно отнести к какому-либо из предложенных типов, так как он не имеет ни выделенных оплечий, ни рукавов. В то же время, в отличие от панцирейнагрудников (весьма редких для скифов (Черненко, 1968. С. 40)), у рассматриваемого снаряжения присутствует и защита спины. Пожалуй, наиболее близкими примерами сходных доспехов могут служить панцири из кургана 2 у с. Щучинка (Черненко, 1968. С. 39) и из курганов 1 и 3 у с. Веремеевка (Линниченко, 1901. С. 73). Они были отнесены Е.В. Черненко к панцирям-нагрудникам, однако сохранившаяся дореволюционная документация не позволяет утверждать это безоговорочно. Интересно, что на доспехе из кургана 2 у с. Щучинка можно заметить такое же, как в Колбино, оформление подола из длинных S-видных в профиле пластин (Черненко, 1968. С. 69–70).

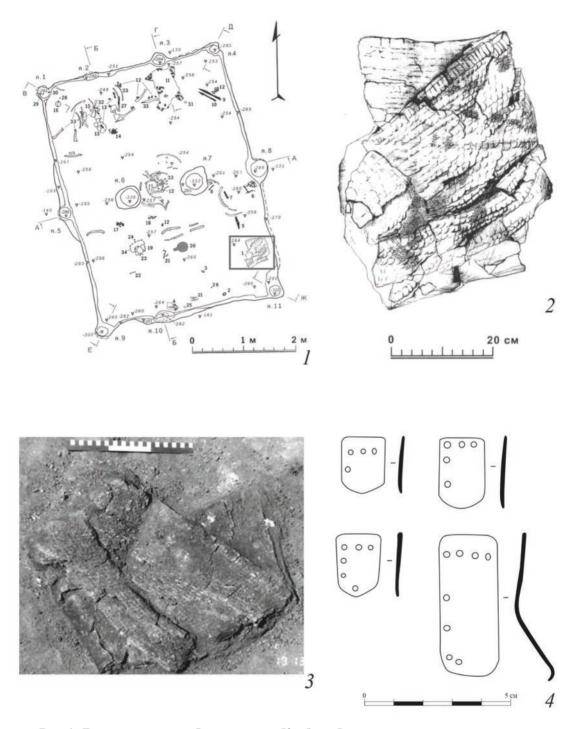

Рис. 1. Доспех из кургана 5 могильника Колбино-І.

1 – план погребения; 2 – чертеж панциря; 3 – железный панцирь in situ в процессе раскопок; 4 – типы пластин.

Таким образом, можно заключить, что доспех из могильника Колбино-I во многом уникален, вследствие чего его дальнейшее исследование представляется весьма важным в контексте изучения скифского защитного снаряжения.

Андрух С.И., 1988. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. № 1. С. 159–170. Володин С.А., 2024. Среднедонские зооморфные крючки с изображением медведя как хронологический индикатор // Полевой дневник. Восточная Европа в античное время и Средние века: сборник статей памяти О.В. Шарова / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН. С. 57–75 (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 34).

- Григорьев В.П., 1994. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у. с. Гладковщина // Древности скифов / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев. С. 63–79.
- Линниченко А.И., 1901. О новейших раскопках г. Хвойка // Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. XXIII. Одесса. С. 73.
- Пузикова А.И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья: публикация комплексов. М.: Индрик. 272 с.
- Резникова В.А., в печати. Типология пластин скифского доспеха из кургана 5 могильника Колбино-I // Материалы XIX Международной археологической конференции студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы и Восточного Средиземноморья».
- Савченко Е.И., 2001. Могильник скифского времени «Терновое I Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН. 1993–2000 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 53–144.
- Савченко Е.И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН. 2001–2003 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 151–277.
- Черненко Е.В., 1968. Скифский доспех. Киев: Наукова думка. 191 с.
- Фіалко О.Є., 2010. Скіфський курганний могильник біля с. Зелене на Херсонщині // Археологія і давня історія України. № 4. С. 201–221.

А.С. Романова

Санкт-Петербургский государственный университет st095372@student.spbu.ru

УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ ЛАТЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

В рамках периодов LT C2–D2 на участках северной границы латенской культуры на территории Центральной Германии и Чехии происходит строительство, расцвет и угасание укрепленных поселений, расположенных на возвышенных участках (рис. 1). Латенская культура в этом регионе испытывает сильное воздействие со стороны ясторфской культуры, располагающейся к северу.

Основным маркером хронологии латенских памятников являются фибулы. На основании информации о типах найденных фибул (Мечвиль; Орнавассо; Наухайм; Альмгрен 18, 65, 238; А—С, D/E, G/H, J, K, М по Костшевскому) из отчетов о раскопках поселений можно сделать вывод о начале их заселения в LT C1 (Drda, Rybová, 1992; 1993; 1994; Jansová, 1986, 1988, 1992). Активная фаза существования памятников приходится на период LT C2, постепенный упадок наблюдается в промежутке между LT D1b и LT D2, что соотносится с фазой LT D2a. По абсолютной хронологии данная фаза соответствует 80—60 гг. до н.э., то есть, предшествует Галльским войнам.

При описании укрепленных поселений рассматриваемого региона археологами часто используется термин «оппидум», однако с уверенностью соотносить все их с этим термином нельзя. Одним из основных признаков оппидума исследователи называют размер памятника — более 25—30 га (Dehn, 1962. Р. 369). Далеко не все поселения Центральной Германии и Чехии соответствуют этому критерию. Так, например, поселение Невезице имеет площадь 13 га, Бляйденберг — 18 га, Отценхаузен — 18,5 га. Кроме того, термин «оппидум», пожалуй, можно оправданно применять лишь для тех памятников, которые фигурировали под таким наименованием в работах античных авторов. Интересующие нас объекты в письменных источниках не упоминаются, поэтому к ним, как представляется, это определение применять не совсем уместно.

В последнее время все больше исследователей уходят от реконструкции функций оппидумов исключительно как убежищ, которые были построены для защиты населе-

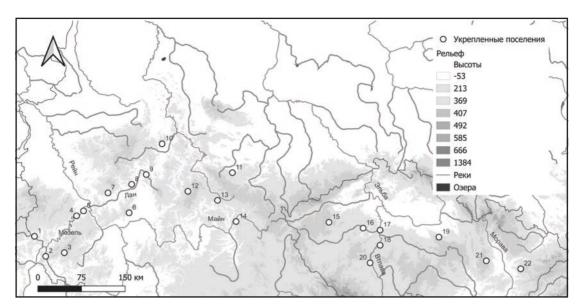

Рис. 1. Карта укрепленных поселений латенской культуры, упоминаемых в работе.

1 — Валлендорф (Wallendorf); 2 — Кастелль (Kastel); 3 — Отценхаузен (Otzenhausen); 4 — Мартберг (Martberg); 5 — Бляйденберг (Bleidenberg); 6 — Хайдентренк (Heidetränk); 7 — Дорнбург (Dornburg); 8 — Дюнсберг (Dünsberg); 9 — Амёнебург (Amöneburg); 10 — Альтенбург (Ниденштайн) (Altenburg (Niedenstein)); 11 — Альтенбург (Арнштадт) (Altenburg (Arnstadt)); 12 — Мильзебург (Milseburg); 13 — Штайнсбург (Steinburg); 14 — Штаффельберг (Staffelberg); 15 — Загорице (Zagorica); 16 — Страдонице (Stradonice); 17 — Завист (Závist); 18 — Гражны (Hrazany); 19 — Ческе-Лготице (České Lhotice); 20 — Невезице (Nevězice); 21 — Старе Градиско (Staré Hradisko); 22 — Гостин (Hostýn)). Составлена автором.

ния от внешних врагов. В работах таких чешских и немецких археологов, как А. Данелисова и М. Фернандес-Гёц, наблюдается тенденция к рассмотрению их как мест проживания элиты, объединяющей окрестные поселения (Fernández-Götz, 2018. Р. 138). М. Фернандес-Гёц делает акцент в том числе на религиозной стороне жизни кельтского общества и сравнивает оппидумы со священными центрами (Fernández-Götz, 2012. S. 347; 2014. Р. 55; 2015. Р. 20). Исследования упомянутых авторов объединены общей идеей о естественном угасании оппидумов из-за появления быстрорастущих центров торговли (Danielisová, 2020. Р. 149), занимающих более выгодные позиции, и отсутствия перспективы развития сельского хозяйства на возвышенностях (Danielisová, 2014. Р. 80). Это противоречит концепции о насильственном разрушении довольно развитых протогородов некими пришельцами с севера до прихода римлян, господствовавшей в археологии середины – конца XX в. На некоторых памятниках фиксируются следы пожаров, однако они относятся к периоду среднего Латена. Во второй половине І в. до н.э., когда достоверно обнаруживаются следы проникновения германской культуры Гросромштедт в Богемию, укрепленные поселения на этой территории уже приходят в упадок.

В качестве предварительного объяснения исчезновения укрепленных поселений северной границы латенской культуры Центральной Европы выдвинута гипотеза, согласно которой эти поселения могли составлять единую экономическую сеть, возникшую и угасшую одновременно во всем регионе. Если рассматривать их как экономические центры, важными признаками таких объектов станут активное участие в региональной и надрегиональной торговле, а также собственное производство в количестве, достаточном для экспорта. Поселений, на которых фиксируется высокий уровень импорта и производства, в исследуемом регионе немного (Дюнсберг, Хайдентранк, Страдонице, Завист). Вероятнее всего, они в древности являлись региональными центрами торговли и ремесла. Однако даже для памятников подобного уровня фиксируется низкая плотность населения, приблизительно 10 человек на 1 га (Schlott, 1999. S. 59). В связи с этим, по всей видимости, указанные центры были зависимы от снабжения

со стороны неукрепленных поселений, расположенных на равнинах, которые являлись более перспективными в экономическом развитии, нежели поселения на возвышенностях (Salač, 2012. S. 140).

Нельзя не сказать и о политико-религиозных функциях рассматриваемых поселений. Они имеют явно выраженные свидетельства культовой деятельности (святилища, изувеченное оружие у ворот). На ряде памятников выявлена чеканка монет, что может рассматриваться, скорее, как символ власти, так как торговля представляла собой, в первую очередь, натуральный обмен. Наконец, стены также можно рассматривать не только как функциональное средство защиты, но и как средство выражения престижа.

Все вышесказанное убеждает в том, что при выявлении причин исчезновения укрепленных поселений на северном пограничье латенской культуры нельзя не замечать нестабильность внутренней экономической жизни данных памятников. Причины их упадка, на мой взгляд, кроются внутри самой системы. Укрепленные поселения на холмах, вдали от плодородных равнин, не были способны прокормить себя и зависели от окружающих их неукрепленных поселений. Это, в свою очередь, стало причиной нарастания внутренних конфликтов и привело к миграции населения на юго-запад, в более плодородные районы.

В результате проведенной работы на данном этапе исследования выявлено активное строительство укрепленных поселений на территории Центральной Германии и Чехии в период LT C2 (190–150 гг. до н.э.) как политико-религиозных центров. Определено также время упадка части из них в пределах 80–60 гг. до н.э. из-за внутренних и внешних причин.

- Danielisová A., 2014. Oppida, Production and Social Status Complexity of the Late La Tène Period in Central Europe // Paths to Complexity Centralisation and Urbanisation in Iron Age Europe / Eds. M. Fernández-Götz, H. Wendling, K. Winger. Oxford: Oxbow Books. P. 76–83.
- Danielisová A., 2020. Bohemia at the End of the La Tène Period: Objects, Materials, Chronology, and Main Development Trends // Památky archeologické. Vol. 111. P. 113-157.
- Dehn W., 1962. Aperçu sur les oppida d'Allemagne de la fin de l'époque celtique // Revue archéologique du Centre de la France. № 80. P. 329–386.
- Drda P., Rybová A., 1992. L'oppidum de Závist: construction de la porte principale et sa chronologie // Památky archeologické. Vol. 83. P. 309–349.
- Drda P., Rybová A., 1993. Oppidum Závist. Tore und Wege in seiner Geschichte // Památky archeologické. Vol. 84. P. 49–68.
- Drda P., Rybová A., 1994. Stradonice. Rebirth of the Celtic oppidum. Praha: Institute of Archaeology. 144 p.
- Fernández-Götz M., 2012. Identität und Macht: das Mittelrhein- und Moselgebiet von der frühen Eisenzeit bis zur Romanisierung (600 v. Chr. 70 n. Chr.) // Archäologische Informationen. Vol. 35.
- Fernández-Götz M., 2014. Identity and Power: The Transformation of Iron Age Societies in Northeast Gaul. Amsterdam: Amsterdam University Press. 298 p.
- Fernández-Götz M., 2015. The Politics of Identity: Late Iron Age Sanctuaries in the Rhineland // Journal of the North Atlantic. Vol. 8. P. 18–32.
- Fernández-Götz M., 2018. Urbanization in Iron Age Europe: Trajectories, Patterns, and Social Dynamics // Journal of Archaeological Research. Vol. 26. P. 117–162.
- Jansová L., 1986. Hrazany: das keltische Oppidum in Böhmen. Bd. 1. Die Befestigung und die anliegende Siedlungsbebauung. Praha: Československá akademie věd. 382 p.
- Jansová L. 1988. Hrazany. Das keltische Oppidum in Böhmen. Bd. II. Die Gehöfte in der mittleren Senkung. Praha: Československá akademie věd. 364 p.
- Jansová L. 1992. Hrazany. Das keltische Oppidum in Böhmen. Bd. III. Die Besiedlung der Abhänge der Červenka. Praha: Československá akademie věd. 296 p.
- Salač V., 2012. Les oppida et les processus d'urbanisation en Europe centrale // Die Frage der Protourbanisation in der Eisenzeit / Eds. S. Sievers, M. Schönfelder. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. S. 319–345.
- Schlott C., 1999. Zum Ende des Oppidum auf dem Dünsberg. Montagnac: Editions Monique Mergoil. 118 S.

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ОПУШКИ 2018–2020 гг.

Могильник Опушки, расположенный в Предгорном Крыму, является важным объектом для изучения истории региона. Период его активного использования представителями разных культурных групп приходится на І в. до н.э. – IV в. н.э. Анализ этих материалов позволит представить динамику населения на протяжении нескольких веков на относительно компактной территории.

К начальному этапу функционирования могильника относятся захоронениями в позднескифских склепах (I в. до н.э. – первая половина II в. н.э.). Выявлены погребения в грунтовых и подбойных могилах I–III вв. н.э., которые в зависимости от времени сооружения могут относиться к позднескифской, среднесарматской и позднесарматской культурам. В III в. н.э. начинают сооружаться склепы, появление которых может быть обусловлено миграцией в Крым северокавказкого населения (предположительно алан). Обнаружена также единичная кремация, возможно, связанная с проникновением в среду местного населения германских погребальных традиций (Храпунов, 2021).

Доступные для исследования материалы происходят из погребений, раскопанных в 2018—2020 гг. Выборка представлена преимущественно черепами разной сохранности. Эти материалы использованы для получения первоначальных демографических характеристик и описания общих тенденций. Всего к анализу привлечены данные о 136 черепах из 14 могил, которые относятся к разным культурно-хронологическим этапам существования памятника. Автором изучено 34 черепа. Информация о поле и возрасте индивидов, которым принадлежали еще 102 черепа, предоставлена сотрудником Лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН к.и.н. Н.Г. Свиркиной.

Табл. 1. Основные палеодемографические характеристики индивидов из некрополей Предгорного Крыма

Название	Наименование параметра							
памятника	Средний возраст смерти без учета детей	Соотношение мужчин и женщин, %	Процент индивидов старше 50 лет	Процент детей	Объем выборки			
Дружное (Радочин, 2011)	-	53,1/46,9	-	7,9 %	38			
Лучистое (Алексеева и др., 2003)	36,9	39/61	20,5 %	18,2 %	20			
Неаполь Восточный 1 этап (Алексеева и др., 2003)	37,1	53/47	10,9 %	23,9 %	115			
Неаполь Восточный 2 этап (Алексеева и др., 2003)	34,6	49/51	16,4 %	28,2 %	186			
Нейзац (Радочин, 2016)	28,9	42,4/57,6	-	23,2 %	531			
Опушки 2021 (Свир- кина, Нелюбов, 2022)	36,2	65/35	-	31 %	100			
Опушки 2018–2020 (данные автора)	34	57,6/42,4	9,8 %	8,8 %	136			

Исследование материалов выполнено согласно принятым в палеоантропологии методам (Методика..., 2020). Определение пола у взрослых основано на характере развития рельефа и массивности костей черепа. У детей пол не установлен в связи с отсутствием морфологических признаков. Возраст определялся по степени закрытия швов черепа, стертости зубов у взрослых и степени формирования зубов у детей. Большинство черепов (78,7 %) происходит из нескольких содержащих более сотни погребенных позднескифских склепов, для которых характерны многоактные захоронения (Храпунов, 2021). Взрослым принадлежали 99 черепов, детям (0–13 лет) – 12, подросткам – 3 и индивидам с неустановленным полом – 22. Среди взрослых половое определение выявило 57 мужчин и 42 женщины. Доля детей в выборке невелика и составляет 8,8 %, а индивидов старше 50 лет – 9,8 % (табл. 1).

Средний возраст смерти в выборке без учета детей составил 34 года. У мужчин отмечается низкая смертность в молодом возрасте, однако для зрелого и пожилого возраста наблюдается рост этого показателя. Среди женщин высока смертность в возрасте 15—39 лет. Высокий процент смертности женщин в детородном возрасте обычно связывают с чрезмерными нагрузками на организм при деторождении и связанными с этим осложнениями (Алексеев, 1972. С. 20). Процент детей в выборке относительно низкий, что связано либо с сохранностью материала, либо с особенностью обряда, в соответствии с которым хоронить детей могли в другом месте. Более вероятным представляется первый вариант.

Для формирования более полных представлений о памятнике проведено сравнение рассмотренной палеонтропологической коллекции с материалами синхронных некрополей Предгорного Крыма и с выборкой из могильника Опушки 2021 г. (табл. 1). Установлено, что средний возраст смерти среди изученных индивидов несколько ниже, чем в большинстве серий, а процент погребенных старше 50 лет самый низкий. Одной из характерных черт анализируемой выборки является явное преобладание мужских погребений, что может отражать особенности формирования могильника. Вероятнее всего, количество детских захоронений отражает специфику отбора материала при археологических работах. В тех материалах, где доля детских захоронений выше, наблюдались либо примерно равные показатели смертности среди мужчин и женщин, либо преобладание женской смертности.

В дальнейшем планируется расширить выборку и изучить демографические характеристики населения на каждом культурно-хронологическом этапе существования могильника.

Алексеев В.П., 1972. Палеодемография СССР // СА. № 1. С. 3–21.

Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В., 2003. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Научный Мир. 132 с.

Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях, 2020 / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН. 112 с. (Методика полевых археологических исследований. Вып. 11).

Радочин В.Ю., 2011. Краниологический материал из могильника Дружное // МАИЭТ. Вып. XVII. Симферополь; Керчь. С. 231–265.

Радочин В.Ю., 2016. Палеоантропология могильника Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. II. 20 лет исследований могильника Нейзац / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 179–193.

Свиркина Н.Г., Нелюбов С.А., 2022. Первые итоги и перспективы исследований антропологических материалов из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. VIII / Отв. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Альбатрос. С. 186–204.

Храпунов И.Н., 2021. Исследования могильника Опушки: итоги и перспективы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. VII / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма "Салта" ЛТД». С. 235–259.

Институт археологии РАН, Москва Музей Москвы kseniasincerova@gmail.com

ТРИ РАЗНОВИДНОСТИ СЕЛЬСКИХ ДОМОВ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Существует несколько типологий домов или усадеб на сельской территории Греции и островов в эллинистическое время. Типология домов-башен М. Новицкой включает все памятники этой категории в городах и на хоре греческой Ойкумены. Типология загородных домов Аттики классического времени С. Димакопаулса основана на двух усадьбах вблизи Афин и башнях мыса Сунион. Типология Д.Д. Намана строится на сельских объектах классического и эллинистического времени материковой и островной Греции, Малой Азии и Северного Причерноморья. Как и работа С. Димакопаулса, она предполагает классификацию по планировочному принципу (Nowicka, 1975. Р. 61–129; Dimakopoulos, 2015; Наман, 1979. С. 14–16). Эти исследования либо не учитывают по понятным причинам открытий, сделанных в последнее время, либо сосредоточены на башне и ее характеристиках, и потому мало отражают все разнообразие загородной архитектуры.

В настоящей работе представлена классификация домов эллинистического времени на сельской территории материковой Греции и островов (Эгейского и Ионического моря), основанная на комплексе признаков, связанных, прежде всего, с общей площадью и планировкой, а также с назначением построек. В выборку вошли 5 усадеб и порядка 19 отдельно стоящих домов-башен.

В зарубежной историографии существует мнение, что греческие загородные дома имеют много общего с городскими (Nevett, 2023. Р. 101–102).

Б. Олт считает, что доминирующим элементом усадьбы в классическое и эллинистическое время становится внутренний двор (Ault, 2016. Р. 656–665). Л. Неветт, напротив, настаивает на постепенном уменьшении его площади и роли в общем комплексе построек (Nevett, 2023. Р. 218–219). По-видимому, в сельской архитектуре некоторые из этих тенденций проявлялись с небольшим отставанием.

Известные и хорошо опубликованные на сегодняшний день образцы сельской архитектуры можно разделить на несколько групп, прежде всего, по принципу планировки: отдельно стоящие дома-башни, сельские усадьбы хозяйственного назначения и жилые резиденции.

Ответьно стоящие дома-башни характеризуются упрощенной планировкой: чаще всего это подпрямоугольные в плане постройки (примерно от 19 до 35, от 55 до 115 кв. м), состоящие из одного-трех помещений (Young, 1956. Р. 126–128; Osborne, 1986. Р. 167–172) (восстановление планировки верхних этажей не представляется возможным). Башни могли быть круглые в плане (от 3,5 до 7,6 м в диаметре) или дополняться пристройками (Morris, 2001. Р. 337–338; Osborne, 1986. Р. 167–172). Изучение данной категории объектов чаще всего производится в ходе визуального осмотра. Именно поэтому невозможно судить о назначении каждого помещения.

Сельские усадьбы хозяйственного назначения (рис. 1: 3, 4) отличаются, прежде всего, размерами: они примерно в 5–10 раз превосходят дома-башни и жилые резиденции. К ним относятся такие сооружения, как усадьба в местечке Триа Платания (2340 кв. м) и Комболой (1350 кв. м) в Македонии, а также усадьба Церли в Фессалии (1200 кв. м). Они представляют собой прямоугольные в плане строения, состоящее из значительного по площади внутреннего двора, и концентрирующихся вокруг него помещений (Nevett, 2023. P. 251; Кагарапои, 2015). Жилые комнаты располагались в восточной части усадьбы, зона хранения и производства — в северной, южной, во внутреннем дворе или в подвалах. В двух случаях зафиксировано наличие особого помещения — андрона. Еще в двух

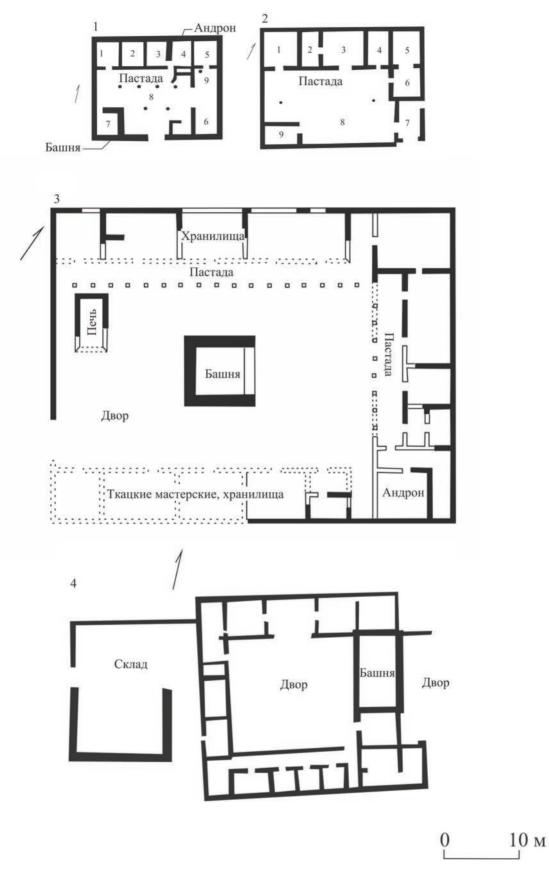

Рис. 1. Планировка сельских усадеб эллинистической Греции. 1 — Вари Хаус; 2 — Дема Хаус; 3 — Триа Платания, 4 — Комболой.

– присутствие башнеобразной постройки, размещенной в центре двора или вписанной в основной «прямоугольник» усадьбы. На территории двора нередко находились гончарная печь, колодец и другие хозяйственно-бытовые сооружения (Nevett, 2023. P. 251; Karapanou, 2015; Gerofoka, 2018. P. 302).

Жилые резиденции (рис. 1: 1, 2) представлены пока всего двумя специфическими объектами, открытыми неподалеку от Афин – Дема Хаус (352 кв. м) и Вари Хаус (около 242 кв. м). Эти схожие по планировке постройки устроены следующим образом: обращенный на юг фасад ведет во двор, северная часть которого затеняется пастадой и открывается в жилые комнаты усадьбы. В восточной части находятся хозяйственные помещения. В случае Вари Хаус в юго-западном углу располагается башенное сооружение, вписанное в общий контур комплекса. Подобная планировка (но без башни) очень характерна для Олинфа, встречается в Приене (Jones et al., 1962. Р. 75, 103–110; 1973. Р. 360–419). В Дема Хаус не найдено ничего, что могло быть связанно с сельским хозяйством. В Вари Хаус обнаружены лишь крышки от пчелиных ульев (Jones et al., 1973. Р. 419).

Таким образом, дома-башни могли быть связаны с охраной сельской территории или побережья, особенно в удаленных районах или на островах. Они служили жилищем, убежищем и складом для местного сельского населения. Усадьбы хозяйственного назначения, помимо своих размеров и специфики планировки, выделяются и характером находок, напрямую связанных с сельскохозяйственной деятельностью. Эти комплексы не только обеспечивали всем необходимым своих жителей, но и могли быть рассчитаны на крупное производство, предусматривающее импорт в города. Жилые резиденции во многом «копировали» городские дома и лишь отчасти были ориентированы на ведение хозяйства. Согласно одной из моделей заселения сельской территории, такие резиденции использовались сезонно.

Наман Д.Д., 1979. Типология греческих сельских усадеб классического и эллинистического времени (V–II вв. до н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 18 с.

Ault B.A., 2016. Greek Domestic Architecture // A Companion to Science, Technology, and Medicine in Ancient Greece and Rome / Ed. G.L. Irby. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell. P. 656–671.

Dimakopoulos S., 2015. Classical Rural Houses in Attica. Types and Functions // Centre and Periphery in the Ancient World. Proceedings XVIIIth International Congress of Classical Archaeology. Vol. II / Eds. J.M. Alvarez, T. Nogales, I. Roda. Mérida. P. 1001–1005.

Gerofoka E., 2018. Analysis of the Agricultural Management of a Hellenistic Pieria Farmhouse Based on Archaeological Evidence and Archaeological Relevance // Archaeology and Economy in the Ancient World: Proceedings of the 19th International Congress of Classical Archaeology / Eds. M. Heinzelmann, M. Bentz. Cologne; Bonn. P. 297–312.

Jones J.E., Graham A.J., Sackett L.H., 1973. An Attic Country House below the Cave of Pan at Vari. // BSA. Vol. 68. P. 355–452.

Jones J.E., Sackett L.H., Graham A.J., 1962. The Dema House in Attica // BSA. Vol. 57. P. 75-114.

Karapanou S., 2015. ΗΕλληνιστική Αγροικία στη Θέση "Τσερλή" Καλαμακίου, Ανατολική Θεσσαλία [Hellenistic Country House at the Tserli Site] // Εφορεία Αρχαιοτήτων Λάρισας. Λάρισας. P. 12–16.

Morris S.P., 2001. The Towers of Ancient Leukas: Results of a Topographic Survey // Hesperia. 70. Princeton. P. 285–347.

Nevett L.C., 2023. Ancient Greek Housing. Cambridge: Cambridge University Press. 329 p.

Nowicka M., 1975. Les maisons a tour dans le monde grec. Bibliotheca Antiqua. Polska Akademia Nauk. Instytut Archeologii i Etnologii. Wrocław. 159 p.

Osborne R., 1986. Island Towers. The Case of Thasos // BSA. Vol. 81. P. 167–178.

Young J., 1956. Studies in South Attica: Country Estates at Sounion // Hesperia. 25. P. 122-146.

Алтайский государственный университет, Барнаул mattcraft@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОЦЕССА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПАЗЫРЫКСКИХ ЩИТОВ¹

К настоящему времени накопилась разная информация о пазырыкских щитах, изготовленных из кожи и палочек. Такие находки сделаны при раскопках Первого Пазырыкского кургана (Грязнов, 1950. С. 63). Щиты, а также их фрагменты обнаружены во Втором, Третьем и Четвертом Пазырыкских курганах (Руденко, 1953. С. 262). В Первом Туэктинском кургане на полу погребальной камеры возле конских седел лежали воинские щиты. Всего в могиле находилось не менее пяти предметов защитного вооружения, сделанных из кожи и палочек (Руденко, 1960. С. 111). В удовлетворительном состоянии сохранились только два. Они в настоящее время экспонируются в Государственном Эрмитаже. В вышеуказанных монографиях приведено краткое описание находок и отражены некоторые их характеристики, но процесс изготовления щитов не затронут.

При поиске необходимых сведений на открытых электронных ресурсах обнаружилась курсовая работа А.Г. Полякова «Боевые щиты пазырыкских племен». В ней высказаны предположения о том, какие материалы были задействованы при создании изделий защитного вооружения, а также представлена попытка реконструировать процесс их производства. В частности, указано, что «пазырыкцы» могли использовать тонкую телячью или овечью кожу, а палочки изготавливались из разных пород дерева. А.Г. Поляков провел эксперименты и пришел к следующим выводам: «...щит не подходит для отражения стрелкового оружия, при этом его боевые качества при отражении ударов оружия ближнего боя высоки <...> у пазырыкских племен не было крупных вооруженных столкновений, так как при них обязательно используется стрелковое оружие» (Поляков, 2014. С. 41–45).

Вариант реконструкции пазырыкского щита на основе находок из памятника Берел (Самашев, 2011. С. 61) выполнен К.К. Алтынбековым в научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» (г. Алматы, Казахстан). Основываясь на изучении данного макета, мы осуществили ряд совместных экспериментов, направленных на поиск оптимальных материалов и средств для создания новых реплик (автор благодарен К.К. Алтынбекову за консультации и помощь в работе).

Для детального изучения и решения имеющихся проблем при восстановлении процесса изготовления щитов за основу было взято сохранившееся изделие размерами 49.5×46.5 см, найденное в Первом Туэктинском кургане. Оно представляет собой сплошное полотно кожи с прорезями, в которые вставлены 57 деревянных палочек диаметром 1,1-1,2 см. Данная конструкция сформировала оригинальный геометрический узор. По всем четырем краям щит имеет загибы разной ширины: вверху -2,1 см, внизу -2,5 см, по бокам -1,4 и 1,1 см (замеры делались в центре сторон). Кожа загнута на оборотную сторону, где сверху и снизу через прорези продеты кожаные шнуры, которые протягивались и закреплялись узелком на боковой стороне.

Основной нашей задачей стало выявление и обоснование конструктивных особенностей щита. В первую очередь, на небольших лоскутах толстой и тонкой кожи делались прорези для коротких горизонтальных отверстий, повторяющих узор на щите. После продевания палочек в прорези разных форм проводилось сравнение с оригиналом. Полученные данные свидетельствуют, что надрезы в настоящем изделии могли быть сделаны при помощи острого металлического ножа; на это указывают их ровные края. Через полученные вытянуто-овальные отверстия палочки со слегка заостренным концом проходят значительно лучше. Выбор прорезей указанной формы, по всей видимости, обусловлен тем, что создается меньшее давление на область кожи рядом с палочкой, что позволяет

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-18-00470.

легче продеть следующий элемент. Выявлено также, что сыромятная кожа крупного рогатого скота современной производственной выделки толщиной 3 мм не подходит для необходимой реконструкции, так как не обеспечивает необходимую плотность расположения палочек. Для дальнейших экспериментов следует использовать кожу толщиной около 1 мм, как это сделал К.К. Алтынбеков.

По результатам изучения щита из Первого Туэктинского кургана были подготовлены сосновые палочки длиной 50 см и диаметром около 1 см. В ходе экспериментов удалось выявить оптимальный порядок их размещения. Они продевались последовательно и равномерно от центра в левую и правую стороны. Такое расположение создавало равномерное натяжение кожи на необходимой площади. Близкое расстояние между палочками обуславливалось их одинаковым диаметром и последовательно сделанными прорезями. Формирующийся орнамент имел не только эстетическое, но и утилитарное значение: каждый «зигзаг» позволял стянуть и укрепить конструкцию за счет более плотного размещения палочек. При этом между палочками не было пустот – спереди и сзади всегда находилась кожа. Основные направления узоров отходят от центра щита на каждой из двух сторон. В ходе осмотра туэктинского изделия, а также после манипуляций с кожей стало очевидно, что оригинальная кожаная заготовка имела существенно большие размеры, чем фиксируемые в настоящее время. Во время обсуждений и консультаций со специалистом-кожевником А.П. Томашенко (индивидуальный предприниматель, г. Алматы) стало ясно, что древние мастера могли использовать свежую или специально подготовленную кожу в растянутом виде. Разметив и проделав отверстия, они вставляли палочки и закрепляли края, а затем оставляли изделие сушиться. Кожа, постепенно высыхая, сжималась и плотно стягивала палочки. В итоге изделие становилось достаточно прочным, сохраняя при этом определенную гибкость.

Полученная информация позволяет заключить, что при изготовлении пазырыкских щитов использовались особые технологии. Следует также отметить стандартизацию изучаемого защитного вооружения. Практически все известные изделия демонстрируют схожие конструктивные решения. В дальнейшем планируется выполнить анализы кожи и древесины, что позволит создать копию пазырыкского щита, близкую к оригиналу.

Грязнов М.П., 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.: ГЭ. 92 с.

Поляков А.Г., 2014 Боевые щиты пазырыкских племен Алтая. Курсовая работа. Абакан: ХакГУ. 51 с. URL: https://studwood.net/2405354/istoriya/boevye_schity_pazyrykskih_plemen_altaya (дата обращения: 21.01.2025).

Руденко С.И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР. 404 с. Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР. 360 с.

Самашев З.С., 2011. Берел. Алматы: Таймас. 236 с.

Д.С. Ходырева*, Т.Ю. Шведчикова**

*НИИ и Музей антропологии имени Д.Н. Анучина, Москва **Институт археологии РАН, Москва Khodyrevads@mail.ru, tashved@gmail.com

ОДОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБЕННЫХ В СЫРЦОВОЙ ГРОБНИЦЕ 631 НА АНТИЧНОМ НЕКРОПОЛЕ ВОЛНА 1 (VI–II вв. до н.э.)¹

Грунтовый могильник Волна 1 расположен на Таманском полуострове в Темрюкском районе Краснодарского края, исследован в ходе охранно-спасательных археологических работ с 2015 по 2018 г. силами двух экспедиций (ООО «Ирида», руководитель

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 23-18-00196 «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна 1 на территории Азиатского Боспора».

И.В. Цокур; ИА РАН, руководители П.С. Успенский и Р.А. Мимоход). Обнаружено более 1400 различных погребальных сооружений. Из-за хозяйственной деятельности человека и локальных почвенных особенностей сохранность антропологического материала на могильнике крайне неудовлетворительна. Антропологические исследования по различным системам признаков проводились А.Н. Абрамовой, Н.Г. Свиркиной и Т.Ю. Шведчиковой (Абрамова, Пежемский, 2018; Абрамова и др., 2021; Абрамова, 2022).

Зубы, как наиболее устойчивая к внешним воздействиям часть человеческого скелета, представляются перспективным материалом для антропологических исследований на памятниках, которые по тем или иным причинам характеризуются плохой сохранностью. В случае серии из могильника Волна 1 зубная эмаль подверглась значительному влиянию диагенетических процессов, что в некоторых случаях даже при слабой стертости не позволило фиксировать одонтоскопические или патологические признаки. Даже с учетом плохой сохранности эмали, однако, данная серия показывает себя как уникальный с точки зрения морфологии зубов материал.

В настоящей работе изучены материалы из сырцового склепа 631, обнаруженного в результате раскопок 2018 г. под руководством Р.А. Мимохода. Он содержал захоронения 11 индивидов различного пола и возраста и, по данным археологических и изотопных исследований, использовался на протяжении длительного времени, с 330 по 275 г. до н.э. (Сударев и др., 2024. С. 433). Для одонтологического анализа доступны зубы восьми погребенных (всего 118 зубов). Программа исследования включала изучение зубочелюстных патологий и одонтоскопических признаков (по стандартной для российской одонтологической школы программе (Зубов, Халдеева, 1993)).

Для погребенных в склепе характерна довольно высокая частота заболеваемости кариесом: он отмечается у четырех индивидов из восьми. При расчете на зуб, однако, этот показатель оказывается не таким высоким: всего 5,9 % случаев (7 из 118 зубов). У одного из индивидов отмечены множественные абсцессы на верхней челюсти в области премоляров и моляров, некоторые из этих зубов поражены кариесом. Прижизненная утрата зубов с полной или частичной облитерацией альвеолы, эмалевая гипоплазия, а также интерпроксимальные борозды встречаются в единичных случаях.

Отмечается крайне низкая частота встречаемости зубного камня, а у некоторых индивидов он не наблюдается вовсе, что не свойственно древним человеческим останкам. Вероятно, у значительной части образцов рассматриваемой серии зубной камень был утрачен или разрушен под влиянием тафономических процессов. Фиксация прижизненных сколов эмали также затруднена плохой сохранностью. Тем не менее, в случае взрослых индивидов с удовлетворительной сохранностью зубов, сколы эмали обнаруживаются достаточно часто.

Малое число наблюдений не позволяет проследить тенденции в частотах основных одонтоскопических признаков западного или восточного одонтологического ствола. Однако изучаемая выборка характеризуется некоторыми уникальными чертами, которые редко встречаются в одонтологических исследованиях. Например, у двух индивидов, захороненных в одном погребении (инд. 8 и 9 (Сударев и др., 2024. С. 422–423)), наблюдается полная редукция гипоконуса на первых верхних молярах. Такая высокая степень редукции не характерна для этих зубов и может свидетельствовать о родстве данных индивидов. В случае индивида 9 редукционные процессы проявляются также в значительном уменьшении размеров бугорка метаконуса на вторых верхних молярах (рис. 1). Индивид 9 характеризуется еще и другим редким признаком: на нижнем моляре отмечается наличие параконида. Он входил в состав тригонида нижних моляров у предковых форм приматов, но в процессе филогенеза подвергся редукции. На нижних молярах человека он встречается довольно редко. Этот признак присутствует не только у индивида из склепа 631, но и за пределами рассматриваемого комплекса – у захороненного в погребении 372.

Отнесение изученного сырцового склепа к категории «семейных» усыпальниц, предложенное в работе Н.И. Сударева и соавторов (Сударев и др., 2024. С. 433), отчасти под-

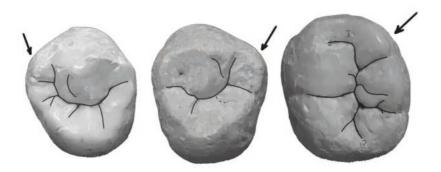

Рис. 1. Волна-1, погребение 631, индивид 9. Редукция метаконуса на верхних вторых молярах и параконус на нижнем втором левом моляре.

тверждается данными одонтологии. Тем не менее, наличие редких признаков на зубах может являться не свидетельством родства погребенных в одном склепе индивидов, а характерной особенностью исследуемой серии Волна 1, что требует проверки по другим системам признаков. Дальнейшие одонтологические исследования позволят дополнить знания о захороненном на могильнике населении.

Абрамова А.Н., Пежемский Д.В., 2018. Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). Часть 1 // Проблемы истории, филологии, культуры. №. 4 (62). С. 102–121.

Абрамова А.Н., Свиркина Н.Г., Шведчикова Т.Ю., 2021. Сравнительная характеристика населения Таманского полуострова VI–II веков до н.э. по палеоантропологическим материалам из некрополя Волна 1 // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы VI конференции молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 94–96.

Абрамова А.Н., 2022. Население Прикубанья раннего железного века по дан-ным скелетной системы (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Дис. ... канд. ист. наук. Вол-гоград. 326 с.

Зубов А.А., Халдеева Н.И., 1993. Одонтология в антропофенетике. М.: Наука. 223 с.

Сударев Н.И., Шведчикова Т.Ю., Мимоход Р.А., Сапрыкина И.А., 2024. Предварительные результаты комплексного анализа коллективного погребения 631 античного некрополя Волна 1 // КСИА. Вып. 276. С. 420–439.

Г.С. Чебышев

Институт археологии РАН, Москва chebyshev.george0480@gmail.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ «РИМСКИХ СВЕТИЛЬНИКОВ С ВОЛЮТАМИ» НА БОСПОРЕ

С середины I в. до н.э. по всему Средиземноморью и Северному Причерноморью начинается массовое распространение формованных светильников, которые традиционно в литературе называют «римскими» или «светильниками римского времени» (Журавлев, Турова, 2012. С. 356). В период с I по V в. н.э. эта группа изделий становится самой многочисленной из всех разновидностей светильников. Изначально появившись в Италии, такие лампы распространяются по всем римским провинциям, а также на прочие подконтрольные Риму территории. Благодаря простому и дешевому изготовлению (технология их производства была такова, что позволяла использовать готовые предметы в качестве моделей для форм) они начинают производиться во многих центрах, в том числе и в Северном Причерноморье. Одной из наиболее интересных групп изделий римского времени являются так называемые светильники с волютами.

Как это ни странно, на территории Азиатского Боспора светильники с волютами практически отсутствуют. Британский археолог Д. Бейли выделил подобные находки в тип А (Bailey, 1980. Р. 126). К нему относят закрытые однорожковые лампы с круглым туловом, плоскими узкими плечиками, отделенными от круглого щитка канавками, рас-

положенными под углом, углубленными к центру щитка. Их характерная черта заключается в наличии большого круглого щитка и, прежде всего, длинного широкого рожка, с двух сторон украшенного волютами. Щитки обязательно декорированы или сюжетами, или орнаментами. Отверстие для вливания жидкости очень узкое, в среднем 5–7 мм в диаметре. В зависимости от декора отверстие может располагаться в разных частях щитка. Рожки бывают изогнутыми или угловатыми, с обеих сторон украшены длинными волютами.

Один из немногих известных на данный момент на Азиатском Боспоре подобных светильников происходит из кургана № II в некрополе Кеп и довольно хорошо представлен в публикациях (Сокольский, 1964. С. 118. Рис. 12: 1; Сорокина, 1997. С. 59. Рис. 4: 3; Журавлев и др., 2024. Табл. 15: 90). По всей видимости, он не относится к италийскому производству, так как имеет псевдовитую вертикальную ручку петлевидной формы, которая является характерным признаком причерноморских производственных центров. На подавляющем же большинстве римских или италийских ламп ручки отсутствуют (Bailey, 1980. Р. 127). Сюжет, изображенный на щитке рассматриваемого светильника, тоже крайне редкий — нимфа Амалфея, держащая козу над младенцем Зевсом. Наиболее близкая аналогия того же типа с идентичной иконографией была изготовлена в мастерской Faustus в Египте (Bailey, 1988. Q1892). Светильник из некрополя Кеп датируется 25—75 гг. н.э. и, по всей видимости, происходит из Малой Азии.

Несколько фрагментов светильников с волютами происходят из раскопок на территории Анапы и Анапского района. Они хранятся в фондах Анапского археологического музея. Точная датировка этих предметов осложняется ввиду недостаточной сохранности датирующих элементов. По всей видимости, анапские лампы стоит относить ко второй половине I — началу II в. н.э.

На Боспоре Киммерийском наблюдается несколько иная ситуация. Несколько римских светильников с волютами найдены в Пантикапее и Мирмекии (Забелина, 1992. Табл. VIII: 3; Журавлев, Быковская, 2023. Рис. 1: 3, 4; 2: 5–9). Отдельно стоит упомянуть группу ламп с волютами из Пантикапея, найденных возле одного из алтарей (Трейстер, 1993. С. 61–66). Несколько подобных изделий известны в некрополе городища Артезиан (Винокуров, 2014. С. 60).

Малое количество рассматриваемых светильников на Азиатском Боспоре не может быть показателем сложного политического и экономического положения региона. Наоборот, I–II вв. н.э. считаются эпохой рассвета Боспорского государства. Вероятно, дело в недостаточной полноте исследований слоев указанного периода на таких памятниках Азиатского Боспора, как Фанагория, Гермонасса, Кепы, Патрей и др. Отметим, что уже со II в. н.э. ситуация меняется, и на перечисленных памятниках появляются более дешевые и упрощенные версии римских светильников без выраженных волют на рожках.

- Винокуров Н.И., 2014. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). Симферополь; Керчь. 680 с. (Боспорские исследования. Supplementum 12).
- Журавлев Д.В., Быковская Н.В., 2023. Импортные светильники с волютами из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения. Материалы научной конференции // Ред. А.В. Махлаюк. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет. С. 48–78.
- Журавлев Д.В., Турова Н.П., 2012 Античные глиняные светильники Ялтинского историко-литературного музея / Боспорские исследования. Вып. XXVI / Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь. С. 335–400.
- Журавлев Д.В., Хршановски Л., Чебышев Г.С., 2024. Светильники с территории Азиатского Боспора в собрании Государственного исторического музея // Нурапіз. Труды отдела классической археологии ИА РАН. Т. 6. М.: ИА РАН. С. 87–150.
- Забелина В.С., 1992 Античные глиняные светильники из Пантикапея // Археология и искусство Боспора. Сообщения ГМИИ им. А.С. Пушкина. Вып. 10. М.: Внешторгиздат. С. 298–328. Сокольский Н.И., 1964. Святилище Афродиты в Кепах // СА. № 4. С. 101–118.

Сорокина Н.П., 1997. Религия и коропластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ). М.: Восточная литература. 88 с. (Труды ГИМ. Вып. 91).

Трейстер М.Ю., 1993. Римляне в Пантикапее // ВДИ. № 2 (205). С. 50–74.

Bailey D.M., 1980. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. 2. Roman lamps made in Italy. London: British Museum Publications. 458 p.

Bailey D.M., 1988. A Catalogue of the Lamps in the British Museum. 3. Roman Provincial Lamps. London: British Museum Publications. 369 p.

В.В. Шишелова

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург st000010721@lgumail.ru

АКРА В РИМСКИЙ ПЕРИОД: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Акра — один из «малых городов» Боспора, расположенный на западном берегу Керченского пролива. Сведения письменных источников о ней крайне ограничены, поэтому археологические исследования памятника играют для его изучения первостепенную роль.

Расположение города в подтопляемой прибрежной зоне затрудняет проведение работ, поэтому с момента обнаружения в 1980 г. он раскапывался эпизодически. Исследованиями последних лет в дополнение к уже известным открыты новые комплексы римского времени. Это ставит вопрос о необходимости определения закономерностей изменения территории памятника для повышения эффективности исследований в следующих полевых сезонах.

Первые строительные комплексы римского периода (СК-1, СК-2, СК-3) исследовались в 1995—1997 гг. Это три изолированные усадьбы площадью 100—120 кв. м. По планировке они представляли собой несколько жилых и хозяйственных помещений, примыкавших к внутреннему двору, занимавшему до 40 % общей площади.

Комплекс СК-1 состоял из двора и двух помещений. Одно из них было жилым, на что указывает наличие очага. Другое имело производственное назначение, о чем свидетельствует вымостка — характерная особенность хозяйственных комплексов, широко распространенная в Причерноморье (Буйских, 2008. С. 155). А.В. Куликов интерпретировал помещение как хлев для содержания скота (Куликов, 1996. С. 16–18; 1997. С. 8). Комплекс прекратил функционирование в середине III в.

Расположенный южнее комплекс СК-2 сохранился значительно хуже. В первой половине III в. он был оставлен обитателями и заброшен, затем разобран на строительные материалы (Куликов, 1997. С. 11). Реконструкция его планировки затруднена. А.В. Куликов выдвинул предположение, что комплексы СК-1 и СК-2 изначально являлись одной усадьбой, разделенной затем на два самостоятельных хозяйства (Куликов, 1997. С. 11). В этом случае находит объяснение ряд конструктивных особенностей комплекса СК-1, которые могли быть связаны с надстройкой второго этажа для увеличения полезной площади. Минимальная толщина несущих стен, необходимая для возведения второго этажа и определенная Дж. Грехемом (Robinson, Graham, 1938. Р. 227–228), позволяет склониться к этой точке зрения, в противоположность мнению А.В. Куликова (Куликов, 1997. С. 12).

Севернее располагалась усадьба СК-3, сильно пострадавшая в процессе береговой абразии и исследованная лишь частично. В планировке прослеживается внутренний двор, а также два жилых помещения с глинобитным полом. Одно из помещений погибло в пожаре середины III в.

Еще два строительных комплекса римского времени открыты на этом же участке в 2016—2017 гг. Первый из них представлял собой остатки жилой постройки с двором, второй — угол еще одной постройки. Объекты датированы I–II вв. (Соловьев и др., 2021. С. 18, 20). Другой участок римской застройки обнаружен в западной части памятника в

2020—2023 гг. Здесь открыты несколько помещений и часть улицы. Важным представляется то, что ориентировка застройки и улицы соответствует комплексам, исследованным в 1995—1997 гг., и согласуется с планировкой Акры эллинистического времени. Комплексы перестали функционировать не ранее середины III в. (Вахонеев, Соловьев, 2023. С. 188).

В целом в развитии топографии Акры римского времени прослеживаются следующие закономерности. Ориентировка планировочной сети по линии северо-запад – юговосток сохранялась с эллинистической эпохи. Основу застройки составляли схожие по структуре усадебные комплексы, сочетавшие жилые и производственные функции. За время своего существования они периодически перестраивались, их пространственные и объемные решения могли меняться. Общественные постройки и фортификационные сооружения римского периода на сегодняшний день не обнаружены.

Наиболее существенным фактором, влиявшим на изменение территории памятника, являлась морская трансгрессия, из-за чего пригодная для проживания площадь постепенно сокращалась. Так, в восточной, затопленной части Акры материалы римского времени полностью отсутствуют — уровень воды здесь поднимался уже с I в. Об угрозе подтоплений может свидетельствовать и распространение под вымосткой помещений глинобитных полов и подсыпок, выступавших гидроизолятором. С повышением уровня моря население оставляло прибрежные домовладения и отходило на более высокие западные участки. К середине III в. перестают функционировать комплексы, выявленные в 1995—1997 гг., расположенные в низкой части города. Заброшенные сооружения разбираются на строительные материалы, на их месте возникают пустыри и мусорные свалки.

Таким образом, в римское время площадь Акры значительно сокращается, город занимает только западную часть освоенной ранее территории. При этом сохраняется прежняя планировка и достаточно высокая плотность застройки на пригодном для жизни пространстве.

Буйских А.В., 2008. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь: БФ «Деметра». 424 с.

Вахонеев В.В., Соловьев С.Л., 2023. Археологические исследования античного городища Акра в 2023 г. // Бюллетень ИИМК РАН: охранная археология. Вып. 14. С. 187–190.

Куликов А.В., 1996. Отчет об археологических раскопках городища Акра // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 773, 773А, Б. 110 с.

Куликов А.В., 1997. Отчет об археологических раскопках городища Акра // Научный архив Института археологии Крыма РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 1959. 236 с.

Соловьев С.Л., Вахонеев В.В., Шепко Л.Г., 2021. Акра – античный город на Европейском Боспоре. СПб.: ООО «Невская Типография». 163 с.

Robinson D.M., Graham J.W., 1938. Excavations at Olynthus. Part VIII. The Hellenic House. A Study of the Houses Found at Olynthus with a Detailed Account of Those Excavated in 1931 and 1934. Baltimore: the Johns Hopkins Press. 310 p.

Юй Лян

Алтайский государственный университет, Барнаул yul388329@mail.ru

АНАЛИЗ ХУННУСКОГО (СЮННУСКОГО) ВЛИЯНИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ ШИЖЭНЬЦЗЫГОУ НА ТЕРРИТОРИИ СИНЬЦЗЯНА

В «Ши цзи» Сыма Цянь сообщает, что хунну (сюнну) создали мощную империю на Монгольском плато и стали расширять ее на запад, победив юэчжей во ІІ в. до н.э. и захватив районы Восточного Тянь-Шаня. С 2001 г. Северо-Западный университет Китая проводит археологические раскопки в поисках следов юэчжи и хунну (сюнну). На сегодняшний день получено много значимых результатов. Китайские ученые определяют

часть захоронений Восточного Тянь-Шаня периода Западная Хань, как принадлежавших хунну (сюнну). В данной публикации основное внимание уделяется находкам, характерным для хуннуской культуры, и исследованию причин ее влияния в указанном регионе.

Археологический памятник Шижэньцзыгоу (石人子沟) расположен примерно в 8 км к юго-востоку от одноименной деревни, в Баркёль-Казахском автономном уезде Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Он входит в крупный комплекс, который включает в себя несколько объектов, расположенных с востока на запад: Хуншанькоу (红山口), Шижэньцзыгоу, Сигоу (西沟), Сяохэйгоу (小黑沟), Хэйгоулян (黑沟梁) и Дунхэйгоу (东黑沟). Обнаружено более 800 каменных сооружений, более 2000 могил, а также многочисленные петроглифы. Хронологический диапазон этих памятников охватывает период от бронзового века до средневековья (Ван Цзяньсин, 2009. С. 15).

Курганы периода Западная Хань в Шижэньцзыгоу имеют единообразную структуру. Они представлены округлыми каменными насыпями, большинство которых имеют западины в центре. Под насыпью располагается яма прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная по линии ЮЗ–СВ. На дне ямы находятся погребения в каменных или деревянных внутримогильных сооружениях (Ма Цзянь и др., 2022. С. 87; Жэнь Мэн, 2019. С. 267). Обнаружено множество артефактов, характерных для материальной культуры древних кочевников. Среди них есть предметы, относящиеся к хунну (сюнну): наконечники стрел, удила, пряжки, фрагмент зеркала и др. (рис. 1).

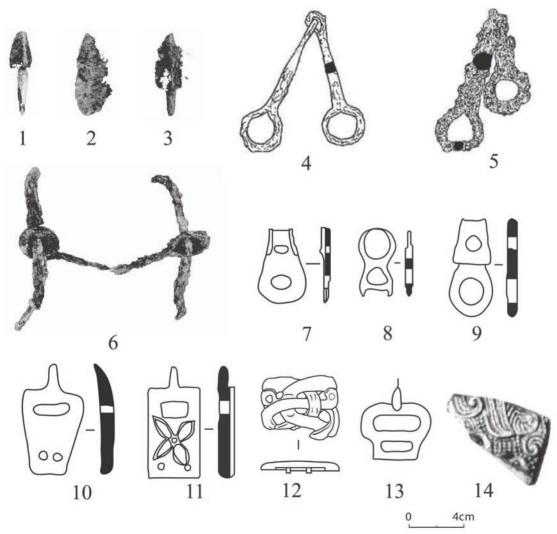

Рис. 1. Находки хуннуского времени на археологическом комплексе Шижэньцзыгоу (по: Жэнь Мэн, 2011; Ма Цзянь, Мо Цзюньцзе и др., 2022).

1-6 – железо; 7-11 – кость (рог); 12-14 – цветной металл.

Железные наконечники стрел (рис. 1: 1–3) трехлопастные, черешковые. Они типичны для вооружения хунну (сюнну) (Ма Цзянь и др., 2022. С. 79). Железные удила (рис. 1: 4, 5) состоят из двух звеньев, с внутренними маленькими петлевидными и более крупными внешними кольцами (Ма Цзянь, 2011. С. 79). У некоторых сохранились псалии (рис. 1: 6). Удила аналогичной формы найдены на археологическом памятнике Алтая хуннуского (сюннуского) времени Яломан-II (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 32).

Обнаружены пряжки двух типов, изготовленные из кости или рога (рис. 1: 7–11). Они относительно просты по форме и конструкции: пряжки-блоки и подпружные пряжки. Есть металлические изделия. Одним из наиболее типичных примеров является округлая пряжка, найденная на могильнике Хэйгоулян в объекте М20 (Жэнь Мэн, 2008. С. 273). Такая форма схожа с образцами, что происходят с памятников Дырестуй (Миняев, 1998. С. 194. Табл. 80) и Иволга (Жэнь Мэн, 2011. С. 273, Табл. 5) в Забайкалье. Бронзовые пряжки, подобные найденной на могильнике Хэйгоулян, с изображением дракона или змеи (рис. 1: 12), имеются также в материалах памятника Яломан-II (Тишкин, Горбунов, 2006. С. 32. Рис. 1) и Кэшэнчжуан (客省庄) (Жэнь Мэн, 2011. С. 273. Табл. 5), но они отличаются более высоким качеством изготовления и реалистичными изображениями. Аналогии простой бронзовой пряжке (рис. 1: 13) известны также на хуннуских (сюннуских) могильниках в Китае, например, Даодуньцзы (倒墩子) (Ма Лицин, 2005. С. 79; Шань Юйин, 2009. Рис. 12).

В комплексе Шижэньцзыгоу зафиксирована практика сопровождения погребенных фрагментами китайских бронзовых зеркал (рис. 1: 14). Такая традиция отсутствует в более ранних археологических памятниках Восточного Тянь-Шаня, но широко распространена в хуннуской (сюннуской) культуре Монголии, Алтая и Забайкалья (Жэнь Мэн, 2008. С. 278; Тишкин, Горбунов, 2006. С. 32; Ма Лицин, 2005. С. 77).

Среди найденных в Восточном Тянь-Шане погребальных предметов можно выделить изделия яньбулакской культуры и хуннуские (сюннуские). Китайские ученые, опираясь на обнаруженные материалы, относят часть захоронений Восточного Тянь-Шаня к хунну (сюнну) (Жэнь Мэн, 2008. С. 281). Это мнение требует детального рассмотрения в контексте исторических событий. В «Ханьшу» написано, что в 165 г. до н.э. хунну (сюнну) разгромили юэчжей и установили свое господство в рассматриваемом регионе. Однако из-за постоянных военных конфликтов с войсками Западной Хань произошли сложные культурные взаимодействия. По-видимому, продолжали существовать две культуры, при этом хунну (сюнну) занимали господствующее положение, а местное население находилось в подчиненном статусе.

Ван Цзяньсин, 2009. Краткий отчет о раскопках на памятнике Дунхэйгоу в уезде Баликунь Синьцзяна в 2006–2007 гг. // Каогу. № 1. С. 3–27.

Жэнь Мэн, 2011. Культура хунну в восточной части Тянь-Шаня в период раннего Сихань на основе исследования кладбища Хэйгоулян и памятника Дунхэйгоу // Сибу Каогу. № 5. С. 252–290.

Ма Лицин, 2005. Исследования археологии древних хунну, их истории и культуры. Хух-Хото: Изд-во Ун-та Внутренней Монголии. 420 с.

Ма Цзянь, Ли Дарэнь и др., 2022. Отчет о раскопках могил на памятнике Ширэньцзыгоу в уезде Баликунь города Хами Синьцзяна в 2015 году // Сибу Каогу. Т. 23. С. 70–93.

Ма Цзянь, Лю Ясинь и др., 2022. Отчет о раскопках могил на памятнике Ширэньцзыгоу в уезде Баликунь Синьцзяна в 2010 году // Сибу Каогу. Т. 23. С. 56–89.

Ма Цзянь, Мо Цзюньцзе и др., 2022. Отчет о раскопках на памятнике Сяохэйгоу в уезде Баликунь Синьцзяна в 2018 году // Сибу Каогу. Т. 23. С. 90–107.

Миняев С.С., 1998. Дырестуйский могильник. СПб.: Европейский дом. 234 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2006. Горный Алтай в хуннуское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. № 3. С. 31–40.

Шань Юйин, 2009. Исследование погребений хунну // Каогу Сюебао. № 1. С. 35–68.

Институт археологии РАН, Москва vladlen.yurkov.v@mail.ru

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ СКЛЕП НА МАРКУЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ: ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В полевом сезоне 2023—2024 гг. на Маркульском городище — памятнике древнего абхазского населения — обнаружен склеп эллинистического времени. Данное сооружение и его культурные слои были разрушены современными грабителями, однако удалось получить богатый и разнообразный материал, выявить его основные конструктивные особенности. Ранее склепы в Абхазии были неизвестны, поэтому встал вопрос его культурной интерпретации.

Обратимся к обнаруженным материалам. Прежде всего, внимание привлекает медный котел-ситула (рис. 1: В) с яйцевидным туловом без выраженного горла и зооморфными рогатыми ручками (рис. 1: Г). Металлические (бронзовые и медные) котлы являются культурным признаком мира номадов в целом (Демиденко, 2008. С. 4). Конкретная форма ситулы с зооморфными ручками получила широкое распространение на южных склонах Центрального Кавказа в VIII–VII вв. до н.э. С V в. до н.э. центр их производства перемещается в Колхиду и сохраняется здесь до периода раннего эллинизма (Эрлих, 2013. С. 153–154).

Получен богатый античный материал: чернолаковая керамика, амфоры, синопская черепица, которой был покрыт склеп. Конечно, наличие импортных изделий не говорит о культурной принадлежности погребенных, но однозначно маркирует наличие контактов.

Важным компонентом культурной интерпретации является обряд погребения. Учитывая, что целостность объекта в значительной степени нарушена грабителями, опи-

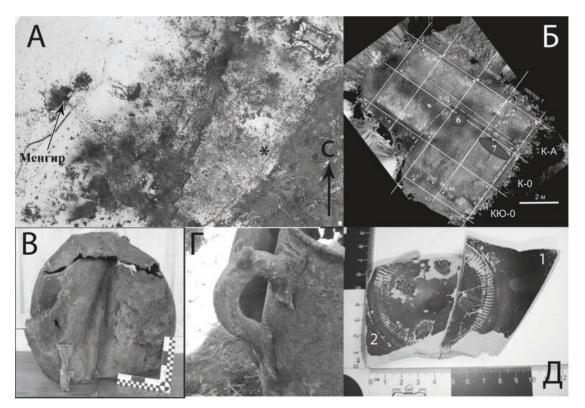

Рис. 1. Склеп Маркульского городища.

A — аэрофотосъемка (февраль 2023), звездочкой отмечено место раскопа; B — план раскопа 2024 г. с отмеченными погребениями, пунктирная линия — граница склепа; B — ситула; Γ — ручка ситулы; Π — донце чернолакового сосуда, часть «1» из погребения 6 и часть «2» из погребения 7.

раться мы можем на два неразрушенных погребения в северной части склепа (№ 6 и 7) и на ряд материалов из перекопанного слоя.

Значительный интерес вызывает антропологический материал. Его полноценное исследование будет проведено в перспективе, но предварительные выводы можно сделать уже сейчас¹. Кости плохой сохранности, обнаружены не в анатомическом порядке. В погребении 6 зафиксированы останки двух детей, 2–3 лет и 6 месяцев; в погребении 7 – двух индивидуумов женского пола. Среди костей в погребении 7 выявлены также три фрагмента черепа ребенка. Следует отметить, что один из обломков чернолаковой тарелки с клеймами найден в погребении 6 (рис. 1: Д,1), тогда как остальные – в погребении 7 (рис. 1: Д,2). Это смешение костей и керамики из разных могил в рамках одного склепового сооружения может быть обусловлено движением грунтов в результате землетрясений и оползней, происходивших на городище в более поздний период. Отсутствие анатомического порядка в антропологических останках можно объяснить тектоническими процессами, разложением части костей во влажном, богатом кислородом кислом грунте или обрядом вторичного погребения, который характерен для территории Колхиды и фиксируется в мифологии, этнографии (Челеби, 1983. С. 52) и археологии (Требелева и др., 2024. С. 227).

Больше информации об обряде дают костные останки животных². В погребении 7 имеются кости мелкого рогатого скота, свиньи и петуха, а также рог косули. Кости свиньи и петуха встречались в захоронениях на Маркульском городище, это символы хтонических божеств античного культа (Требелева и др., 2024. С. 229), а образ косули перекликается с изображением другого дикого копытного – оленихи, изображенной на дольмене группы Капибге-1 (Глазов, Кудин, 2023. С. 13). Данный архаичный хтонический образ издревле характерен для Кавказа. На сохранение у населения, оставившего рассматриваемый склеп, преемственности с местными древними верованиями косвенно наталкивает его связь с находящимся на городище менгиром. Склеп расположен на вершине плато, менгир – ровно под ним на западном выступе у плато (рис. 1: А). На жертвенной полочке менгира обнаружены приношения в виде железных шлаков. Они же представлены среди погребального инвентаря в склепе. Таким образом, склеп позволяет наблюдать синкретизм античной и местной культур у населения городища.

Глазов К.А., Кудин М.И., 2023. Петроглифы на дольмене группы Капибге-1 дольменного макроансамбля Мизегух (предварительное сообщение) // Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций. Материалы научно-практической конференции XI Анфимовские чтения. Анапа, 25–28 сентября 2023 г. / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар; М.: Традиция; Центр палеоэтнологических исследований. С. 9–14.

Демиденко С.В., 2008. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н.э. – III в. н.э.). М.: ЛКИ. 328 с.

Требелева Г.В., Шведчикова Т.Ю., Яворская Л.В., Юрков В.Г., 2024. Погребальные комплексы из раскопок на участке «Пифосы» Маркульского городища // Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX — первой четверти XXI века. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. М.: ИА РАН. С. 227–230.

Челеби Э., 1983. Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М.: Наука. 377 с.

Эрлих В.Р., 2013. К уточнению атрибуции бронзовой ситулы из Анухвы // Третья Абхазская международная археологическая конференция. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы / Отв. ред. О.Х. Бгажба и др. Сухум: ИИМК РАН; АбИГИ им. Д.И. Гулиа АНА; РУП «Дом печати». С. 150–155.

¹ Выражаем глубокую благодарность к.б.н. Пежемскому Д.В.

² Выражаем глубокую благодарность Яворской Л.В. за сделанные определения и разрешение использовать эти данные.

ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ В АРХЕОЛОГИИ ЭПОХ РИМСКИХ ВЛИЯНИЙ И ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

У.Д. Бакулина

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва ulya.bakulina@mail.ru

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ БОЛЬШИХ АЖУРНЫХ ЛУННИЦ КРУГА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ

Важной проблемой при изучении изделий круга восточноевропейских выемчатых эмалей вообще и больших ажурных лунниц, в частности, является определение их культурной принадлежности. Такие украшения известны на территориях, занятых разными этнокультурными объединениями, распространены от Прибалтики на западе до Поволжья и Приазовья на востоке и юге. В соответствии с современными представлениями хронологические рамки существования основной части больших ажурных лунниц охватывают вторую половину II — первую половину III в. Большинство предметов представляют собой случайные находки, их археологический контекст неизвестен. В такой ситуации особое значение имеют украшения, обнаруженные в ходе раскопок. Из 48 опубликованных на данный момент изделий 16 выявлены в связи с какими-либо памятниками. Ниже приводится перечень этих памятников и комплексов.

- 1. Брянский клад (Суземский р-н, Брянская обл.). 8 экз. Обнаружен в ходе военно-поисковых работ. В 2013–2014 гг. Раннеславянской экспедицией ИА РАН под руководством А.М. Обломского обследована долина р. Сев от устья до верховьев у г. Севск. На двух поселениях со слоями киевской культуры (Новоямское-3 и 3А) в 2015 г. проведены раскопки. Результаты работ опубликованы (Обломский, 2018. С. 159–189). По мнению А.М. Обломского, комплекс мог быть сокрыт жителями относящегося к киевской культуре селища Усух-2, которое расположено на правом берегу р. Сев в 700 м от места находки клада ниже по течению (рис. 1А: 1; 1Б: 1)
- 2. Котеневка, селище-4 (Старооскольский городской округ, Белгородская обл., правый берег р. Чуфичка). 1 экз. Памятник представляет собой многослойное селище. Горизонт, из которого происходит лунница, относится к киевской культуре (Пивнева, Кобзева, 2024) (рис. 1A: 2).
- 3. Хут. Александровский (Курчатовский р-н, Курская обл.). 1 экз. Памятник, вероятно, представляет собой селище киевской культуры (Чубур, 1996. С. 170. Рис. 3: 6) (рис. 1A: 3; 1Б: 3).
- 4. Старая Рязань (Спасский р-н, Рязанская обл.). 1 экз. Памятник представляет собой многослойное городище. Лунница, вероятно, происходит из слоя культуры рязано-окских финнов (Ахмедов, 2018. С. 147. Рис. 113: 3) (рис. 1A: 4; 1Б: 4).
- 5. Тихий Уголок (Моршанский р-н, Тамбовская обл.). 1 экз. Г.Ф. Корзухина указывает, что лунница происходит с территории «древнемордовской стоянки», вероятно, поселения (Корзухина, 1978. Кат. 103. Рис. 114: 1) (рис. 1A: 5).

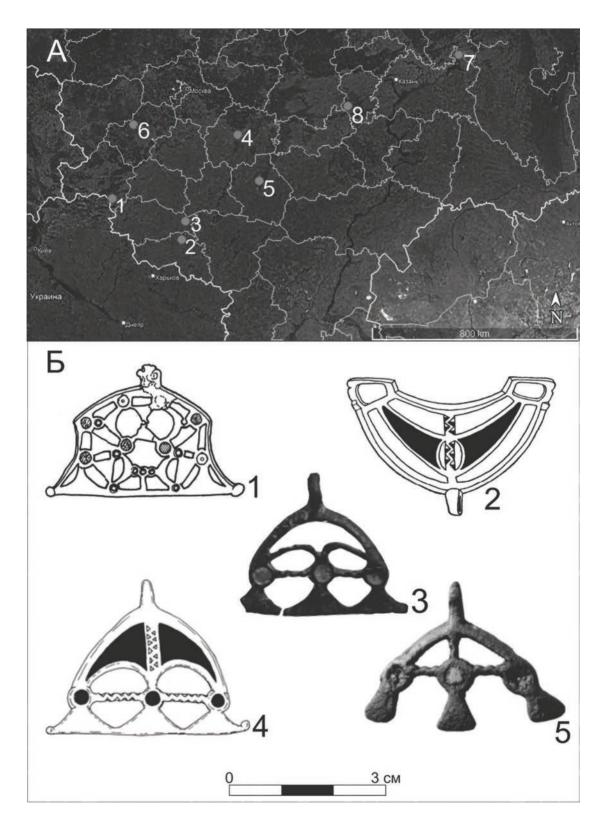

Рис. 1. Большие ажурные лунницы круга восточноевропейских выемчатых эмалей.

А – карта памятников, с которыми связаны находки: 1 – Усух-2; 2 – Котеневка-4; 3 – хут. Александровский; 4— Старая Рязань; 5 – Тихий Уголок; 6 – Мощинское городище; 7 – Дубровинский могильник; 8 – Напольное-1.

Б — большие ажурные лунницы: 1 — Брянский клад; 2 — Мощинский клад; 3 — хут. Александровский; 4 — Старая Рязань; 5 — Напольное-1 (по: Обломский, 2018. Рис. 18; Корзухина, 1978. Таб. 19; Радюш, 2020. Рис. 8: 4; Ахмедов, 2018. Рис. 113: 3; Никитина, 2020. Рис. 11: 2).

- 6. Мощинский клад (Калужская обл., Верхнее Поочье). 1 экз. Обнаружен при раскопках насыпи вала Мощинского городища (Булычев, 1899. С. 7–10). Высказано предположение о том, что клад маркирует контакты носителей мощинской и киевской культур (Шинаков, 2016. С. 168, 169) (рис. 1A: 6; 1Б: 2).
- 7. Дубровинский могильник, погребение 67 (Киясовский р-н, республика Удмуртия). 1 экз. Лунница обнаружена в жертвенном комплексе слева от головы погребенного. Сохранность костных останков плохая, по инвентарю предполагается, что погребение женское. Памятник относится к мазунинской культуре (Голдина, Бернц, 2010. С. 141–147) (рис. 1A: 7).
- 8. Напольное-1, селище (Парлецкий р-н, республика Чувашия). 2 экз. Обнаружены в слое І–ІІІ вв. (Никитина, 2020. С. 221, 222. Рис. 11: 2). Культурная принадлежность памятника неизвестна (рис. 1A: 8; 1Б: 5).

При рассмотрении культурной принадлежности лунниц не учитывались находки с селища Напольное-1. Из оставшихся 14 изделий 10 (включая 8 экз. Брянского клада) связаны с памятниками киевской культуры, 1 – мазунинской, 1 – мощинской, 1 – древнемордовской, 1 – культуры рязано-окских финнов.

Таким образом, в двух случаях большие ажурные лунницы происходят с селищ киевской культуры, но встречаются и на памятниках других культур, в том числе на могильниках. При этом случайные находки таких вещей неравномерно распределены по всему ареалу изделий с эмалью. Они концентрируются в Поднепровье, встречаются в бассейнах Дона, Оки, Волги, Камы, но практически отсутствуют в Прибалтике. Наблюдаемая картина может отражать распространение моды или направления связей днепровского населения.

- Ахмедов И.Р., 2018. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 146–158 (Раннеславянский мир. Вып. 18).
- Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010. Тураевский могильник уникальный памятник эпохи переселения народов в Среднем Прикамье. Ижевск: «Удмуртский университет». 499 с.
- Корзухина Г.Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 124 с. (САИ. Вып. E1-43).
- Никитина А.В., 2020. Находки вещей круга выемчатых эмалей в лесостепной зоне Среднего Поволжья // Germania Sarmatia. Вып. III / Ред. О. Радюш, А. Блюэнэ, М. Любичев. М.: ИА РАН. С. 221–242.
- Обломский А.М., 2018. Памятники киевской культуры Брянского Подесенья // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 159–188 (Раннеславянский мир. Вып. 18).
- Пивнева Д.В., Кобзева Е.В., 2024. Украшение с выемчатыми эмалями с объекта археологического наследия «Котеневка селище-4» Старооскольского городского округа Белгородской области // Актуальная археология 7. Материалы международной научной конференции молодых ученых / Отв. ред. А.М. Киселёва. СПб.: ИИМК РАН. С. 216–219.
- Радюш О.А., 2020. Распространение вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей в верхнем течении Днепра и Северского Донца на территории Курской и Белгородской областей России (материалы к каталогу) // Germania Sarmatia. Вып. III / Ред. О. Радюш, А. Блюэнэ, М. Любичев. М.: ИА РАН. С. 155–184.
- Чубур А.А., 1996. Памятники археологии, погибшие при строительстве Курской АЭС // РА. № 3. С. 167-170.
- Шинаков Е.А., Чубур А.А., 2020. Лунницы круга «варварских выемчатых эмалей» в среднедеснинском регионе // Germania Sarmatia. Вып. III / Ред. О. Радюш, А. Блюэнэ, М. Любичев. М.: ИА РАН. С. 116–127.

ГРАНИЦЫ ГЛЯДЕНОВСКОЙ И НЕВОЛИНСКОЙ КУЛЬТУР НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. СЫЛВА В І тыс. н. э.

На сегодняшний день доказано формирование неволинской культуры на базе гляденовской (Голдина, 2022. С. 473; Перескоков, 2022. С. 99). Как отмечает М.Л. Перескоков, данный процесс был постепенным и завершился во второй трети – конце V в. В это время начинается бродовский этап неволинской культуры – самый ранний, получивший название от Бродовского курганного могильника (Перескоков, 2022. С. 99). Р.Д. Голдина датирует его последней четвертью IV в. (Голдина, 2022. С. 493). Разница в датировках подчеркивает сложность интерпретации культурных процессов на территории Сылвенского поречья в середине I тыс. н.э. Из 171 памятника с прибрежной территории р. Сылва 56 относятся исследователями к разным культурам (Голдина, 2022. С. 474. Рис. 1; Перескоков, 2022. С. 84. Рис. 1).

В настоящем исследовании представлена попытка культурной интерпретации керамического материала со «спорных» памятников при помощи методов дескриптивной статистики, кластерно-иерархического и пространственного анализа. В основу изучения положены типы орнаментации, ключевого различия гляденовских и неволинских комплексов. Характерной чертой неволинской культуры является резной орнамент керамики, а гляденовской — вдавления по венчику и гребенчатый орнамент.

Репрезентативные данные о керамическом материале имеются с 10 «спорных» памятников: комплекса Якшевитово (городище и селище), городищ Пеганкова Гора, Усть-Громотуха, селищ Усть-Громотуха, Гари IV, Курманаево I, костища Слепушка, Калашниковского и Бродовского курганных могильников.

Для определения «спорной» керамики привлечены данные о материалах тех памятников, культурная интерпретация которых не вызывает сомнений: комплекса Новая, городищ Спасское, Кунгурское II, Лобач, Подкаменное, Елкинское, могильника Сухой Лог. Сформирована естественная выборка керамических фрагментов с 18 памятников.

Метод кластерно-иерархического анализа позволил выделить две группы памятников, каждая из которых делится на два кластера:

Группа 1. Кластер 1: комплекс памятников Якшевитово, Калашниковский могильник, костище Слепушка, городище Пеганкова гора, селище Гари IV. Выделяется на первом этапе. Дальнейшая кластеризация происходила на основе сравнения с памятниками данного кластера. Преобладающие типы орнаментации соответствуют гляденовской керамической традиции (вдавления по венчику, гребенчатый орнамент по шейке).

Кластер 2: Спасское городище, селище Курманаево I, Бродовский курганный могильник. Керамический комплекс имеет черты гляденовской культуры. Кластер выделен в самом конце кластеризации и помещен между гляденовским и неволинским. Вероятно, данные памятники являются переходными.

Группа 2. Кластер 3: городища Подкаменное, Елкинское, Лобач, могильник Сухой Лог, Бродовский грунтовый могильник. Кластер объединил памятники неволинской культуры.

Кластер 4: комплексы памятников Усть-Громотуха, Новая, Кунгурское II городище. Керамика имеет черты как гляденовской, так и неволинской культур. Из-за отсутствия ярких археологических объектов смешанного типа данные памятники «втянуты» в неволинскую группу. При этом они не являются переходными, так как явно формируют отдельный кластер. Вероятнее всего, некоторые из них существовали в гляденовское время (Кунгурское II городище, комплекс Усть-Громотуха) и оказались вновь заселены в неволинское, другие (комплекс Новая) появились в раннее неволинское время, но отне-

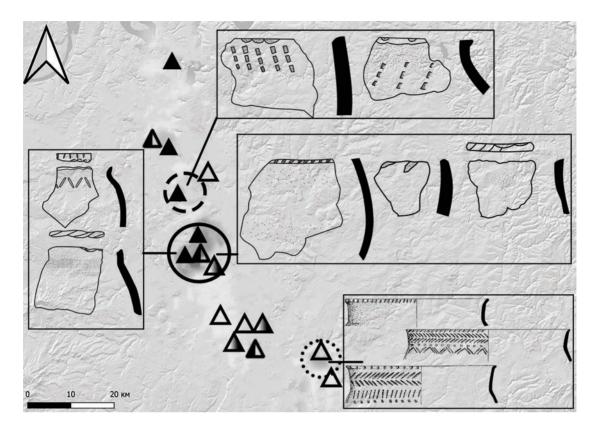

Рис. 1. Тепловая карта археологических памятников на территории Сылвенского поречья I тыс. н.э.

Ядра расселения: линия – ядро I; пунктирная линия – ядро II; линия из точек – ядро III.

Керамические комплексы: закрашенный треугольник – гляденовский (кластер I); пустой треугольник – неволинский (кластер III); наполовину черный треугольник – смешанный (кластер IV); треугольник с градиентом – переходный (кластер II).

сены к рассматриваемому кластеру из-за слабой выраженности признаков неволинской культуры.

На основе карты, отражающей размещение 171 сылвенского памятника I тыс. н.э., при помощи плагина Неаtmар сформирована тепловая карта, на которой выделяется три ядра расселения (рис. 1). Совмещение данных кластерного анализа и теплокарты позволяет предложить их культурную интерпретацию. Первое ядро: комплексы Якшевитово – Новая деревня – Курманаево – Кинделино. Самое яркое, включает памятники гляденовской культуры (средний и поздний этап), переходные – селище Курманаево I, и памятники начала неволинского времени (комплекс Новая). Второе ядро: комплексы Калашниково – Ломотино – Забор. Его формируют объекты позднего этапа гляденовской культуры. Третье ядро: памятники неволинской культуры в среднем течении р. Сылва – городище Лобач, Посадские I и II селища, Сухой Лог I и II селища, Куделькинское I селище, Кошелевские I—V селища, могильник Сухой Лог.

Ядра расселения формируют памятники I и III кластеров, в то время как памятники II и IV кластеров разбросаны по территории. Ярче выражены первое и второе ядра, которые интерпретированы как гляденовские. Третье ядро, неволинское, не такое отчетливое. Оно находится в среднем течении р. Сылва, объекты же гляденовской культуры располагаются в нижнем течении реки. Малочисленность переходных памятников свидетельствует, что формирование неволинской культуры происходило не в поречье р. Сылва, а на ее притоках – р. Ирень и Шаква. Наличие памятников с неволинским керамическим комплексом в нижнем течении Сылвы указывает на повторное заселение территории носителями неволинской культуры в раннем средневековье. В отличие от объектов гля-

деновской культуры, которые находятся на правом берегу р. Сылва, неволинские располагаются на ее левом берегу.

Голдина Р.Д., 2022. Сылвенско-Иренское поречье в конце IV – IX в. (неволинская культура) // Археология Волго-Уралья. Эпоха Великого переселения народов. Т. 4 / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: Изд-во АН РТ. С. 471–507.

Перескоков М.Л., 2022. Среднее Прикамье в III—V вв. Поздний этап гляденовской культуры // Археология Волго-Уралья. Эпоха Великого переселения народов. Т. 4 / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: Изл-во АН РТ. С. 83–100.

И.А. Ивкин

Институт археологии РАН, Москва il.ivkin@yandex.ru

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕ-НЕМАНСКОЙ ГРУППЫ IV-IX вв.

С середины I тыс. н.э. в нижнем течении р. Неман формируется группа археологических памятников, получившая название нижне-неманская (далее — НН группа) (Ивкин, 2023. С. 110). Она включает памятники, расположенные по обе стороны Немана, и важна при изучении контактных зон соседних, более крупных культур Балтики. Начиная с XIII—XIV вв., из письменных источников известно другое название данного региона — Скаловия.

Река Неман делит ареал НН группы на две части: северная находится на территории современной Литвы, южная — на территории России. Это разделение сказалось на степени исследованности рассматриваемой культурной общности. В последней четверти XX в. литовскими учеными проведены интенсивные работы, в результате которых изучены свыше 30 памятников. Таким образом, северная часть ареала НН группы на данный момент исследована лучше, чем южная (Jovaiša 2007. Р. 20).

На севере скопления памятников наблюдаются в районе Вилкишкяйской возвышенности и вдоль правого притока Немана – р. Юра. На юге, на территории современной Калининградской области России, они расположены вдоль р. Неман, в районе ее левых притоков – Тыльжи и Шешупе. Радиус занимаемой Скаловией территории не превышает 30 км. С юга, востока и севера она изолирована от соседних регионов густыми лесами (Šimėnas, 1995. Р. 149). На западе находится широкая дельта Немана, преодолев которую, можно попасть в Куршский залив и далее в Балтийское море (Новаковски, 1997. С. 99).

Наиболее крупное скопление археологических объектов фиксируется на Вилкишкяйском хребте, последней возвышенности перед обширными низинами дельты Немана. Здесь выявлены свыше 15 городищ, валов, сторожевых укреплений, селищ, могильников и ритуальных объектов. К крупнейшим можно отнести некрополи Палумпяй/Palumpiai (нем. Polompen), Виешвиле/Viešvilė (нем. Wischwill), Видгиряй/Vidgiriai, а также городище и селище Шерейтлаукис/Šereitlaukis-II (нем. Schreitlaugken) (Šimėnas, 1998. Р. 19). Специфика расположения памятников в этой местности заключается в том, что ближе всего к Неману возводились оборонительные сооружения. За ними на расстоянии от 100 м до 5 км находятся селища и могильники, которые в целом смещены на северные склоны хребта.

Второе скопление памятников сосредоточено вдоль р. Юра. Здесь на надпойменных террасах расположены такие могильники и городища, как Дауглаукис/Dauglaukis, Шаукенай/Šaukėnai, Опланкис/Oplankys, Грейженай/Greižėnai (нем. Greiszöhnen). Вытягиваясь вдоль берегов правого притока Немана, они не слишком отдаляются от Вилкишкяйской возвышенности (Jovaiša, 2016. Р. 237, 238).

Третью группу составляют объекты, находящиеся на периферии ареала НН группы. Согласно литовскому исследователю Р. Тучасу, у скальвов была интересная осо-

бенность: иногда они организовывали дальние селища и могильники (Tučas, 2012. Р. 32). Примерами могут служить некрополь Рубокай/Rubokai на западной окраине занимаемой НН группой территории, Велуйкяй/Vėluikiai – на севере, Смаленинкяй/ Smaleninkai – на востоке.

На левом берегу р. Неман выявлено сравнительно небольшое количество памятников, которые можно объединить в одну группу. Среди них выделяются крупными размерами могильники Ржевское/Linkuhnen, (Goßler, Jahn, 2019. Р. 296), Тильзит-Сплиттер/ Tilsit-Splitter (Nowakowski, 2006. Р. 23). На них открыто большое количество комплексов от II до XII вв., что позволяет охарактеризовать материальную культуру региона, несмотря на его относительно слабую изученность. Городище Паскальвен/Paskallwen, а также недавно открытый некрополь Ливенское и селище Ржевское-3 демонстрируют перспективы поиска объектов археологического наследия на российском берегу Немана. Могильники, известные с немецких времен, подтверждают существование подобных объектов. Можно предположить, что потенциальными местами выявления новых памятников, по аналогии с ситуацией в северной части ареала НН группы, являются окрестности ярко выраженных объектов рельефа, занимаемых городищами, песчаные всхолмления вдоль р. Неман и берега его левых притоков — Тыльжи и Шешупе, как на р. Юра.

Ивкин И.А., 2023. Могильник Ливенское в контексте памятников эпохи Великого переселения народов Юго-Восточной Прибалтики // Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение. Материалы VII конференции молодых ученых / Отв. ред. В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 110–111.

Новаковски В., 1997. Земли над нижним Неманом и Самбийский полуостров в Римскую эпоху // Vakarų baltai: etnogenezė ir etninė istorija. Vilnius: Arlila. P. 99–108.

Goßler N., Jahn Ch., 2019. Wikinger und Balten an der Memel: Die Ausgrabungen des frühgeschichtlichen Gräberfeldes von Linkuhnen in Ostpreußen 1928–1939. Kiel; Hamburg: Wachholtz Murmann Publishers. 561 p.

Jovaiša E., 2007. Skalvių istorijos šaltiniai: Vėluikių kapinynas // Istorija. № 68. P. 3–20.

Jovaiša E., 2016. Military Aristocracy in Lower Nemunas // A Hundred Years of Archaeological Discoveries in Lithuania. / Eds. G. Zabiela, Z. Baubonis, E. Marcinkevičiūtė. Vilnius: Lietuvos archeologijos draugija. P. 236–247.

Nowakowski W., 2006. Eine vergessene Nekropole an der Memel – das kaiserzeitliche Gräberfeld Tilsit-Splitter // Archaeologia Lituana. T. 7. P. 23–30.

Šimėnas V., 1995. Die Wildnis und baltische Stämmegrenzen // Archaeologia Baltica. Bd. 1. P. 147–155. Šimėnas V., 1998. The Vidgiriai Cemetery // Lithuanian Archaeology: Investigations and Findings / Ed. L. Daugnora. Vilnius: Lietuvos archeologijos draugija. 31 p.

Tučas R., 2012. Evolution of population of Lithuania's territory in the 1st-12th centuries AD. Summary of Doctoral Dissertation. Vilnius. 74 p.

Д.Р. Каширин

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва deniskashirin38@gmail.com

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ТИПОЛОГИИ ЭЛЕМЕНТОВ КОНСКОГО ОГОЛОВЬЯ В САМБИЙСКО-НАТАНГИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА I – НАЧАЛА III в. н.э.

Наиболее развитые типологии варварских уздечек раннеримского времени, включающие материалы Самбийского полуострова, предложены в работах М. Орснеса (Ørsnes, 1993), С. Вильберс-Рост (Wilbers-Rost, 1994) и Н. Лау (Lau, 2014). В этих исследованиях, однако, не в полной мере отражено многообразие форм элементов оголовья и освещен характер их появления в юго-восточной Прибалтике. Актуальной задачей является восполнение пробелов в существующих типологических схемах уздечного комплекта, поводьев, декоративных элементов и ременных гарнитур, а также уточнение особенностей распространения отдельных категорий предметов.

В данной работе используются материалы 83 комплексов, происходящих с 41 могильника, в результате анализа которых дополненная типология элементов оголовья выглядит следующим образом.

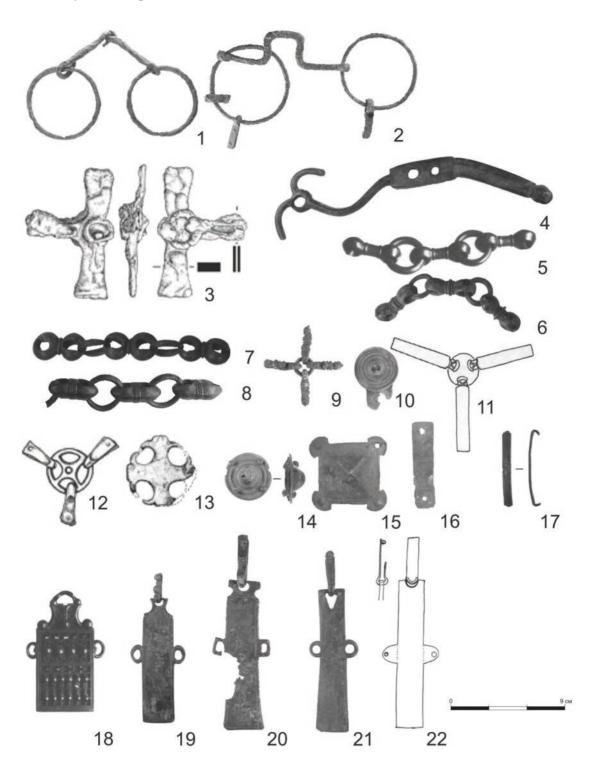

Рис. 1. Типология элементов конского оголовья.

1, 16 — Хрустальное, 34; 2, 14, 21 — Заречье; 3 — Алейка 3, 423а; 4, 6, 19 — Березовка, 23; 5, 18 — Русское; 7, 9 — Храброво, 21; 8 — Логвино; 10 — Поваровка; 11, 22 — Поваровка, 8644; 12 — Алейка 3, 418; 13 — Алейка 3, 460; 15 — Поддубное; 17, 20 — Изобильное, 1.5, 18 — без масштаба.

1, 2, 4, 6–10, 14–17, 19–21 – по: каталог MFVUF; 3, 12, 13 – по: Скворцов, 2012; 5, 18 – по: Tischler, Kemke, 1902. Taf. XII; 11, 12 – по: Stadie, 1909. S. 366.

Псалии разделены на две группы (рис. 1: 1–4). Группа 1 – кольцевидные. Были широко распространены в культурах эпохи Латена, откуда попали в римские провинции (Lawson, 1978. S. 154). Группа 2 – стержневидные. К ней относятся два типа. Тип 1, пропеллеровидный, имеет истоки в средне- и позднесарматской культурах (Lau, 2014. S. 137–139), где такие находки встречаются во второй половине II – первой половине III в. Тип 2 представлен трехдырчатыми псалиями с концом, разделенным на две части. Ранние римские аналогии этого элемента прослеживаются лишь на Балканах (Lawson, 1978. S. 155–156).

 Γ рызла (рис. 1: 1, 2). Тип 1 — одночастные с прямоугольным центральным отсеком. Появляются в эпоху Латена, а к концу I тыс. до н.э. встречаются в римских провинциях. В начале I в. н.э. такую форму перенимают германцы. Тип 2 — двухчастные. Распространяются на территории Самбии с конца II в., в позднеримское время полностью замещают олночастные.

Поводья делятся на две группы в зависимости от материала изготовления. Группа 1 – ременные, широко распространенные в Европе и реконструируемые по положению элементов уздечного комплекта. Группа 2 – металлические (рис. 1: 5–8). Разделение их на типы опирается на форму звеньев-обоймиц. Тип 1 – звенья с шаровидными выступами и длинной перегородкой. Тип 2 – с округлыми выступами и широкой перегородкой. Тип 3 – с округлыми выступами и узкой перегородкой. Тип 4 – с заостренными выступами и широкой перегородкой. Эти черты восходят к морфологическим особенностям металлических поясов среднего и позднего Латена (Lau, 2014. S. 82). Начало активного распространения подобных поводьев прослеживается в германских культурах на границе с Римской империей в I в.

Распределители ремней оголовья разделяются на три типа (рис. 1: 9–13). Наиболее распространен тип 1 — кольцевидный. Такая форма была популярна в римской армии в I в. (Deschler-Erb, 1999. S. 60–61), встречаются она и в позднем Латене. В тип 2, который можно обозначить как дисковидный, входит несколько подтипов, различаемых по оформлению держащего элемента: с профилированной, непрофилированной или ажурной пластиной. Тип 3 — крестовидный. Распределители этих типов относятся, скорее, к провинциальноримским образцам.

Накладки представлены двумя группами. Группа 1 характеризуется наличием проушин, куда вставлялись заклепки (рис. 1: 14–16). Она включает три типа изделий, разделяемых по форме. Тип 1 — умбоновидные. Тип 2 — пирамидальные. Тип 3 — подпрямоугольные. К группе 2 принадлежат изогнутые экземпляры с крепежной частью на краях пластины (рис. 1: 17). Общее оформление накладок І—ІІІ вв. достаточно схоже в разных частях Центральной Европы и связано, по-видимому, с единым провинциально-римским импульсом в І в., повлиявшим на становление варварских уздечных наборов.

Наносники (рис. 1: 18–22). Тип 1 — широкая пластина с ажурным декором. Тип 2 — вытянутая пластина с ажурным декором, занимающим часть поверхности. Тип 3 — вытянутая пластина с декором по краям изделия. Тип 4 — вытянутая изогнутая пластина без декора. Тип 5 — вытянутая пластина без декора. Формы изделий восходят к норикопаннонским образцам I в., выполненным в стиле opus interrasile и попавшим в Самбию в результате торговых контактов.

Таким образом, происхождение большинства рассмотренных элементов конского оголовья может быть связано с латенскими традициями, перенятыми и переработанными в эпоху римских влияний. Уздечный комплекс оказался сформирован в Самбии к началу II в. в результате попадания на полуостров цельных наборов в ходе торговли с римлянами или при посредничестве германцев. С течением времени отдельные его элементы постепенно заменялись более упрощенными аналогами.

Каталог MFVUF [электронный ресурс]. URL: https://recherche.smb.museum/?language=de&limit=15 &sort=relevance&controls=none&collectionKey=MVF* (дата обращения: 12.12.2024).

Скворцов К.Н., 2012. Погребения с конями I тыс. н.э. на Самбийском полуострове (могильник Алейка 3) // РА. № 3. С. 36–49.

- Deschler-Erb E., 1999. Ad arma! Römisches Militär des 1. Jahrhunderts n. Chr. in Augusta Raurica. Basel: Römerstadt Augusta Raurica. 189 S.
- Lau N., 2014. Das Thorsberger Moor. Bd. 1. Die Pferdegeschirre. Germanische Zaumzeuge und Sattelgeschirre als Zeugnisse kriegerischer Reiterei im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum. Schleswig. 581 S.
- Lawson A.K., 1978. Studien zum römischen Pferdegeschirr // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bd. 25. S. 131–172.
- Ørsnes M.K., 1993. Zaumzeugfunde des 1.–8. Jahrh. nach Chr. in Mittel- und Nordeuropa // Acta archaeologica. Vol. 64. S. 184–292.
- Stadie K., 1909. Ausgrabungen auf dem Galgenberg bei Kirpehnen, Kr. Fischhausen, im Jahre 1902 // Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia. 22. S. 365–375.
- Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg: Kommission bei Wilh. Koch. 46 S., XXX Tf.
- Wilbers-Rost S., 1994. Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania libera. Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des "Zaumzeugs mit Zügelketten". Oldenburg: Isensee. 226 S.

А.К. Косяченко

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва kosiachienko.a@mail.ru

ТЕРРИТОРИЯ ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ

Понимание процесса расселения и уточнение территории распространения памятников древнемордовского населения с применением ГИС – важная часть современной археологической науки.

Под расселением понимается процесс распределения и перераспределения населения по территории, результатом которого является сеть поселений; оно включает размещение населения, связи между населенными пунктами и миграции (Демографический энциклопедический словарь, 1985. С. 607). При изучении системы расселения древних обществ археология оперирует материальными остатками, «следами существования людей», в качестве источников для реконструкции этой системы выступают места расположения древних поселений, могильников и местонахождений. Цель настоящей работы – уточнение территории, занимаемой древнемордовским населением в Западном Поволжье в период формирования культуры (с І в. н.э.) и в эпоху Великого переселения народов (IV–VII вв.).

Одним из первых, кто обратился к анализу размещения мордовских могильников на карте, был В.Н. Шитов, который проанализировал изменения их ареала с первых веков І до середины ІІ тыс. н.э. (Шитов, 2000). В.И. Вихляев рассматривал территорию, занятую древнемордовскими могильниками ІІІ–V вв., в свете проблемы единства древней культуры (Вихляев, 2017).

Публикации, архивные отчеты, данные Археологических карт России и электронного ресурса «Археологические памятники России» стали основой для формирования базы данных, позволившей уточнить количество археологических объектов, относимых к древнемордовской культуре, и территорию ее распространения. Всего в базу включено 23 могильника, где зафиксированы погребальные комплексы II–VII вв.

Объекты из базы данных визуализированы на карте (рис. 1), которая продемонстрировала, что на правобережье Волги древнемордовские племена занимали территорию площадью примерно 115 тыс. кв. км: с севера на юг – от среднего течения Волги до Верхнего Посурья, с запада на восток — от р. Цна до р. Волга (Иваньковский могильник). В ареал культуры вошли также отдельные участки в нижнем и среднем течении Суры и на р. Теша. Субстратом, на котором формировалась рассматриваемая общность, стало население, оставившее впускные погребения Андреевского кургана (Гришаков, 2015) в І в.

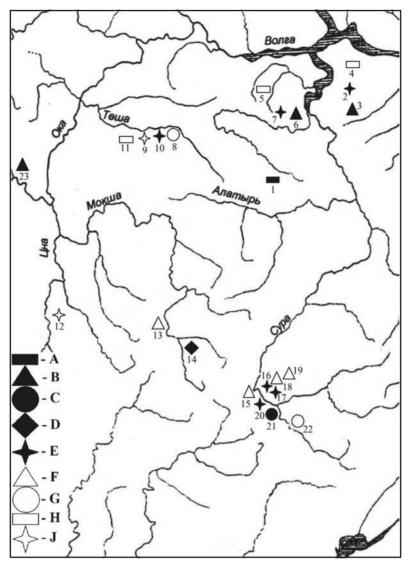

Рис. 1. Могильники древней мордвы.

1 — Андреевский курган; 2 — Таутовский; 3 — Сендимирский; 4 — Иваньковский; 5 — Волчихинский; 6 — Сергачский «Кожина слобода»; 7 — Сергачский «Святой ключ»; 8 — Абрамовский; 9 — Стёксовский; 10 — Хохловский; 11 — Погибловский; 12 — Серповский; 13 — Тезиковский; 14 — Ражкинский; 15 — Алферьевский; 16 — Пензенский; 17 — Селиксенский; 18 — Селикса-Трофимовский; 19 — Степановский; 20 — Усть-Узинский; 21 — Шемышейский; 22 — Армиевский; 23 — Михайловский.

A — I–II вв.; В — II–III вв.; С — II–IV вв.; D — II–VI вв.; Е — III–IV вв.; F — IV–V вв.; G — IV–VII вв.; H — V–VII вв.; J — VI–VIII вв.

Во II в. образовались Ражкинский, Шемышейский, Сендимирский и Сергачский («Святой ключ») могильники, расположенные в верхнем и нижнем Посурье и на р. Мокша. В III в. носители древнемордовских традиций начали освоение р. Теша (Стёксовский могильник), увеличилось количество памятников в верхнем и нижнем Посурье. В IV–V вв. особых изменений ареала не прослеживается. В VI–VII вв. прекращает функционировать значительная часть могильников южной группы (Вихляев, 2013).

Анализ карты показывает, что обозначенная территория была занята древнемордовским населением не полностью. Можно выделить две зоны концентрации памятников – северную и южную. В каждой из них могильники разделяются две группы: в северной – на северо-западную в среднем течении р. Теша (Абрамовский, Хохловский, Погибловский и Стёксовский) и северо-восточную в Попьянье (Иваньковский, Таутовский, Сендимирский, Волчихинский, Сергачский «Кожина Слобода», Сергачский «Святой ключ» и

Андреевский курган); в южной – на юго-западную в Примокшанье (Тезиковский и Ражкинский) и юго-восточную, в которую входят памятники на верхней Суре (Пензенский, Селиксенский, Селикса-Трофимовский, Степановский, Алферьевский, Усть-Узинский, Шемышейский и Армиевский).

Таким образом, визуализация базы данных по памятникам древней мордвы позволила проследить процесс освоения территорий, уточнить и разделить на части ареал древнемордовской культуры на раннем этапе ее существования.

- Вихляев В.И., 2013. Расселение мордвы в III начале XIII в. // Поволжская археология. № 2 (4). С. 162-170.
- Вихляев В.И., 2017. Могильники мордвы III–V вв. и проблема единства древней культуры // Поволжская археология. № 1 (19). С. 205–215.
- Гришаков В.В., 2015. Интерпретация андреевских древностей в контексте формирования древнемордовской культуры // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. № 2 (34). С. 16–23.
- Демографический энциклопедический словарь, 1985 / Гл. ред. Д.И. Валентейн. М.: Советская энциклопедия. 607 с.
- Шитов В.Н., 2000. Расселение древней мордвы (по материалам погребальных памятников) // Финно-угорский мир: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов / Отв. ред. Н.М. Арсентьев. Саранск: Типография «Красный Октябрь». С. 52–60.

А.Е. Петрова

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва petrova.anna.01@bk.ru

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ МОРДВЫ

Временем формирования древнемордовской культуры считаются III–V вв., когда складываются основные признаки погребального обряда и материальной культуры, присущие ей на протяжении всего периода существования (Вихляев, 2017. С. 214).

В археологической литературе принято выделять северную и южную группы древнемордовских погребальных памятников (рис. 1). К южной относятся могильники, расположенные в бассейнах Верхней Суры и Мокши на территории современной Пензенской области, в 70-80-е годы XX в. исследованные М.Р. Полесских: Старший Селиксенский, Степановский, Алферьевский, Шемышейский, Армиевский, Усть-Узинский 2, Селикса-Трофимовский, Ражкинский и Тезиковский. Частичная публикация их материалов и разработка хронологии предприняты В.И. Вихляевым (Вихляев, 1977. С. 25–28). К северной группе принадлежат могильники, находящиеся в современной Нижегородской области: Абрамовский и Стёксово 2. С учетом расположения относительно южной группы к ним можно добавить Таутовский, Сергачский Старший, Сергачский Младший некрополи и Сендимиркинский, недавно открытый в бассейне Нижней Суры на территории современной Чувашии.

Более полно исследованы памятники южной группы, что уже отмечалось исследователями (Гришаков, Седышев, 2017. С. 73). Одной из причин меньшего внимания к материалам северной группы, вероятно, является немногочисленность погребений III–V вв., которая затрудняет типологические построения и хронологические реконструкции. До недавнего времени было известно всего 9 комплексов рассматриваемого периода в Абрамовском могильнике (Ставицкий и др., 2012), 5 – в Стёксово II (Мартьянов, Егошин, 2014), 1 – в Таутовском (Мясников, 2013), 5 – в Сергачском Старшем (Гришаков, 2010) и 3 – в Сергачском Младшем (Шитов, 1988). Сендимиркинский могильник, открытый в 2010 г. (Михайлов и др., 2015), содержит 80 захоронений этой эпохи. Таким образом, без учета последнего памятника, материалы которого пока не опубликованы, в северной группе древнемордовских некрополей имеется всего 14 погребальных комплексов III–V вв.

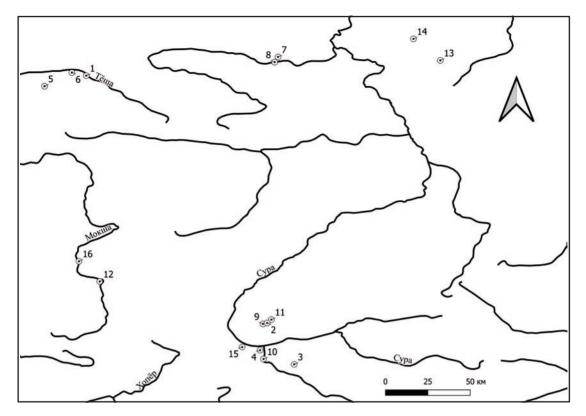

Рис. 1. Могильники древней мордвы.

1 — Выездное 1; 2 — Селикса-Трофимовский; 3 — Армиевский; 4 — Шемышейский; 5 — Стёксово 2; 6 — Абрамовский; 7 — Сергачский Старший; 8 — Сергачский Младший; 9 — Старший Селиксенский; 10 — Алферьевский; 11 — Степановский; 12 — Ражкинский; 13 — Сендимиркинский; 14 — Таутовский; 15 — Усть-Уза 2; 16 — Тезиковский.

В 2023 г. в ходе спасательных археологических исследований вблизи г. Арзамас открыт новый древнемордовский могильник — Выездное 1¹. На нем раскопано 60 погребений, которые предварительно датированы III—IV вв. К настоящему моменту нами обработано 25 из них, в том числе 11 женских, 2 мужских и 12 неопределенных. Половая принадлежность установлена, исходя из сопроводительного инвентаря умершего.

Несмотря на небольшой размер выборки, можно отметить некоторые общие признаки обряда: захоронения представляют собой трупоположения, совершены в грунтовых ямах подпрямоугольной формы, расположенных рядами. Средняя длина ям составляет 2,2 м, ширина – 0,5 м. В случаях, где костяк сохранился, преобладает вытянутое на спине положение с руками в области живота. Большинство погребенных положены головой на запад, иногда с небольшим отклонением к северу. В шести случаях они лежат по оси юго-восток – северо-запад, в двух ориентированы строго на север. Данный признак характерен для рассмотренных выше древнемордовских могильников северной группы; ориентировка умершего головой на север считается одним из главных признаков, отличающих северную мордву от южной (Алихова, 1959. С. 13).

Женщины захоронены в богатом уборе, в состав которого входят височные подвески с грузиком, накосники, бляхи нагрудные и головные, шейные гривны, бусы, перстни, браслеты, сюльгамы и украшения ног. Среди сопроводительного инвентаря встречаются пряслица и ножи. Из деталей мужского костюма в комплексах присутствуют только сюльгамы, в составе инвентаря отмечены удила, ножи, пешни, копья. И в мужских, и в женских погребениях в изголовье фиксируются лепные сосуды.

Все найденные украшения имеют аналогии в материалах культуры рязано-окских могильников и синхронных древнемордовских памятниках (Вихляев и др., 2008.

¹ Выражаю благодарность Межрегиональному Центру Археологических Исследований (МЦАИ) за возможность работать с материалами.

С. 11–62). Так, например, в погребениях 1738, 1875, 1865, 1956.1 и 1953 представлены пары спиральных височных привесок с грузиками, которые являются главным этнокультурным признаком древнемордовской культуры (Алихова, 1959. С. 15). Они относятся к типу 1А1 и датируются концом III — первой половиной IV в. (Вихляев и др., 2008. С. 132).

Могильник Выездное 1 перспективен для изучения ранних периодов развития древней мордвы, а также для выявления особенностей, отличающих культуру северной и южной групп древнемордовских памятников.

- Алихова А.Е., 1959. Из истории мордвы конца I начала II тыс. н.э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск. 208 с. (Археологический сборник. Т. 2).
- Вихляев В.И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: Мордовский гос. ун-т. 99 с.
- Вихляев В.И., 2017. Могильники мордвы III–V вв. и проблема единства древней культуры // Поволжская археология. №. 1 (19). С. 205–215.
- Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск. 349 с.
- Гришаков В.В., 2010. Сергачский могильник «Кожина слобода» в системе памятников андреевско-писеральского горизонта // Пензенский археологический сборник. Вып. 3. Пенза: ПИРО. С. 103–120.
- Гришаков В.В., Седышев О.В., 2017. Основные тенденции генезиса археологических культур на территории Мордовского края в раннем железном веке и на начальном этапе Великого переселения народов // Манускрипт. №. 2 (76). С. 68–74.
- Мартьянов В.Н., Егошин А.Л., 2014. Могильник Стёксово II // Поволжская археология. №. 4 (10). С. 82–96.
- Михайлов Е.П., Мясников Н.С., Березина Н.С., 2015. Сендимиркинский грунтовый могильник новый памятник конца раннего железного века в Чувашском Поволжье (по материалам исследований 2012 г.) // Чувашская археология. Вып. 2 / Ред. Н.С. Березина. Чебоксары: ЧГИГН. С. 54–78.
- Мясников Н.С., 2013. Таутовский могильник железного века в Чувашии в контексте древнемордовской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 9. Тверь: «Триада». С. 436–444.
- Ставицкий В.В., Мясникова О.В., Сомкина А.Н., 2012. О датировке ранних погребений Абрамовского могильника // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. № 3 (23). С. 116–123.
- Шитов В.Н., 1988. Сергачский могильник «Святой ключ» // Материалы по археологии Мордовии / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 134—141 (Тр. НИИЯЛИЭ. Вып. 85).

А.В. Письмарова

Институт археологии РАН, Москва Pismarova1407@gmail.com

БУСЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ДНЕПРОВСКИХ КЛАДОВ ІІ ГРУППЫ

Бусы из днепровских раннесредневековых кладов II группы, по О.А. Щегловой (Щеглова, 1990. С. 173), остаются малоисследованной категорией материала, которой посвящена лишь одна специальная работа (Дідик, 2013). Общая характеристика и выявление особенностей этих украшений — актуальная задача их изучения на современном этапе.

Вещи из кладов II группы, типа Пастырских и Харьевского, принято датировать второй половиной VII – первой половиной VIII в. (Родинкова, 2011. С. 247). Набор бус в них отличается разнообразием материалов и типов.

Среди монохромных стеклянных представлены экземпляры усеченной и удлиненной цилиндрической формы, шаровидные и усеченно-шаровидные, округлые мелкие многочастные и одна биконическая бусина. Имеются двухчастные изделия с золотой прокладкой. Цветовая палитра неорнаментированных образцов включает голубой, белый, темносиний, зелено-голубой, красно-коричневый, черный цвета.

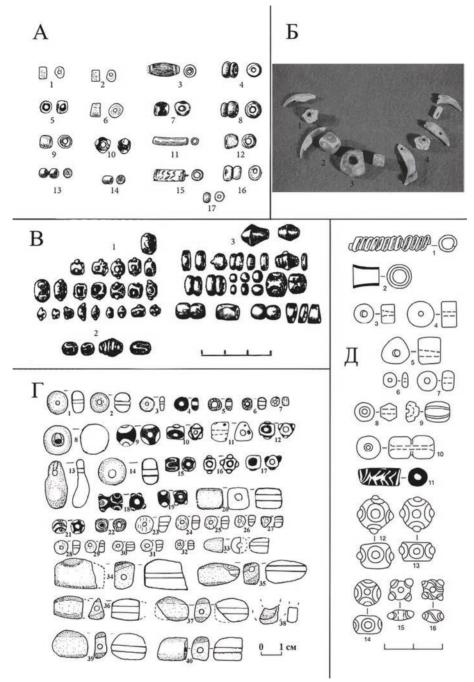

Рис 1. Бусы днепровских раннесредневековых кладов ІІ группы.

А — Пастырский клад 1949 г. (по: Брайчевский, 1952. Табл. IV); Б — Пастырский клад 1992 г. (по: Приходнюк, 2005. Фото 51); В — Зайцевский клад (по: Корзухина, 1996. Табл. 106: 18); Г — Короповский клад (по: Дідик, 2013. С. 151); Д — клад с городища Короповы Хутора (по: Колода, 2016. Рис. 3; 4).

В целом монохромные мелкие бусы из стекла являются продуктом массового производства и были широко распространены. Так, например, мелкий бисер зеленого, синего и черного цветов встречается и в днепровских кладах I хронологической группы (типа Мартыновского).

Особого внимания заслуживают полихромные бусы. Преобладают экземпляры с глазчатым орнаментом — выпуклыми или плоскими глазками, образованными каплями размягченного стекла. Встречаются однослойные и многослойные глазки. Иногда они помещены внутрь кругов, образованных стеклянными полосами (рис. 1Б: 1, 4; 1В: 1; 1Д: 12–14). Другой вариант декора — стеклянные нити, наложенные на тело бусины по

кругу в виде волны или по спирали (рис. 1A: 15; 1B: 2; 1Г: 15; 1Д: 11). Пара экземпляров с волнистым орнаментом украшена также глазками (рис. 1Б: 2; 1Д: 16). Все глазчатые изделия имеют шаровидную или близкую к ней форму, образцы со спиральным декором – удлиненно-цилиндрические (рис. 1A: 15; 1Д: 11).

Полихромные бусы с глазками находят многочисленные аналогии в аварских древностях последней четверти VI — третьей четверти VII в. (Pásztor, 2008. S. 323. Ab. 2). Похожие украшения известны среди материалов Юго-Восточной Европы (Ковалевская, 2000. С. 49. МЕР 175, 176; Айбабин, Хайрединова, 2008. Табл. 183: 41, 42; 185: 9–11), в лангобардских комплексах Италии конца VI в. (Лангобарды, 2018. С. 120), среди аламаннских, баюварских древностей Центральной Европы VI–VII вв. (Косh, 1977. Farbtafel 2; 3; Gutsmiedl-Schümann, 2012. S. 17), на памятнике вендельского периода (550–800 гг.) в Финляндии (Digital collection...).

Янтарные бусы в кладах II группы представлены гранеными образцами нечеткой формы (рис. 1Б: 3; 1Г: 34–40). В.В. Дидык рассматривает их как хроноиндикаторы второй половины VII – середины VIII в., но такие украшения были распространены и раньше (с VI в.), что подтверждают материалы славянских древностей (Володарец-Урбанович, Нестеровский, 2022. С. 38), могильника у с. Лучистое (Айбабин, Хайрединова, 2008. Табл. 54: 4; 138: 2h) и Прикамья (Голдина, 2010. С. 53).

В Короповском кладе присутствуют три изделия из сердолика округлой симметрично усеченной формы (рис. 1Г: 1–3). Увеличение количества сердоликовых украшений в Юго-Восточной Европе отмечается во второй половине I тыс., на крымских памятниках — со второй половины VII в. (Письмарова, 2024. С. 253). С учетом того, что всего в Короповском кладе 54 бусины, доля сердоликовых экземпляров представляется не такой низкой. Для сравнения, среди более чем 4500 бус из всех известных кладов типа Мартыновского только одна — из сердолика (Письмарова, 2024. С. 247), причем ее морфология отличается от тех, что найдены в Короповском комплексе.

Таким образом, преимущественно набор бус из кладов II группы не имеет аналогий в предшествующих комплексах в Поднепровье, хотя некоторые их типы демонстрируют преемственность. Близкие параллели наиболее выразительным для сокровищ типа Пастырских глазчатым бусам прослеживаются в аварских древностях более раннего времени, что обусловливает необходимость дальнейшего изучения этих материалов.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А., 2008. Могильник у села Лучистое. Раскопки 1977, 1982—1984 годов. Т. 1. Симферополь; Керчь: АДЕФ-Україна. 334 с.

Брайчевский М.Ю., 1952. Пастирський скарб 1949 р. // Археологія. Т. VII. С. 161–173.

Володарець-Урбанович Я.В., Нестеровський В.А., 2022. Бурштинові намистини із слов'янських ранньосередньовічних пам'яток: аналіз джерельної бази // Археологія. № 3. С. 32–57.

Голдина Е.В., 2010. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX вв.). Ижевск: УдГУ. 264 с.

Дідик В.В., 2013. Намисто ранньосередньовічного Коропівського скарбу // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 3. / Упоряд. Г.Є. Свистун. Харків: Видавець Савчук О.О. С. 52–57.

Ковалевская В.Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Вып. 2. Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 364 с.

Колода В.В., 2016. «Антський скарб» з городища Коропові Хутори на Харківщині // Вісник Інституту археології Львівського національного університету імені Івана Франка. Вип. 11. С. 66–67.

Корзухина Г.Ф., 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Вып. V / Ред-сост. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 352–435.

Лангобарды. Народ, изменивший историю: каталог выставки, 2018 / Отв. ред. А.А. Иконников-Галицкий. СПб.: ГЭ. 464 с.

Письмарова А.В., 2024. Каменные бусы VI–VII вв. на памятниках Юго-Западного Крыма с фибулами днепровского круга // XXV Боспорские чтения / Ред.-сост. В.Н. Зинько, А.В. Зинько. Симферополь; Керчь. С. 247–260.

- Приходнюк О.М., 2005. Пастирське городище. Київ; Чернівці: Зелена Буковина. 244 с.
- Родинкова В.Е., 2011. Женский костюм днепровских племен в эпоху Великого переселения народов: современное состояние исследований // Новые исследования по археологии стран СНГ и Балтии. М.: ИА РАН. С. 239–265.
- Щеглова О.А., 1990. О двух группах кладов «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья / Отв. ред. Р.В. Терпиловский. Курск: Курское отделение Всероссийского фонда культуры. С. 162–204.
- Digital collection. Glass Beads // The National Museum of Finland [электронный ресурс]. URL: https://www.kansallismuseo.fi/en/digitaalinen-kokoelma/aarteita-suomen-kansallismuseonnayttelyissa/esihistoria/lasihelmet (дата обращения: 24.10.2024).
- Gutsmiedl-Schümann D., 2012. Das frühmittelalterliche Gräberfeld Aschheim-Bajuwarenring Einblicke zur Bevölkerung der Merowingerzeit // Jahresschrift des Bajuwarenhofs Kirchheim 2011. S. 11–33.
- Koch U., 1977. Das Reihengräberfeldbei Schretzheim. Germanische Denkmäler der Völkerwanderungszeit. Series A. Vol. 13. Part 2: Catalog and Plates. Berlin: Mann. 148 p.
- Pásztor A., 2008. Ergebnisse der typochronologischen Untersuchung awarenzeitlicher Perlenfunde in Ungarn Perlentracht in der Früh- und Mittelawarenziet // Antaeus. 29–30. S. 307–324.

А.А. Пичугина

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва ann.p.al@mail.ru

КЕРАМИКА ЗИЛЬГИНСКОГО ГОРОДИЩА ИЗ РАСКОПА КР-2¹: ОПЫТ АНАЛИЗА МАССОВОГО МАТЕРИАЛА

На сегодняшний день поселенческие памятники аланской археологической культуры исследованы в незначительном объеме. Один из раскопанных наиболее полно — Зильгинское городище. Анализ происходящего с него массового материала позволит реконструировать жизнь населения предгорий и равнин Центрального Предкавказья во II–IV вв.

Крупномасштабные раскопки Зильгинского городища проведены в 1986—1991 гг. под руководством А.А. Аржанцевой, С.Ю. Внукова, Э.Д. Зиливинской, С.Б. Дзуцева, Н.И. Гиджрати и Д.В. Деопика (Аржанцева, 1986; 1987; 1989; Зиливинская, Дзуцев, 1988; Аржанцева, Внуков, 1990; Внуков, 1990; Дзуцев, 1990; Гиджрати, 1991). Полевые работы затронули как центральную часть памятника, цитадель, так и жилой Холм V, «посад». Коллекцию массового материала составили около 70 тысяч профилированных фрагментов сосудов, для обработки которых Д.В. Деопиком была создана типология керамики (Деопик, 1988. С. 171—200; Аржанцева, Деопик, 1989. С. 85—100). Эти исследования предоставили основания для пересмотра хронологической атрибуции аланской культуры и выделения раннего этапа ее существования во II—IV вв. (Аржанцева, Малашев, 1999. С. 162—165; Габуев, Малашев, 2009. С. 144—150).

В основу нашего анализа массового материала легли подробные керамические описи находок из раскопа КР-2 и типология керамики Д.В. Деопика. Раскоп КР-2 выбран как наиболее репрезентативный, потому что заложен в центральной части городища и исследован до материка. Мощность культурного слоя в нем составляет до 3 м.

Создана база данных находок Зильгинского городища, включающая весь керамический материал из раскопа KP-2 — 12 тыс. фрагментов. Предварительные результаты его стратиграфического и планиграфического анализа свидетельствуют, что наиболее массовые типы сосудов местного производства — горшки (5027 фр.), кувшины (3796 фр.), кружки (3261 фр.) и миски (1567 фр.). Среди горшков самая устойчивая форма — горшок чернолощеный (далее ГЧ), тип 1, она встречается во всех слоях. ГЧ8 и ГЧ12 на более поздних этапах вытесняются формой ГЧ6. Амфоры, так же как пифосы, фиксируются во всех горизонтах. Их использование, однако, значительно сокращается к верхней части напластований (к IV в.), что может быть следствием уменьшения объемов тор-

 $^{^{1}}$ «Карьер Раскоп-2» на жилом Холме V Зильгинского городища.

говли. Видимо, эти формы заменяются горшками больших объемов (ГЧ6) и двуручными сосудами.

Большая плотность массового материала — 2324 фр. керамики — приходится на слой 7 (II—III вв.). Здесь представлены сосуды и местного, и не местного производства: пифосы, красноглиняные кувшины и амфоры. С учетом того, что общая площадь городища в указанный период достигла не менее чем 38,5 га (Коробов и др., 2021), его можно считать временем наибольшего расцвета Зильгинского городища.

- Аржанцева И.А., 1986. Отчет о работах на Зилгинском городище в Правобережном районе Северо-Осетинской АССР в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13139.
- Аржанцева И.А., 1987. Отчет о работах на Зилгинском городище в Правобережном районе Северо-Осетинской АССР в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13142.
- Аржанцева И.А., 1989. Отчет о работах на Зилгинском городище за сезон 1989 г. Раскоп № 2. Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 15456.
- Аржанцева И.А., Внуков С.Ю., 1990. Отчет о работах на Зилгинском городище в 1990 г. (Северо-Осетинская АССР). Т. 1 // Архив ИА РАН. Р-1. № 17114.
- Аржанцева И.А., Деопик Д.В., 1989. Зилги городище начала І-го тысячелетия н.э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций Древнего и Средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов (Археологические источники) / Отв. ред. Г.А. Кошеленко, С.А. Узянов. М.: Наука. С. 75–107.
- Аржанцева И.А., Малашев В.Ю., 1999. Зильгинское городище и проблема аланского протогорода I тыс. н.э. на Северном Кавказе // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Тезисы докладов юбилейной конференции, посвященной 60-летию Кафедры археологии Исторического факультета МГУ (Москва, 20–24 декабря 1999 г.) / Ред. А.Р. Канторович. М.: МГУ. С. 162–165.
- Внуков С.Ю., 1990. Отчет о работах на Зилгинском городище в 1990 г. (Северо-Осетинская АССР). Т. 6. Описи керамики и находок // Архив ИА РАН. Р-1. № 17075.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.
- Гиджрати Н.И., 1991. Отчет о работах на Зилгинском сармато-аланском городище в 1991 г. (Республика Северная Осетия) // Архив ИА РАН. Р-1. № 18273.
- Деопик Д.В., 1988. Керамика центрального Предкавказья в I–IV вв. н.э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Ч. II / Отв. ред. С.В. Волков, А.А. Наймарк, П.Д. Сахаров. М.: Наука. С. 171–220.
- Дзуцев С.Б., 1990. Отчет о работах на Зилгинском сармато-аланском городище (Северная Осетия) за сезон 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. \mathbb{N} 19034.
- Зиливинская Э.Д., Дзуцев С.Б., 1988. Отчет о работах на Зилгинском городище Правобережного района Северо-Осетинской АССР в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13427.
- Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й.В.Е., 2021. Работы на Зильгинском городище и Бесланском могильнике: новые методы обследования // Эпоха всадников на Северном Кавказе: к 90-летию Веры Борисовны Ковалевской / Ред. З.Х. Албегова, Д.С. Коробов, А.В. Мастыкова. М.: ИА РАН. С. 151–171.

А.И. Ферапонтов

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва ferapontov00@inbox.ru

САЛТОВСКИЕ ПОЯСНЫЕ НАКЛАДКИ С ПАЛЬМЕТТОЙ В МОГИЛЬНИКАХ ФИННО-УГРОВ ПОВОЛЖЬЯ VIII–IX вв.

Украшения, выполненные в салтовском стиле, бытовали по всей Восточной Европе в VIII–IX вв. Среди них выделяются пояса с накладками с подвижным кольцом, декорированные растительным орнаментом в виде трилистника-пальметты.

Раннесредневековые поясные гарнитуры изучаются достаточно давно, но отдельно салтовские накладки рассматривалось редко, хотя отмечалось их широкое бытование (Ковалевская, 2000. С. 143–175). На наш взгляд, они заслуживают отдельного внима-

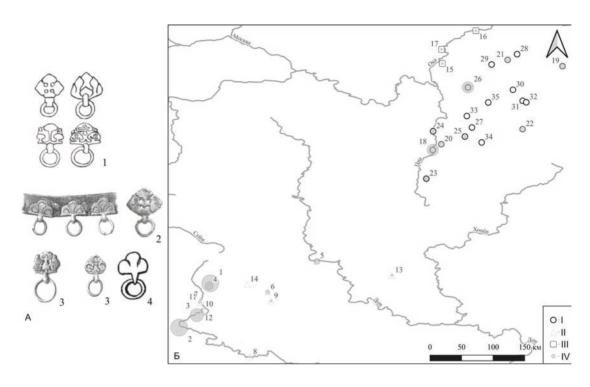

Рис. 1. Поясные накладки салтовского типа с кольцом (А) и памятники мордвы (Б).

А. 1 — Дмитровский могильник (по: Плетнева, 1989); 2 — Крюково-Кужновский могильник (по: Материалы по истории мордвы, 1952); 3 — Лядинский могильник (по: Ястребов, 1893); 4 — Лядинский могильник (по: Воронина, 2007).

Б. I- памятники мордвы; II- памятники салтово-маяцкой культуры; III- могильники муромы; IV- наличие салтовских поясных накладок с кольцом.

1 — Дмитровский; 2 — Сухогомольшанский; 3 — Нетайловский; 4 — Ржевка; 5 — Маяцкий; 6 — Мандровский; 7 — Салтовский; 9 — Подгоровский; 10 — Пятницкое-1; 11 — Старый Салтов; 12 — Кицевка; 13 — Воробьевка; 14 — Нижне-Лубянский; 15 — Нижняя Верея; 16 — Звягинский ІІ; 17 — Подболотьевский; 18 — Крюково-Кужновский; 19 — Перемчалкинский; 20 — Елизавет-Михайловский; 21 — Стёксово ІІ; 22 — Красный Восток; 23 — Лядинский; 24 — Томниковский; 25 — Пановский; 26 — Шокшинский; 27 — Старобадиковский І, ІІ; 28 — Абрамовский; 29 — Старший Кужендеевский; 30 — Пурдошанский; 31 — Краснослободский; 32 — Старозубаревский; 33 — Журавкинский ІІ; 34 — Малоижморский; 35 — Шалинский.

ния, поскольку являются важным хронологическим маркером. Наборы салтовского типа появляются в погребениях в VIII–IX вв., позже их сменяют мадьярские пояса (Зеленцова, 2018).

В настоящей работе анализируется распространение накладок с подвижным кольцом и трилистником, которое позволит оценить степень влияния салтовской традиции на финно-угорские племена. Для этого картированы поясные наборы из салтово-маяцких, мордовских и некоторых сопредельных могильников VIII—IX вв. (рис. 1Б). Выборку составили материалы из публикаций и отчетов, хранящихся в архиве ИА РАН.

Больше всего салтово-маяцких погребений с накладками известно в Верхне-Салтовском IV (7), Дмитровском (11), Сухогомольшанском (8), Нетайловском (8) могильниках (Аксенов, Михеев, 2006; Плетнева, 1989). На мордовской территории значительное число таких вещей происходит с памятников, расположенных на средней Цне, таких как Крюково-Кужновский (8 погребений), Лядинский (3 погребения), Елизавет-Михайловский (3 погребения) некрополи. Несколько поясов найдены в 3 захоронениях могильника Красный Восток, свыше 10 их присутствует в Шокшинском могильнике (Шокшинский могильник, 2023; Ястребов, 1893). В Среднем Посурье заметное количество наборов с накладками имеется в Стёксово II (3 погребения) (Мартьянов, 2000). Единичные находки

известны на территории муромы, в Нижней Верее, Подболотьевском и Звягинском 2¹ могильниках. Встречаются они и на достаточно удаленных памятниках, например, в Белозерье (Кладовка I, II) (Милованова, 2021).

В ряде могильников (Журавкинский II, Старобадиковский I, II) такие бляшки в составе ременной гарнитуры отсутствуют (Петербургский, 1975). У лядинских и перемчалкинских экземпляров декор упрощается (рис. 1А: 1, 3, 4) (Воронина, 2007. С. 29. Рис. 14: 13). Весьма удаленными от классических салтово-маяцких образцов выглядят накладки из Стёксово II (Мартьянов, 2000), погребений 117, 894, 1028 Шокшинского некрополя (Шокшинский могильник, 2023. Рис. 140; 249). Накладки же из Крюково-Кужновского, Елизавет-Михайловского могильников явно более высокого качества, вероятно, импортные (Материалы по истории мордвы, 1952; Воронина, 2005) (рис. 1А: 2).

Наличие такого импорта на приграничных мордовских территориях связано с воинской культурой. В VIII–X вв. у мордвы четко прослеживается усиление роли ополчения или профессиональной дружины (Зеленеев, Зеленцова, 2012). Почти во всех погребениях пояса с накладками встречаются вместе с двумя и более видами предметов вооружения (обычно ножи и топоры-кельты).

Наибольший процент мужских погребений с оружием отмечается в южных могильниках (Зеленцова, 2018). По предположению С.А. Плетневой, количество бляшек в салтово-маяцкой культуре отражало знатность воина (Плетнева, 1989), хотя у мордвы пояса есть и в относительно бедных погребениях, где из инвентаря присутствует только нож (Зеленцова, Сапрыкина, 2013).

Таким образом, концентрация ременных гарнитур с накладками салтово-маяцкого типа на южных могильниках мордвы объясняется близостью степной зоны, где располагался Хазарский каганат и, как следствие, большей милитаризацией населения указанной территории.

Аксенов В.С., Михеев В.К., 2006. Население хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. Киев; Харьков. 305 с. (Хазарский альманах. Т. 5).

Воронина Р.Ф., 2005. Южные и степные влияния в культуре среднецнинской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. Вып. 218. С. 98–108.

Воронина Р.Ф., 2007. Лядинские древности. М.: Наука. 164 с.

Зеленеев Ю.А., Зеленцова О.В., 2012. Средневековая мордва по археологическим данным // Поволжская археология. № 1 (1). С. 37–47.

Зеленцова О.В., 2018. Поясные наборы «венгерского» облика из могильников поволжских финнов Правобережья Волги // III Международный мадьярский симпозиум. Будапешт, 6—10 июня 2016 г. / Ред. А. Türk, А.С. Зеленков. Budapest. S. 280—301 (Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia. 12).

Зеленцова О.В., Сапрыкина И.А., 2013. Критерии выделения статусных погребений на основе комплексного анализа поясных наборов VIII–XI вв. по материалам мордовских могильников // КСИА. Вып. 229. С. 84–90.

Ковалевская В.Б., 2000. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. Вып. 2. Хронология восточноевропейских древностей V–IX вв. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 364 с.

Мартьянов В.Н., 2000. Отчет о раскопках могильника Стёксово II в Ардатовском районе в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22344.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Крюково-Кужновский могильник. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова, 1952 // Моршанск: Моршанский краеведческий музей. 232 с.

Милованова М.П., 2021. Металлические детали ременной гарнитуры могильников Крутика IX – начала XI в. (Кладовка I, II) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 11 / Отв. ред. Н.А. Макаров, сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 21–37.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитровский археологический комплекс. М.: Наука. 286 с.

 $^{^{1}}$ Выражаю благодарность О.В. Зеленцовой за возможность работать с материалами раскопок.

Петербургский И.М., 1975. Отчет о раскопках Старобадиковского и II Журавкинского могильников в Зубово-Полянском районе в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6003.

Шокшинский могильник. Материалы раскопок 1983–1993, 1995 гг., 2023 / Сост. О.В. Зеленцова, С.В. Видяйкин, Е.Н. Кемаев, А.С. Пронин, Ю.Г. Григорьев, Р.Е. Головин. Саранск: НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. Т. 1. 480 с.; Т. 2. 480 с.

Ястребов В.Н., 1893. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // МАР. № 10. СПб.: тип. И.Н. Скороходова. 113 с.

Л.Р. Халимуллина

Институт археологии РАН, Москва Khalimullina.liliya@mail.ru

ПАМЯТНИКИ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДГОРНОЙ ЧАСТИ САМАРСКОЙ ЛУКИ: ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ

Памятники именьковской культуры, датируемые III–VII вв., расположены на обширной территории Среднего Поволжья. Южной границей их ареала является Самарская Лука. Наиболее исследованным принято считать микрорегион в ее подгорной части.

Значительное число именьковских памятников изучено раскопками, результаты которых нашли отражение в археологических отчетах и публикациях Г.И. Матвеевой (Матвеева, 1975; История Самарского Поволжья, 2003. С. 113–134), Р.С. Багаутдинова (Багаутдинов, Никитина, 2013. С. 163), Д.А. Сташенкова (Сташенков, 2009) и других исследователей. Система расселения в перечисленных работах не рассматривается. Ее анализ проведен Л.А. Вязовым, который сделал вывод о том, что памятники образуют пять «гнезд», и реконструировал трехуровневую систему расселения как отражение социальной структуры именьковских обществ (Вязов, 2007. С. 62).

Результаты новых полевых работ делают актуальным повторное обращение к этим материалам. Перспективным представляется также применение инструментов ГИС-анализа на макроуровне, которые ранее для памятников именьковской культуры не использовались. Исследование проведено на базе программного обеспечения Esri ArcGIS и состоит из следующих этапов: уточнение архивно-библиографических сведений о расположении и культурно-хронологической интерпретации памятников; анализ плотности распределения памятников с радиальным ограничением 5 км; моделирование оптимальных путей от селищ к городищам, между городищами и от всех памятников к источникам воды; анализ зон видимости. Геоинформационную основу работы составила цифровая модель рельефа региона (FABDEM, Бристольский университет).

Всего на территории Самарской Луки известно более 60 памятников (Сташенков, 2010), в подгорной части — 26. Большинство из них представлено неукрепленными поселениями (23), примыкающими к городищам (4) (Вязов, 2007. С. 66). Полевые работы последних лет, осуществлявшиеся под руководством Е.В. Волковой, продемонстрировали отсутствие именьковского материала на городище Манчиха, относимом ранее к рассматриваемой культурной общности (Волкова, 2019. С. 59). Часть памятников (Новинковское I (III–IV вв.) и V, Выползовское, Карлинское I (V–VI вв.) и Подгорское селища) отнесены к раннему этапу именьковской культуры на основе анализа материала, структуры застройки поселений, а также радиоуглеродного датирования (Сташенков, 2010; 2014).

Анализ плотности распространения неукрепленных поселений продемонстрировал существование двух крупных зон плотного заселения: северо-восточной (7 памятников) и южной (18 памятников). Расстояние между ними составляет около 5 км. Образующие их памятники, в свою очередь, разделяются на 4 меньших группы: первая – у городища Ош-Пандо-Нерь (8 селищ), вторая – к востоку от первой (7 селищ), третья – у городища Торновое II (2), четвертая – к востоку от третьей (3). Селище Подгоры примыкает к городищу Белая гора, а селища Выползово I и II расположены цепочкой от Подгорского селища с севера на юг на расстоянии около 3 км друг от друга и от ближайших памятни-

ков. Эти объекты группы не образуют. Стоимостное расстояние между городищами – 11 и 13 км.

Все неукрепленные поселения имеют в доступе, на расстоянии до 1 км (18 — на расстоянии до 250 м), источник воды в виде старичных озер или небольших притоков Волги. Ни с одного городища, однако, оптимальных путей к воде не выявлено.

Анализ зон видимости демонстрирует наличие с городищ обширного обзора на пойменную часть Самарской Луки. В зону видимости каждого из них входит от 6 до 12 селищ. Суммарно все селища видны с городищ, но эти выводы нуждаются в натурной проверке.

Расстояние между крупными районами плотного расположения поселений соответствует радиусу общей ресурсной зоны (по 5 км) (Roberts, 1996. Р. 30. Fig. 2.5), что свидетельствует в пользу синхронности памятников. Расстояние между группами 1 и 2, однако, может отражать разновременность их существования в рамках раннего этапа именьковской культуры, поскольку такая плотность освоения территории не смогла бы обеспечить население ресурсами при одновременном проживании.

- Багаутдинов Р.С., Никитина А.В., 2013. Исследования селища Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке в 1994 г. (раскоп Г.И. Матвеевой) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Самарское археологическое общество. С. 163–186.
- Волкова Е.В., 2019. Отчет о результатах проведения археологических раскопок на городище Манчиха в Волжском районе Самарской области в 2018 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 61730.
- Вязов Л.А., 2007. Система расселения племен именьковской культуры в подгорной части Самарской Луки // Самарский край в истории России: Материалы III Межрегиональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня основания Самарского областного историкокраеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 16–17 декабря 2006 г. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ. С. 55–69.
- История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье, 2000 / Ред. И.Н. Васильева, Г.И. Матвеева. М.: Наука. 422 с.
- Матвеева Г.И., 1975. Памятники именьковской культуры на Самарской Луке // Краеведческие записки. Вып. 3: Самарская Лука в древности / Отв. ред. О.Н. Бадер. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство. С. 105–119.
- Сташенков Д.А., 2009. Металлургический комплекс Новинковского I селища на Самарской Луке // Материалы и исследования по средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа. С. 76–88.
- Сташенков Д.А., 2010. О хронологическом соотношении памятников лбищенского типа и ранних памятников именьковской культуры // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 12. № 6 (38). Самара. С. 272–275.
- Сташенков Д.А., 2014. Карлинское I селище (предварительная публикация) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 436–466 (Раннеславянский мир. Вып. 15).
- Roberts B.K., 1996. Landscapes of Settlement. Prehistory to the present. London: Routledge. 191 p.

ТЕРРИТОРИИ И ГРАНИЦЫ В АРХЕОЛОГИИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

К.Е. Бояринцева

Алтайский государственный университет, Барнаул boyarinceva98@gmail.com

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УКРАШЕНИЙ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Предметные комплексы, обнаруженные на юге Западной Сибири в ходе раскопок памятников раннего Средневековья, представляют собой важные археологические источники. Они позволяют глубже понять социальные и культурные аспекты жизни древних обществ. В данной публикации рассматриваются разнообразные украшения, найденные в погребениях сросткинской культуры (вторая половина VIII – XII в.) (Грязнов, 1956. С. 145–150; Уманский, 1970. С. 53–62; Адамов, 2000. С. 106–109; Могильников, 2002. С. 18–66; Горбунов, Тишкин, 2022. С. 38, 44; и др.), с акцентом на дифференциацию по половозрастным группам.

Обнаруженные остеологические останки людей определены как относящиеся к субъектам мужского и женского пола детского, подросткового, молодого, взрослого, пожилого и преклонного возраста. Следует отметить, что не все исследованные погребения имеют необходимые антропологические характеристики. Анализируемую выборку вещей составили 143 украшения из 36 комплексов (табл. 1).

Часто встречаемой категорий изделий являются серьги. Общее их число – 23 экз., включая одну подвеску. По возрастному признаку чаще серьги находятся в могилах взрослых людей (12 экз. в 8 комплексах), а по половому – в женских (11 экз. в 7 комплексах). Реже всего они фиксировались в захоронениях детей пока не установленного пола (5 экз. в 3 комплексах). Точное число бус, бисера и пронизей в рассматриваемом массиве погребений не установлено, так как в публикациях не всегда отражены количественные данные. К подсчетам привлечены 76 бусин. Большинство их приходится на женские захоронения (49 экз. в 6 комплексах). Меньше всего бус обнаружено при мужских костяках (13 экз. в 2 комплексах). Выявлено 17 подвесок. Большая часть таких украшений найдена в погребениях детей неустановленного пола (7 экз. в 3 комплексах). Следует отметить их наличие в единственном экземпляре в захоронениях подростков мужского пола. Бляхи (всего встречено 13 экз.) в основном найдены у взрослых мужчин (7 экз. в 2 комплексах), как и два наконечника ремней. Украшения рук включают перстни (9 экз.), кольца (2 экз.) и браслеты (3 экз.). Перстни соотносятся с взрослыми (6 экз. в 3 комплексах) и пожилыми людьми (3 экз. в 1 комплексе), а кольца найдены в могиле ребенка. Наименьшим числом представлены бубенчики (7 экз.), застежки (6 экз.) и вставки (2 экз.). Большая часть бубенчиков (6 экз.) относится к захоронениям детей неустановленного пола (2 комплекса), меньшая (1 экз.) - к мужскому погребению неустановленной возрастной группы. По половому признаку застежки встречаются у обеих групп, по возрастному — поровну как в детских, так и в захоронениях взрослых людей (по 3 экз. в 4 комплексах). Вставки встречены только в одном погребении ребенка неустановленного пола.

Исходя из представленных данных, можно заключить, что большая часть украшений относится к женским и детским погребениям. Среди них самыми распространенными

Табл. 1. Половозрастное распределение украшений в погребениях сросткинской культуры

No	Памятник	Курган	Могила	Пол	Возрастная группа	Украшения	Источник
1	БЕ-VI	1	1	Муж.	Молодой	Буса – 1 шт.	Грязнов,
2	БЕ-VI	1	4	H/y	Взрослый	Бляха – 1 шт.,	1956. C.
				,	1	бисер, бусы – н/у	145–150.
3	БЕ-VI	1	5	Жен.	Пожилой	Серьга – 1 шт.	
4	БЕ-VII		41	H/y	Ребенок	Серьги – 2 шт.,	
				-		бусы – 2 шт.	
5	БЕ-VIII	2	3	H/y	Ребенок	Подвеска – 1 шт.,	
						бляхи-	
						подвески – 4 шт.,	
						бубенчики – 5 шт.,	
						кольца – 2 шт.	
6	БО-1	3	3	Муж.	H/y	Серьга – 1 шт.	Адамов,
7	БО-1	4	1	Муж.	H/y	Бубенчик – 1 шт.	2000. C.
8	БО-1	6–7	2	Муж.	H/y	Подвеска – 1 шт.	106–109.
9	БО-1	6–7	2	Муж.	Подросток	Подвеска – 1 шт.	
10	БО-1	6–7	2	Муж.	Подросток	Подвеска – 1 шт.	
11	БО-1	6-7	6	H/y	Ребенок	Бусы – 2 шт.,	
						подвеска – 1 шт.	
12	БО-1	8	2	Муж.	H/y	Застежки – 2 шт.	
13	БО-1	8	3	H/y	Ребенок	Буса – 1 шт.,	
						бляха — 1 шт.,	
						бубенчик – 1 шт.,	
1.4			2	274		подвеска – 1 шт.	
14	Гилево-II		2	Жен.	Взрослый	Серьга – 1 шт.,	Могиль-
1.5	F 37	7		DTC.	14 ×	подвеска – 1 шт.	ников,
15	Гилево-V	7		Жен.	Молодой	Подвески – 3 шт.	2002. C.
16	Гилево-XII	1	1	H/y	Ребенок	Буса – 1 шт.	18–66;
17	Гилево-XII	4	1	Муж.	Взрослый	Серьга – 1 шт.,	Тишкин и
1.0	F VII	4) (D	застежка – 1 шт.	др., 2011. С.
18	Гилево-XII	4	2	Муж.	Взрослый	Бляха-	65.
10	F VIII	1		Mana	D	подвеска – 1 шт.	
19	Гилево-XIII			Муж.	Взрослый	Серьги – 2 шт.	
20	Гилево-XIII Гилево-XIII	3	1	Жен. Жен.	Взрослый	Застежки – 2 шт.	-
_					Взрослый	Бусы – 4 шт.	
22	Гилево-XIII	3	2	Жен.	Взрослый	Серьги – 2 шт.,	
						бусы – 4 шт.	
23	Гилево-XIII	4	1	Муж.	Взрослый	Перстень – 1 шт.	
24	Гилево-XIV	1	1	Муж.	Взрослый	Бляха – 1 шт.,	
						наконечник ремня	
						– 1 шт.	
25	Гилево-XVI	3		Жен.	Молодой	Подвески – 3 шт.,	
						бляхи-	
						нашивки – 4 шт.,	
						бусы – 3 шт.	

26	Иня-1	2	2	Муж.	Пожилой	Бусы – 12 шт.,	Уманский,	
						перстень – 3 шт.	1970. C.	
27	Иня-1	3	1	Муж.	Взрослый	Серьга – 1 шт.,	53–62.	
27	FIIIZ-1	3	1	IVI y A.	Бэрослый	браслет – 1 шт.,		
						бляхи		
						поясные – 6 шт.,		
						наконечник		
						ремня – 1 шт.		
28	Иня-1	3	2	H/y	Ребенок	Серьга – 1 шт.		
29	Иня-1	3	3	H/y	Ребенок	Браслет – 1 шт.,	1	
						бусы – 8 шт.,		
						вставки – 2 шт.		
30	Иня-1	4	1	Муж.	H/y	Серьга – 1 шт.,]	
						бисер		
31	Иня-1	4	2	Жен.	Взрослый	Серьги – 2 шт.,		
						перстни – 2 шт.,		
						бисер		
32	Иня-1	4	3	Жен.	Преклонный	Серьги – 2 шт.,		
						бусины – 2 шт.		
33	Иня-1	5	1	Жен.	Взрослый	Серьги – 2 шт.,		
						браслет – 1 шт.,		
						перстни – 3 шт.,		
						ожерелье – 1 шт.		
						(бусы – 15 шт.,		
						пронизи – 17 шт.)]	
34	Иня-1	6	1	Муж.	Пожилой	Серьга – 1 шт.		
35	Поповская		1	H/y	Ребенок	Серьги – 2 шт.,	Горбунов,	
	Дача					застежка – 1 шт.	Тишкин,	
36	Прудской	5		Жен.	Взрослый	Подвеска	2022. C. 38,	
						серьги – 1 шт.,	44.	
						половина		
						подвески – 1 шт.,		
						пластинки-		
						нашивки – 2 шт.,		
						бусы – 4 шт.		

БЕ – Ближние Елбаны; БО – Березовый Остров; Н/у – не установлено.

являются серьги, бусы, подвески. Четкий канон, регламентирующий использование украшений как погребального инвентаря, отсутствовал, но стоит отметить ряд выявленных закономерностей. Например, число сережек часто зависело от пола умершего. При женских погребениях в четырех из семи случаев было зафиксировано по две серьги, в то время как при мужских — в пяти из шести случаев по одной. Бубенчики преимущественно связаны с детскими захоронениями. Поясные бляхи встречены только в мужских и в некоторых детских погребениях неустановленного пола. Тем не менее, пока нельзя уверенно соотносить определенный вид украшений с конкретной половозрастной группой ввиду неполноты данных по другим сросткинским памятникам. С целью получения более развернутой информации наша работа будет продолжена.

Адамов А.А., 2000. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ. 256 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2022. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 320 с. (Археологические памятники Алтая. Вып. 6).

Грязнов М.П., 1956. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: АН СССР. 163 с.

Могильников В.А., 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука. 362 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г., 2011. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Учебное пособие. Барнаул: ООО «Печатная компания АРТИКА». 136 с

Уманский А.П., 1970. Археологические памятники у села Иня // Известия Алтайского отдела географического общества Союза ССР. Вып. 11 / Отв. ред. Г.И. Панаев. Барнаул: Алтайское книжное издательство. С. 45–74.

К.С. Бурашникова*, С.В. Жилич**, М.В. Шашков***

*Новосибирский государственный университет **Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск ***Институт катализа имени Г.К. Борескова СО РАН, Новосибирск k.burashnikova@g.nsu.ru, snezhy@yandex.ru, shm.gc@yandex.ru

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПИЩА ДРЕВНИХ ТЮРОК МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ (ПО ДАННЫМ ЛИПИДНОГО АНАЛИЗА, АНАЛИЗА КРАХМАЛОВ)¹

Реконструкция системы питания не только отражает способы адаптации населения к условиям окружающей среды, но и демонстрирует особенности духовной культуры. Объектом изучения пищевых традиций является праздничная, ритуальная, поминальная и погребальная пища. В данной работе представлены результаты анализа крахмалов и липидного анализа содержимого керамических сосудов, обнаруженных при изучении могильника Маркелов мыс-II (Митько, 2007).

Липидный анализ проводил М.В. Шашков, к.х.н., с.н.с. Института катализа им. Г.К. Борескова СО РАН. Исследовано 16 фрагментов керамических сосудов размером 1–2 см, из которых 11 датируются таштыкским периодом, 5 – древнетюркским. Для анализа образцы измельчались методом газовой хроматография с масс-спектрометрией на приборе Agilent 7000B GC/MS. В четырех из них оказалось низкое содержание остатков жиров, что делает их малоинформативными. Один образец содержал остатки жиров жвачного животного либо растительные жиры. В восьми выявлены молочные жиры, о чем свидетельствует высокое содержание фитановой кислоты. В четырех образцах обнаружен животный жир мясного и молочного происхождения.

Анализ крахмальных зерен проводился С.В. Жилич, к.г.-м.н., с.н.с. лаборатории естественнонаучных методов в археологии ИАЭТ СО РАН. В соответствии с описанной ранее методикой (Жилич и др., 2023) исследованы 33 образца нагаров (органической корки), отобранных с очищенной от пыли внутренней поверхности сосуда путем соскребания корки вместе с поверхностным слоем керамики. В 10 образцах крахмальных зерен не обнаружено, в остальных выявлены крахмалы пяти морфологических типов. Два типа, вероятно, относятся к семейству лилейных, остальные — к просу, ячменю и пшенице. На многих зернах фиксируются следы механической обработки, что свидетельствует об использовании муки или молотой крупы.

Два образца исследованы с помощью обоих описанных выше методов. В первом (курган 3, сосуд № 48), по данным липидного анализа, выявлено содержание жиров животного происхождения. Это свидетельствует о том, что в сосуде находилась молочная или мясная пища. Анализ крахмалов, обнаруженных в этом образце, показал наличие крахмальных зерен проса, ячменя и пшеницы. Результаты липидного анализа и анализа крахмалов совпадают с итогами изучения ДНК содержимого других керамических сосудов, обнаруженных во время раскопок того же могильника. Генетическое исследование выявило в образцах из древнетюркских сосудов ДНК коровы (Бурашникова, 2023).

Липидный анализ второго образца (курган 73, сосуд № 5) также показал содержание жиров животного происхождения. Анализ крахмалов выявил остатки крахмальных зерен растения из семейства лилейные. Точный вид неизвестен, однако этнографические

 $^{^1}$ Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 23-28-01347.

данные о традиционной пище хакасов, проживающих на той же территории, что и древние тюрки, позволяют предположить, что в сосуде содержалась пища, приготовленная из кандыка (*Erythronium sibiricum*) или сараны (*Lilium martagon*). Крахмалистые клубни этих растений являются важным дополнением повседневного рациона традиционных народов Саяно-Алтая (Патачков, 1958. С. 66). Имеются и свидетельства употребления подобных растений скотоводами Алтая эпохи раннего железа (Zanina et al., 2021).

Липидный анализ образцов выявил содержание продуктов животного происхождения, анализ крахмальных зерен — растительного. Использованные методы дополнили друг друга и представили целостную картину, которая коррелирует с результатами исследования древней ДНК содержимого керамических сосудов и этнографическими материалами. Это позволяет реконструировать погребальную пищу древних тюрок Минусинской котловины. Содержание в сосуде молочных жиров, а также зерен крахмалов проса, пшеницы, ячменя и растения из семейства лилейных свидетельствует о том, что данные сосуды либо длительное время употреблялись в быту, либо в них была налита каша, сваренная на молоке из злаков или клубней перечисленных растений.

- Бурашникова К.С. 2023. Исследования палеодиеты древнетюркского населения по материалам кургана № 7 памятника Маркелов Мыс-2 // Материалы LXIII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых / Отв. ред. С.В. Алкин, И.В. Октябрьская. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 222–223.
- Жилич С.В., Половников И.С., Алексейцева В.В., 2023. Исследование нагара на керамике методом анализа крахмальных зерен (по материалам могильника Маркелов Мыс II) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. С. 607–614.
- Митько О.А. 2007. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс II. Материалы к реконструкции сожжения погребальных сооружений (по результатам раскопок склепа № 8) // Таштыкские памятники
- Хакасско-Минусинского края / Отв. ред. С.П. Нестеров. Новосибирск: НГУ; ХГУ им. Н.Ф. Катанова. С. 39–61.
- Патачков К.М., 1958. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан: Хакасское книжное издательство. 121 с.
- Zanina O.G., Tur S.S., Svyatko S.V., Soenov V.I., Borodovskiy A.P., 2021. Plant food in the diet of the Early Iron Age pastoralists of Altai: Evidence from dental calculus and a grinding stone // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 35. P. 1–14.

К.С. Воробьев Институт археологии РАН, Москва original don@kanet.ru

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ АВГУСТИНСКОГО МОНАСТЫРЯ ПАТОЛЛЕН В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ¹

Появление монастырей в Пруссии тесно связано с эпохой Тевтонского ордена в истории региона. Позднее крещение и христианизация, проходившие параллельно становлению и развитию орденского государства, обусловили преимущественно городской характер монастырей, появлявшихся с XIII в. В Восточной Пруссии, оставшейся под властью ордена после Торнского мира 1466 г., монастыри были секуляризированы вместе со всем государством Тевтонского ордена уже в 1520-х годах с приходом Реформации. Для археологического исследования монастырской жизни в позднем Средневековье выбрана обитель Патоллен ввиду ее расположения в сельской местности.

Авторы XVI в. Симон Грюнау и Каспар Хенненбергер считали, что монастырь находился на месте прусской священной рощи Ромове. Согласно второму, это произошло после того, как маршал Шиндекопф по приказу Винриха Книпроде срубил вечнозеленый дуб, располагавшийся в центре рощи. Языческие приношения продолжились, и на

 $^{^1}$ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР «Материальный мир Калининградского региона от неолита до позднего Средневековья и Нового времени» (№ НИОКТР 124012400322-9).

этом месте Петр Нагель основал посвященный святой Троице монастырь августинцевотшельников (Grunau, 1876. S. 342, 348; Henneberger, 1595. S. 464–466). В письменных источниках Петр Нагель и Патоллен упоминаются в связи с денежными выдачами монастырям, зафиксированными в мариенбургской казначейской книге конца XIV — начала XV в. (Das Marienburger Tresslerbuch, 1896. S. 83, 97, 199, 319); по этим записям строительство монастыря датируется первым десятилетием XV в.

К 1524 г. из-за влияния реформации монастырь находился в упадке, и в 1526 г. его владения были переданы советнику и доверенному лицу Альбрехта Бранденбургского Генриху фон Киттлицу под новым названием Гросс-Вальдек. В истории этого места начался новый этап, связанный с его функционированием как поместья; он, в свою очередь, был прерван в результате присоединения части Восточной Пруссии к СССР в 1945 г. Деревня Гросс-Вальдек была переименована в поселок Осокино, в зданиях поместья какое-то время располагалась поселковая школа, а в дальнейшем они оказались заброшены. В настоящее время территория монастыря представляет собой поросший лесом (одичавшим парком) холм, на котором просматриваются фундаменты из обтесанных валунов. В результате исторических и картографических исследований эта локация была выбрана в качестве места проведения археологических полевых работ, которые предварялись геофизическим разведками.

Шурф 1 (1 кв. м) размещен у южной стены фундамента, который определен как принадлежащий главному зданию усадьбы. Под крупными обработанными камнями выявлен слой битого кирпича и черепицы.

Ниже располагался еще один фундамент из нетесаных камней небольшого и среднего размера, скрепленных известковым раствором, вероятно, связанный с предшествующим строением. В стратиграфии других стенок шурфа слою битых строительных материалов соответствовал ниспадающий к югу слой с большим количеством извести и кирпичной крошки.

Шурфы 2 и 5 (по 1 кв. м) заложены на вершине холма. В первом обнаружены два слоя, разделенные двумя прослойками, одна из которых содержала переотложенный материковый суглинок и известь, а другая (толще) — песок. Во втором шурфе в стратиграфии читался лишь один слой. Шурф 4 (1 кв. м) находился на южном склоне холма. В нем также выявлен слой разрушения с кирпичной крошкой и известью.

Шурф 6 (площадь после двух прирезок составила 2,5 кв. м) располагался на северном склоне холма с внешней стороны небольшого, со сторонами меньше 10 метров, фундамента. Последний состоял из двух рядов крупных тесаных камней, между которыми не был зафиксирован раствор. Такое устройство аналогично устройству верхнего фундамента здания усадьбы, открытого в шурфе 1. Ниже выявлены единственные в этих работах материковые объекты — несколько ям и неглубокая траншея.

Шурф 7 (площадь с прирезкой составила 2 кв. м) заложен у северного угла главного здания усадьбы. В ходе исследований найдена керамическая составная труба в песочной подсыпке, под которой обнаружен культурный слой. В его верхней части встречено большое количество костных остатков. Согласно остеологическому определению, около 30 из них принадлежали одной свинье (поросенку), плохое состояние зубов которого свидетельствует о некачественном корме либо о смерти в момент перед выпадением молочных зубов. На костях этой особи отсутствуют следы антропогенного воздействия.

Шурф 10 (1 кв. м) находился вблизи протоки, расположенной к северу от исследованного холма, у подножия его северо-восточного склона. В стратиграфии наблюдались два слоя, один из которых характеризовался кирпичным боем и фрагментами формованной вручную черепицы. В нижнем слое эти материалы присутствовали в виде редких включений, основное заполнение составлял ил, сменявшийся торфяной прослойкой.

Шурф 11 (1 кв. м) заложен на северном склоне холма, также недалеко от кромки воды. Культурные напластования здесь имеют меньшую мощность, но в нижней их части выделяется слой разрушения с большим количеством фрагментов кирпичей и черепицы крупного размера.

Всего в ходе разведки заложены 14 шурфов общей площадью 17,5 кв. м. Мощность культурного слоя составила от 0,28 (шурф 5) до 1,3 м (шурф 10). Выявленный памятник может быть датирован широко, XV — началом XX в. Устройство фундамента главного здания усадьбы соответствует гипотезе о ее расположении на месте строений монастырского периода. Фиксируемый слой разрушений может быть сопоставлен с информацией о земляных работах на территории поместья в XVIII—XIX вв. Датирующие индивидуальные находки отражают период с XVIII в. В подъемном материале и в культурном слое обнаружены в большом количестве фрагменты мореных сосудов, характерных для региона в XIV—XVII вв., а также сосудов из красножгущейся глины, распространенных в XVI—XVIII вв.

Das Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409, 1896 / Hrsg. von E. Joachim. Königsberg i. Pr.: Verlag von Thomas & Oppermann. 688 S.

Grunau S., 1876. Simon Grunau's preussische Chronik. Bd. I. Tractat I–XIV / Hrsg. von M. Perlbach. Leipzig: Duncker & Humblot. 755 S.

Henneberger K., 1595. Erklärung der Preüssischen grössern Landtaffel oder Mappen. Königsberg: Georgen Osterbergern. 492 S.

Н.Е. Горлышкин

Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Кемерово Gorlyshkin.nikita@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДНОГО ЭТАПА ОТ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ В ОТРАЖЕНИИ ПИСЬМЕННЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ¹.

Одной из актуальных проблем изучения процессов русского освоения регионов Сибири, в частности Кузнецкой котловины, является вопрос о границе между Средневековьем и Новым временем. Зачастую подобный переход связывается с русской экспансией в районы Среднего и Верхнего Притомья.

Для периода позднего Средневековья (XV—XVI вв.) в Кузнецкой котловине характерно складывание системы этнокультурной иерархии, в основе которой лежал институт кыштымства. Он предполагал зависимость местных оседлых народов от кочевников юга Западной Сибири и Центральной Азии (енисейских киргизов, приобских телеутов, ойратов). Данническое положение оседлых этнокультурных групп выражалось в необходимости выплаты албана пушниной, ремесленными изделиями. Во внутренних делах кыштымы сохраняли автономное положение (История города Кемерово, 2023. С. 77–88). Кочевые социумы находились на ранней стадии формирования государственности, представляя собой «рыхлое» объединение многочисленных сеоков.

С проникновением «служилого люда» в Кузнецкую котловину в начале XVII в. местные общества столкнулись с новым типом политического образования — централизованным государством с характерной системой институтов. В течение XVII — начала XVIII в. происходит миграция русского населения в регион, результатом которой являются активное селообразование, складывание институтов местного управления, внедрение новых хозяйственных практик.

Закрепление русского господства над Кузнецкой котловиной произошло не одномоментно. Миграция русского населения и объясачивание местных «татарских» групп привели к эрозии устоявшейся этнокультурной иерархии, что стало причиной многочисленных столкновений с представителями киргизских и телеутских родов на протяжении XVII – начала XVIII в. Благодаря бюрократическому характеру русского государства

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания (проект 124041100079-5 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири», 2024—2025 гг.).

описанные процессы известны в достаточно полном виде. Введение делопроизводства, переписи служилого и оброчного населения, материалы исторической картографии, доклады представителей разного уровня в столицу и уездные центры позволяют проследить военно-политическую активность, изменение демографических показателей, формирование сети сельских поселений и острогов. Однако письменные источники слабо отражают характер взаимовлияния местных и русской культур. Для качественной оценки этого явления необходимо обратиться к данным археологии.

Вместе с тем имеющиеся коллекции не дают четкого представления о характере культурного обмена между пришлым и местным населением. Материалы с русских поселений позволяют констатировать, что бытовая культура их жителей была консервативной и воспроизводила традиции регионов, откуда прибыли переселенцы. Слабая степень изученности инородческих комплексов XVII – начала XVIII в. оставляет данный вопрос открытым.

На сегодняшний день на территории Кузнецкой котловины археологически выявлено 47 поселений автохтонного населения, которые могут быть отнесены к позднему средневековью и XVII—XVIII вв. Большая часть из них изучена путем проведения визуального осмотра, сбора подъемного материала, закладки шурфов (Горлышкин, 2023. С. 80). Лишь на четырех поселениях «кузнецких татар» — Мундыбаш I, Тайлеп II, Тайлеп III, Теш-5 — проведены полноценные раскопки. Полученные материалы позволяют сделать вывод о том, что бытовая культура автохтонов значительно «русифицировалась» ко второй половине XVIII в. из-за втягивания в локальный «рынок» (Ширин, 2006. С. 28). Вероятно, данный процесс начался раньше, как минимум на рубеже XVII—XVIII вв., однако археологических аргументов в пользу этой гипотезы на сегодняшний день нет. Исключение составляет металлургия. Исследования железоплавильных комплексов на памятниках Шартон I, Теш-5, Мудыбаш I подтверждают сведения ясачных книг о росте производства кричного железа на рубеже XVII—XVIII вв. из-за нехватки пушнины для выплаты ясака (Ширин, 2021. С. 352).

Подведем итоги. Окончание Средневековья связано с появлением нового для региона типа организации общества — централизованного государства. Процесс интеграции Кузнецкой котловины носил разносторонний характер и был растянут на столетие, что позволяет выделить XVII — начало XVIII в. в качестве переходного этапа между Средневековьем и Новым временем. Существует значительный перекос между археологическими и нарративными источниками в репрезентации процессов переходного периода. Имеющиеся на сегодняшний день материалы не позволяют проследить динамику трансформации материально-бытового комплекса «коренного» населения, что подталкивает к более активному изучению комплексов автохтонных культур.

Горлышкин Н.Е., 2023. К проблеме археологического изучения инородческих комплексов Кузнецко-Салаирской горной области: источниковедческий аспект // Актуальные вопросы истории, археологии, философии, международных отношений и туризма: материалы симпозиума XVII (XLIX) Международной научно-практической конференции «Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей» / Ред. Н.С. Якимова. Кемерово: КемГУ. С. 78–82.

История города Кемерово и окрестностей с древнейших времен до начала XX века, 2023 / И.Ю. Усков, А.Г. Марочкин, С.А. Васютин и др. Кемерово: Кузбассвузиздат. 208 с.

Ширин Ю.В., 2006. К проблеме этнической атрибуции южно-сибирских археологических комплексов Нового времени в зоне расселения русских // Кузнецкая старина Вып. 8 / Ред. Ю.В. Ширин. Новокузнецк: Изд-во Кузнецкая крепость. С. 25–36.

Ширин Ю.В., 2021. Трансформация металлургического комплекса в структуре хозяйственных занятий кузнецких татар в XVII–XVIII вв. // Язык. Культура. Этнос. Чтения памяти Э.Ф. и Ф.Г. Чиспияковых / Отв. ред. И.А. Пушкарева. Новокузнецк: КГПИ КемГУ. С. 352–356.

Лаборатория археологии Енисейской Сибири Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск ogromozdova@sfu-kras.ru

ГРАНИЦЫ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ В ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

В литературном сочинении середины XIII в. неизвестного восточного автора существует сюжет, где Чингис-хан отдает приказ о покорении всех границ мира и делит войско на три части, одна из которых отправляется завоевывать северные пределы империи (Юрченко, 2002. С. 25). Монгольская экспансия действительно достигла огромных масштабов, но отнюдь не «границ мира». И все же вопросы о характере взаимоотношений с северными народами и об определении границы монгольского завоевания в этом направлении остаются открытыми. Одной из территорий, что вошла в сферу влияния Монгольской империи и стала ее северной периферией, является Енисейская Сибирь (территории Красноярского края, Республики Хакасия и Республики Тыва).

Мы относим державу монголов к кочевым империям в соответствии с концепцией Н.Н. Крадина, который определяет ее как «кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые нескотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации» (Крадин, 2002. С. 82). В структуре империи выделяются ядро и периферия.

Свидетельства монгольского влияния на территории Енисейской Сибири проявляются как в поселенческих, так и в погребальных комплексах.

Поскольку Тува была сильнее инкорпорирована в структуру империи, чем более северные территории (Сенотрусова, Мандрыка, 2016. С. 54), здесь в XIII в. появились монгольские города и поселения, где совместно проживали местные народы и представители имперской администрации. Районы Тувы образовывали области Кян-чжоу и Иланчжоу с городищами Ден-Терек, Могойское, Межегейское и др. (Кызласов, 1965. С. 61). В этом регионе известны также городские кладбища и другие погребальные памятники монгольского времени. На них найдены предметы, которые можно определить как символы власти, например, боктаг в могильнике Сарыг-Хая (Длужневская, Савинов, 2007. С. 164) и другие менее престижные, но информативные предметы.

Более северная территория Хакасско-Минусинской котловины в отношении монгольского влияния сегодня изучена хуже (известны преимущественно случайные находки), несмотря на наличие сведений из исторических источников. Большой потенциал для работы в этом направлении имеют местные музеи, содержащие богатые коллекции. Один из них — Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова. В нем нами выявлены элементы поясной гарнитуры, аналогии которым видятся в изделиях Золотой Орды, Западной Сибири и империи Юань. В музее находится коллекция других предметов XIII—XIV вв., нуждающихся в научном осмыслении.

В современном представлении наиболее приближены к северной границе Монгольской империи лесостепные территории Енисейской Сибири. Памятники здесь представлены в основном погребальными комплексами, в которых найдены в том числе атрибуты власти с имперской символикой (поясные наборы с драконами и ланями, серебряные кубки, серьги в виде знака вопроса и т. д.). К таким памятникам относятся Часовенная гора в окрестностях г. Красноярска, могильники Чадобец и Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье, а также, вероятно, единичная находка со стоянки Рябчиков Ключ-1 в канской лесостепи (Сенотрусова, Мандрыка, 2016. С. 56). Стоит отметить наличие в канско-рыбинской котловине престижных вещей монгольского времени, выявленных в ходе грабительских раскопок; на данный момент они в научный оборот не введены.

Скорее всего, нельзя говорить о том, что этнические монголы постоянно проживали не территории севернее Тувы, поскольку погребальный обряд и сопроводительный

инвентарь местных народов на протяжении X-XIV вв. не изменялись. Об этом свидетельствует и тот факт, что на поясных наборах из Енисейской Сибири с изображениями драконов у последних не встречается больше трех когтей, что в контексте империи означает формирование администрации из местных народов (Крамаровский, 2001. С. 60).

Вопрос о северной границе Монгольской империи в Енисейской Сибири сегодня остается одним из слабо изученных: в исследовательской литературе проблема практически не обсуждается, а картографические данные из учебных пособий, энциклопедий и монографий зачастую разнятся и приводятся без какого-либо обоснования. Некоторые авторы помещают эту границу в районе Нижнего Приангарья, но сведения археологических и исторических источников для такого утверждения слишком фрагментарны. Неизвестным остается характер взаимодействия «лесных народов» Приангарья с кыргызами и монголами, что что ставит данный вопрос в ряд актуальных для изучения. Его решению будут способствовать дальнейшие археологические изыскания, а также введение в научный оборот материалов из местных музеев и их анализ.

Длужневская Г.В., Савинов Д.Г., 2007. Памятники древности на дне тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН. 198 с.

- Крадин Н.Н., 2002. Структура власти в кочевых империях // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований РАН. 260 с. (Серия «Цивилизационное измерение». Т. 6).
- Крамаровский М.Г., 2001. Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII в. (источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556 / Отв. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ. С. 43-75.
- Кызласов Л.Р., 1965. Городище Дён-Терек // Древнемонгольские города / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: Наука. С. 59-122.
- Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., 2016. Приенисейская Сибирь северная периферия Монгольской империи // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Ялта: «Stratum plus».
- Юрченко А.Г., 2002. Империя и космос. Реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия. 432 с.

А.А. Зиновьева*, В.А. Кольченко**

*Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань **Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР, Бишкек

kuklinanna@mail.ru, archak@gmail.com

КЕРАМИЧЕСКИЕ КУРИЛЬНИЦЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА КЕН-БУЛУН (КЫРГЫЗСТАН)

Городище Кен-Булун расположено в Чуйской области Кыргызстана, в 40 км к востоку от г. Бишкек. Регулярные раскопки здесь ведутся с 2022 г. совместной экспедицией Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (Кольченко и др., 2024). Вскрыты два строительных горизонта. Слои первого по монетам датируются второй половиной XI – началом XII в., второго – первой половиной – серединой XI в. Опубликованные результаты изучения керамики, полученной за первый год полевых исследований, содержат перечень основных форм, находимых на городище: котлы, кувшины, кружки, миски, горшки и т.д. (Куклина, Кольченко, 2024). В этот обзор не вошли некоторые категории предметов, найденных в ходе последующих работ. К таким предметам относятся курильницы. В 2023-2024 гг. обнаружены три целых экземпляра, а также два фрагмента, которые можно отнести к курильницам с некоторой долей сомнения.

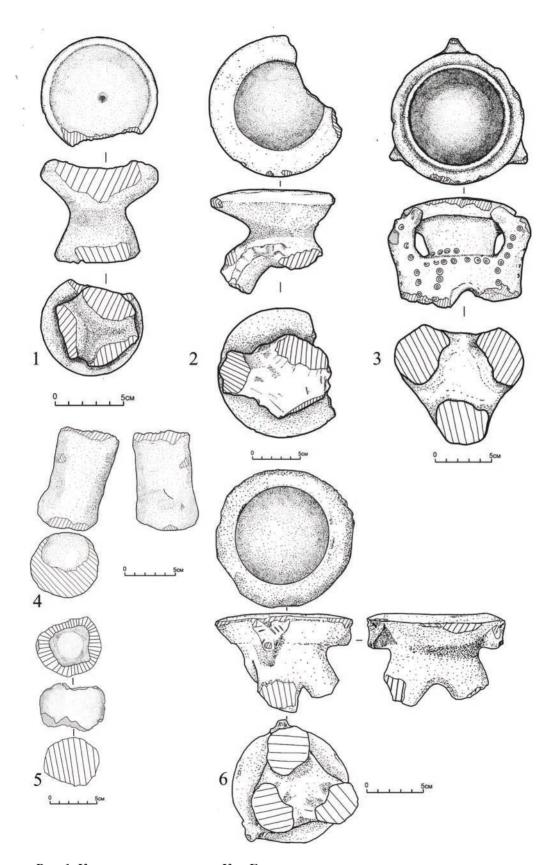

Рис. 1. Курильницы городища Кен-Булун.

1 — курильница № 1 (раскоп 2, 2023 г.); 2 — курильница № 2 (раскоп 2, 2023 г.); 3 — курильница № 3 (раскоп 2, 2024 г.), 4 — фрагмент № 4 (раскоп 2, 2023 г.), 5 — фрагмент № 5 (раскоп 1, 2024 г.); 6 — курильница из траншеи 2019 г.

Курильница № 1 – резервуар с маленьким округлым вдавлением в центре, на трехногом основании (рис. 1: 1). Диаметр резервуара 8,5 см, вдавления – 0,85 см.

Курильница № 2 — частично сохранившийся резервуар с одной из трех ножек (рис. 1: 2). Края ножки имеют налепы в виде лент с вдавлениями. На кенбулунских котлах подобные налепы имитируют ручки. Диаметр резервуара по внутреннему краю 9.3 см, по внешнему -14.3 см.

Курильница № 3 – резервуар на трех частично сохранившихся ножках, украшенных тремя зооморфными налепами и орнаментом в виде кружочков (рис. 1: 3). Налепы изображают животное с двумя вытянутыми ушами, глаза обозначены пуансоном. Диаметр резервуара по внешнему краю 8,5 см, по внутреннему – 6,5 см.

Фрагмент ножки курильницы № 4 (предположительно), круглой в сечении (рис. 1: 4). Фрагмент основания курильницы № 5 (предположительно) (рис. 1: 5).

Еще одна курильница обнаружена в ходе прокладывания дорожной траншеи на городище в 2019 г. (рис. 1: 6). Артефакты, изъятые из грунта, пока не опубликованы, но предварительно материал может быть датирован IX−XIII вв. Курильница из траншеи имеет трехногое основание, резервуар по бокам украшен скульптурными изображениями морды животного. В отличие от курильницы № 3, изображение более угловатое, глаза обозначены черточками, прочий орнамент отсутствует.

Все перечисленные изделия вылеплены вручную из ожелезненной пластичной глины с примесью дресвы, покрыты бежевым ангобом — все это характерно для столовой и кухонной керамики Кен-Булуна. Таким образом, сомнения в местном происхождении курильниц отсутствуют.

На данный момент опубликовано немного подобных находок. С городища Красная Речка из слоя VIII в. происходит фрагмент орнаментированной курильницы, аналогии которой уводят в Согд и Пайкенд VI-VII вв. (Торгоев, Кольченко, 2010. С. 307). Экземпляры на трех ножках (с орнаментом и без) известны на Сокулуке (Труды..., 1950. С. 118, 119, 211. Табл. LXVI). Трехногие неорнаментированные курильницы есть на Ак-Бешиме в слое IX-X вв. (Кызласов, 2006. С. 309. Рис. 102: 7), а также в коллекции музея на городище Бурана. Похожие предметы имеются среди материалов из шахристана Тараза (V-VII вв.) (Сенигова, 1968. С. 215. Рис. 9). Примечательно, что орнамент на курильницах, судя по известным находкам, в каждом случае уникален. Изображение животного на кенбулунском экземпляре № 3 больше всего напоминает скульптурное навершие крышки с Сокулука, в котором А.Н. Бернштам предполагает голову осла или мула (Труды..., 1950. С. 118. Табл. LVII). Зооморфные крышки, курильницы, фигурки животных он связывает с зороастризмом (Труды..., 1950. С. 115). С другой стороны, на городище Красная Речка трехногие курильницы, в отличие от изделий на одной ножке, не связаны с культовыми сооружениями (храмами), что не позволяет однозначно трактовать их как зороастрийские или буддийские атрибуты (Торгоев, Кольченко, 2010. С. 307).

Предположению, что рассматриваемые предметы выполняли исключительно функцию бытового освещения, противоречит их крайне малое количество. Вопрос о характере их использования — бытовом, культовом или, возможно, смешанном — остается открытым. Учитывая, что наиболее поздняя из курильниц, известных по литературе, происходит из слоя IX—X вв., а кенбулунские — из более позднего, можно констатировать живучесть традиции их изготовления и осторожно предполагать сохранение отдельных элементов почитания огня в первой половине XI в. Однозначно лишь то, что они не являются хронологическими индикаторами для ранних комплексов средневековой керамики Чуйской долины.

Кольченко В.А., Тулуш Д.К., Ситдиков А.Г., 2024. Городище Кен-Булун (Чуйская Долина, Кыргызстан): исследования 2022 года // Археология Евразийских степей. № 5. С. 31–47.

Куклина А.А., Кольченко В.А., 2024. Итоги исследования массовой керамики с раскопов 2022 г. на средневековом городище Кен-Булун (Чуйская долина, Кыргызстан) // Поволжская археология. № 2 (48). С. 26–42

Кызласов Л.Р., 2006. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М.: Восточная литература. 360 с.

Торгоев А.И., Кольченко В.А., 2010. К стратиграфии и датировке нижних слоев Краснореченского городища // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама / Ред. В.А. Алёкшин и др. СПб.: Инфо-ол. С. 301–310.

Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина», 1950 / Сост. А.Н. Бернштам. М.; Л: АН СССР. 160 с. (МИА. № 14).

Сенигова Т.Н., 1968. Осветительные приборы Тараза и их связь с культом огня // СА. № 1. С. 208—225.

К.В. Карепин

Донецкий государственный университет karepin.kostya@mail.ru

СРЕДНЕЕ ТЕЧЕНИЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА В XIV в.: ПОГРАНИЧЬЕ ИЛИ КОНТАКТНАЯ ЗОНА?

Вопрос выделения границ в кочевых сообществах решается достаточно условно, поскольку не существует конкретных критериев определения того, что считать границей. Из письменных источников нам известно, что за отдельными кочевыми группами в рамках единого государства, каковым являлась Золотая Орда, были закреплены зоны для кочевания в летний и зимний период (Путешествия..., 1957. С. 70). Очевидно, что средневековое население степей представляло пределы этих зон, однако на сегодняшний день информация утеряна и вряд ли может быть восстановлена. В то же время есть предположение, что в качестве границ могли выступать географические объекты, такие, как реки (Егоров, 1985), и в этом отношении интерес представляет среднее течение Северского Донца.

Долина Северского Донца в его среднем течении представляет собой зону лесостепей, в отличие от лежащего южнее Донецкого кряжа, относящегося к степному поясу. Благодаря этому на интересующей нас территории в течение многих тысячелетий существовали долговременные поселения оседлого населения, которое вело в том числе сельскохозяйственную деятельность. В XIII—XIV вв. в этом регионе на треугольнике площадью 128 га отмечены порядка 13 пунктов, определяемых как поселения. Они сконцентрированы вокруг двух крупных городищ — Царина и на сегодняшний день утерянного Райгородского (Кравченко, 2015. С. 414. Рис. 1). Южной границей данного треугольника является поселение в районе Славянска. Далее поселенческие памятники фиксируются только в 137 км южнее, около с. Раздольное Волновахского района Донецкой Народной Республики. В указанной 137-километровой зоне на сегодняшний день известны только курганные могильники, являющиеся маркером расселения кочевых племен. Такая ситуация указывает на существование двух четко разграниченных зон — зоны кочевого скотоводства в степи и зоны оседлого земледелия в долине Северского Донца.

Несмотря на то, что памятники на Северском Донце известны, большая их часть пока недостаточно изучена для определения взаимосвязей между поселениями. Можно предполагать, однако, что существовавшая здесь структура была сходна с той, которая в изучаемый период возникла вокруг Азака (Минаев, Юдин, 2019) и включала как стационарные поселения, функционировавшие на протяжении ряда лет, так и сезонные стойбища кочевников. Кроме того, в рассматриваемом регионе известны курганы золотоордынского времени у с. Новониколаевка и курганный могильник Степной на северо-западе Славянска. Их наличие свидетельствует о расположении здесь зоны кочевания одной или нескольких родовых групп номадов. Имеются и свидетельства взаимодействия местного оседлого и кочевого населения в рамках совместной хозяйственной деятельности. Так, археологические материалы показывают, что по крайней мере часть населения Царина городища была выходцами из среды кочевников — об этом говорит обилие чугунных

котлов и вероятное наличие чугунолитейного производства (Кравченко, 2015. С. 453). Котлы соседствуют с керамической посудой другого, по терминологии Э.Е. Кравченко, «псевдорусского» стиля (Кравченко, 2009. С. 259), что указывает на сосуществование нескольких культурных традиций в пределах одного памятника.

Подобная ситуация не соответствует представлению о среднем течении Северского Донца как границе, резко отделяющей кочевой мир от оседлого в золотоордынский период. Скорее, мы имеем дело со своеобразной контактной или переходной зоной, где археологические объекты разных культурных типов соседствуют друг с другом, сочетая черты обоих миров. В этом отношении Подонцовье не уникально; схожими характеристиками в изучаемый период обладает территория Полтавщины, что было отмечено А.Б. Супруненко, В.В. Приймаком и К.М. Мироненко. Ими же предложен термин «предстепье» для описания подобных зон (Супруненко и др., 2004. С. 76).

Таким образом, речные долины не всегда служат естественными границами расселения, что демонстрирует пример Северного Донбасса. Здесь мы отмечаем плавное перетекание кочевого мира в мир оседлый и соседство памятников двух культурных групп. Представляется, что в этой зоне вполне реальны процессы седентаризации беднейших групп кочевников и переход их в другое состояние. Взаимодействие двух указанных культурных типов в Золотой Орде обеспечивалось сложной административной системой, которая включала параллельное управление стационарными поселениями и отдельными кочевыми группами в рамках одного государства. Более полная реконструкция этой системы, однако, отсылает нас к проблемам, которые не могут быть решены методами археологии.

Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды. М.: Наука. 247 с.

Кравченко Э.Е., 2009. Исследования поселения с «древнерусской» керамикой в среднем течении Северского Донца // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Материалы IV Международной конференции памяти Г.А. Федорова-Давыдова / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 242–262.

Кравченко Э.Е., 2015. Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев; Казань: Stratum Plus. C. 411–478.

Минаев А.П., Юдин Н.И., 2019. Новые данные по исторической географии золотоордынских поселений Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев; Казань: Stratum Plus. C. 657–667.

Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М., 2004. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. Київ; Полтава. 84 с.

Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1957. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры. 272 с.

К.Ю. Коновалова*,**, Л.В. Половников***

*Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет **Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург *** Пермский национальный исследовательский политехнический университет kseniakon@icloud.com, lv_polovnikoff@mail.ru

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА КУПРОС 2024 г. 1

Городище Купрос находится в Юсьвинском муниципальном округе Пермского края, близ устья р. Купроска – притока р. Иньва. Оно датируется X–XIII вв., относится к иньвенской группе памятников Пермского Предуралья (Вострокнутов, 2016. С. 28). Известно по записям Н.П. Рычкова (XVIII в.). Ранее исследовалось М.В. Талицким, В.А. Обориным, А.М. Белавиным, А.Н. Сарапуловым (Труды..., 2012. С. 4–79). В 2024 г. под руководством Л.В. Половникова на нем заложен раскоп площадью 48 кв. м. В ходе

 $^{^{1}}$ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-68-10023, https://rscf.ru/project/23-68-10023/.

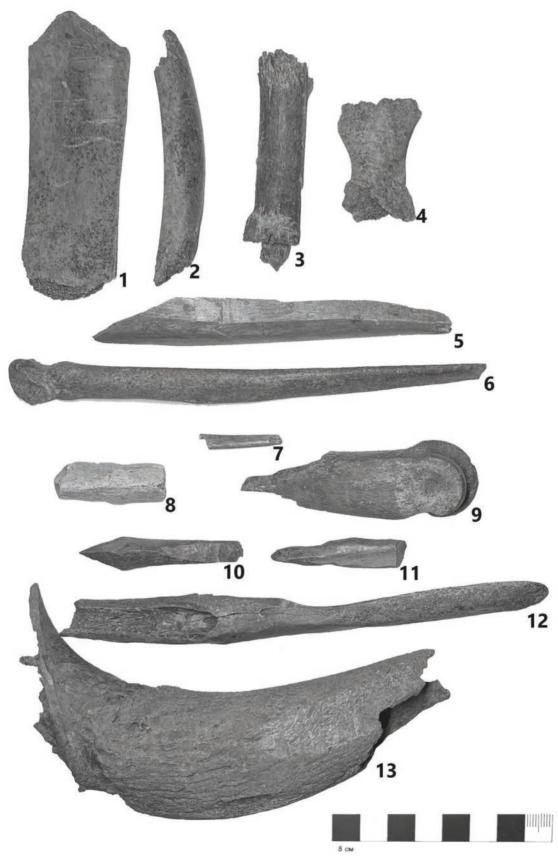

Рис. 1. Костные материалы из раскопок городища Купрос 2024 г.

1, 3 – кости со следами от ножа; 2–4 кости с погрызами собакой; 5, 8, 9, 13 – брак костяного производства; 6, 7 – фрагменты проколок; 10 – наконечник стрелы; 11 – фрагмент наконечника стрелы; 12 – кочедык.

Табл. 1. Видовой состав и количество костей животных из раскопок городища Купрос 2024 г., экз.

Таксон	P'-11	P'-12	P'-13	P'-14	C'-11	C'-12	C'-13	C'-14	T'-11	T'-12	T'-13	T'-14	Яма 1	Яма 2	Всего
Домашние животные															
КРС	3	1	4	3	3		1	3	2	3	1	3	3		30
Лошадь	4	1	5	3	3	1	1	3	1	2	1	1	8	11	45
Свинья			3					1					5		9
MPC									1			1	2		4
Собака			1												1
					Įики	е ж	ивоп	іныє	?						
Бобр	1	1	4	2	1	1	1	3				1	4	2	21
Лось					1		1							1	3
Белка												1	1		2
Заяц														1	1
Лисица	1														1
Северный													1		1
олень															
				Нео	пред	елил	иые	до в	ида						
Крупное	2	5	9	5	21	5	4	9	3	1	4	4	10	25	106
копытное															
Мелкое		1	1	1	5		1		1	2	1	1			15
копытное															
Млекопита-	1		1				1					1	3	1	8
ющее															
Моллюск													1	2	3
Птица	1				1			1						2	5
Итого	13	9	28	14	35	7	10	20	8	8	7	13	38	44	255

КРС – крупный рогатый скот; МРС – мелкий рогатый скот

работ обнаружены 255 фрагментов костей (табл. 1), по внешним признакам относящихся к кухонным остаткам. Встречаются кости со следами от ножа (рис. 1: 1, 3) и погрызами собакой (рис. 1: 2–4). В яме 2 68 % костей имеют следы пребывания в огне.

Превалируют кости млекопитающих (96,8 %), обнаружены также кости птиц (2 %) и раковины моллюсков (1,2 %). До вида идентифицировано 46,1 % костей. Среди них доминируют остатки домашних животных (76,1 %), также выявлены кости диких млекопитающих (табл. 1). Преобладание костей домашних животных (с большой долей КРС и лошади) над дикими характерно и для других поселенческих памятников родановской культуры, таких, как Роданово, Редикорское, Рождественское городища, Калинское селище (Коновалова, Половников, 2024). Фауна диких животных городища Купрос включает наиболее часто встречающиеся в коллекциях вышеперечисленных памятников виды млекопитающих. Видовое разнообразие невелико, что связано с малым объемом выборки.

Среди археозоологического материала обнаружены отходы или брак костяного производства (рис. 1: 5, 8, 9, 13), которые атрибутировать не удалось, и пять изделий (рис 1: 6, 7, 10–12).

- 1. Фрагменты проколок, грифельные кости лося (рис. 1: 6, 7). Могли использоваться только при работе с войлоком и берестой. Их обработка заключалась в подправке острия и заточке (Белавин, Крыласова, 2008. С. 277. Рис. 159).
- 2. Черешковый наконечник стрелы, кость крупного копытного (рис. 1: 10). Черешок плоский в сечении, форма острия клиновидная, трехгранная в сечении. Подобные наконечники датируются XIII в. (Медведев, 1966. С. 88, 161. Табл. 25: 35) и встречаются

- в Пермском Предуралье на городищах Анюшкар, Рождественское (Белавин, Крыласова, 2008. С. 313. Рис. 166).
- 3. Фрагмент черешкового наконечника стрелы, кость крупного копытного (рис. 1: 11). Черешок в сечении овальный, форма острия килевидная. Распространены в XII первой половине XIII в., встречаются на Вакинском селище (Медведев, 1966. С. 88), городищах Анюшкар, Рождественское (Белавин, Крыласова, 2008. С. 313. Рис. 166).
- 4. Кочедык, локтевая кость лося (рис. 1: 12). Такие изделия использовали при плетении сумок, корзин, сетей. Данный экземпляр 19-й в коллекции городища за все годы исследований. М.Е. Шмырина отмечает, что «для Пермского Предуралья, в том числе для иньвенской группы памятников, характерно значительное количество кочедыков, в том время как на близлежащих территориях подобные находки более редки» (Шмырина, 2021. С. 105).

Костяные изделия из коллекции 2024 г. подтверждают датировку памятника. Малый объем выборки не позволяет определить полный видовой состав хозяйственно значимых животных и вклад отдельных видов (Антипина, 2016. С. 104). Вероятно, у обитателей городища Купрос, как и у других племен родановской культуры, ведущую роль в хозяйстве играло животноводство. Помимо этого древнее население занималось охотой: добывались пушные (белка, лисица), пушно-мясные (бобр, заяц), снедовые (лось, северный олень) звери и пернатая дичь, что подтверждают и находки охотничьих орудий.

- Антипина Е.Е., 2016. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / Отв. ред.: Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН. С. 96–117.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН. 603 с.
- Вострокнутов А.В., 2016. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI–XIV вв. н.э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация. Дис. ... канд. ист. наук. Пермь: ПГГПУ. 336 с.
- Коновалова К.Ю., Половников Л.В., 2024. Характеристика производящего хозяйства средневекового населения Полютова (Роданова) городища // Археология Евразийских степей. № 1. С. 59–72.
- Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М.: Наука. 184 с. (САИ. Вып. Е1-36).
- Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа, 2012. Вып. IX. Историческое и культурное наследие села Купрос / Отв. ред. А.Н. Сарапулов. Пермь: ПГГПУ. 137 с.
- Шмырина М.Е., 2021. Костяные орудия труда для домашних производств и предметы быта из материалов средневековых поселений бассейна р. Иньва // Труды КАЭЭ ПГПУ. Вып. XIX. Пермь: ПГПУ. С. 103–111.

В.Е. Кузнецов

Пермский государственный национальный исследовательский университет vadim_kuznetsov2000@mail.ru

ВЕСОВЫЕ СТАНДАРТЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПЕРМСКОМ ПРЕДУРАЛЬЕ ¹

В процессе развития ювелирного и литейного ремесла, а также расширения торговых связей населения Пермского Предуралья в период Средневековья унификация весовых номиналов становилась необходимым условием для обеспечения качества ремесленной продукции и справедливости торговых операций. В связи с этим актуально выявление системообразующих весовых единиц — стандартов, которые определяют весовой шаг.

¹ Исследование выполнено при поддержке стипендии им. О.Б. Подвинцева (Фонд целевого капитала Пермского университета).

А.Г. Мухамадиев указывал, что в основу прикамской системы лег мискаль весом 4,26 г, сформировавшийся в период второй волны импорта сасанидских монет (Мухамадиев, 1990. С. 73). Впоследствии эта идея была поддержана Н.Б. Крыласовой при изучении разновесов и слитков из цветных металлов (Крыласова, 2019).

В рамках дальнейшего исследования данной темы нами проанализировано 95 гирек с 13 памятников Пермского Предуралья X–XV вв. Подавляющее большинство их выполнено из железа, хотя встречаются биметаллические (2 экз.) и изделия из медных сплавов (6 экз.). Среди них зафиксированы три типа: бочонковидные (6 экз.), кубические (25 экз.), шайбовидные (64 экз.). Первые два – инокультурные, известны на территориях Древней Руси и Волжской Булгарии. Третий тип – местный, характерный для средневековых культур Пермского Предуралья (Крыласова, 2019. С. 76–78).

Расположение всех имеющихся весовых значений в порядке возрастания показывает наличие весовой единицы около 4,2 г, что подтверждается находками гирек такого веса (Рождественское и Роданово городище) и производных от него, например, гирек весом 8,44 г (Роданово городище), 12,8 г (Рождественское городище), 16,48 г (Анюшкар городище), 21,48 г (Кудымкарское городище). Кроме того, фиксируется весовая единица 3 г, что также подтверждается наличием гирек такого веса (Рождественское и Роданово городище) и производных от него, например, 5,9 г (Рождественское городище), 9,0 г (Анюшкар городище), 15,1 г (Анюшкар городище), 18,1 г (Рождественское городище), 27,37 (Рождественское городище) и 54,76 г (Анюшкар городище).

Нами проведено изучение всех имеющихся разновесов, связанных с нормой в 4,26 г., которую исследователи указывают в качестве системообразующей, и ее производными (4,26, 8,52...106,5 и т.д.). В результате все гирьки разделены на три группы: 1) погрешность от 0 до 1 г – 47 экз., из них 29 — шайбовидные, 14 — кубические, 4 — бочонковидные; 2) вес больше нормы в пределах от 1 до 2 г – 27 экз., из них 19 — шайбовидные, 7 — кубические, 1— бочонковидная; 3) вес меньше нормы в пределах от 1 до 2 г – 21 экз., из них 16 — шайбовидные, 4 — кубические, 1— боченковидная. Из 48 гирек, относящихся ко второй и третьей группам, 37 продемонстрировали четкую кратность условной единице, равной 3 г, с погрешностью, не превышающей 0,2 г. Н.Б. Крыласовой также выделялась весовая единица около 30 г (7 мискалей – 29,8 г) (Крыласова, 2023. С. 120).

Источниковую базу дополнили 28 слитков из медных сплавов, которые были произведены на территории Пермского Предуралья (Крыласова, 2018). Бронзовые и латунные слитки не столь сильно подвержены изменению веса в связи с коррозией, как железные гирьки, что позволяет более точно выявить использовавшиеся весовые стандарты. Весовые значения слитков при сравнении с нормой в 4,2 г и также разделены на три группы: 1) погрешность от 0 до 1 г – 12 экз., из них 11 – фрагменты, 1 – целый; 2) вес больше нормы в пределах от 1 до 2 г – 13 экз., из них 11 – фрагменты, 2 – целые; 3) вес меньше нормы в пределах от 1 до 2 г – 3 экз., все – фрагменты. Образующие вторую и третью группы слитки также были сопоставлены с условной весовой единицей в 3 г. В итоге 11 артефактов с памятников X–XV вв. показали соответствие этой системе с погрешностью до 0,2 г.

Н.Б. Крыласовой изучена форма-изложница с городища Анюшкар с гнездами различных размеров. При помощи литейщика-реконструктора, создавшего ее аналог, удалось получить четыре слитка весом 84, 53, 15 и 10,5 г, которые, по мнению исследовательницы, соотносятся с весом в 4,26 г (Крыласова, 2023. С. 118–120). На наш взгляд, полученные данные доказывают наличие двух единиц измерения. Слитки 53 и 10,5 г, действительно, соотносятся с системообразующей единицей в 4,2 г: 12,5*4,2 г и 2,5*4,2 г. Слитки же весом 15 и 84 г — это 3*5 г и 3*28 г (или 20*4,2 г).

До X в. слитки изготавливались с учетом системообразующей единицы 4,2 г, что подтверждается материалами Бурковского могильника (V–VI вв.), например, слитками весом 53 г (12,5*4,2 г) и 38,57 г (9*4,2 г), и Опутятского городища (IV–VI вв.), например, слитком весом 46,29 г (11*4,2 г).

Таким образом, весовые значения слитков из медных сплавов и гирек позволяют говорить о наличии двух системообразующих весовых единиц на территории Пермского Предуралья. Единица весом 4,2 г существовала в течение всего средневековья, но в X-XV вв. параллельно использовалась весовая единица в 3 г.

Крыласова Н.Б., 2018. К развитию концепции А.М. Белавина о товарном производстве меди и сплавов на ее основе в средневековом Пермском Предуралье // Труды КАЭЭ. Вып. XIV. Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат. Пермь: ПГГПУ. С. 54–69.

Крыласова Н.Б., 2019. Слитки и разновесы Пермского Предуралья как источник для изучения средневековых мер веса // Поволжская археология. № 4 (30). С. 68–80.

Крыласова Н.Б., 2023. Литейная форма-изложница с городища Анюшкар (к вопросу о системе «номиналов» металлургических слитков) // Археология Евразийских степей. № 5. С. 114—123. Мухамадиев А.Г., 1990. Древние монеты Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во. 157 с.

О.Ю. Магаляс логии РАН. Москва

Институт археологии РАН, Москва helgmagger@gmail.com

КАОЛИНОВЫЕ КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ ИЗ ПРЕДМЕСТЬЯ КЕНИГСБЕРГА – ФОРДЕСТЕН ХУФЕН: ИМПОРТЫ, ПРОТЕКЦИОНИЗМ, КОНТРАФАКТ

В 2023 г. Самбийской экспедицией ИА РАН проведены раскопки и наблюдения в г. Калининград на пр. Мира. Обследованный участок был отведен г. Альтштадту еще в 1286 г., достоверно известно о его застройке к 1725 г. К началу XIX в. район между ручьем к западу от участка работ и Штайндаммскими воротами к востоку был известен как Фордестен Хуфен, а на его территории располагался ландшафтный парк. В XX в. территория подвергалась планированию, в связи с чем значительные площади культурного слоя оказались разрушены, а большая часть находок переотложена (Бубликов, 2024. Т. 1. С. 15–17; Т. 2. С. 88, 103–104).

Во время полевых исследований обнаружены 5446 фрагментов каолиновых курительных трубок середины XVII — начала XX в., из них 1753 орнаментированы Всего удалось выявить 49 орнаментов, в ряде случаев сочетающихся. Наибольшее количество находок относится к XIX в.

Более 30 % атрибутируемых трубок являются импортами из Англии, основным маркером чего служат изделия с орнаментами 6 типов, характерными для продукции английских мануфактур. Наиболее массовый тип представлен 594 фрагментами 1860—1914 гг., принадлежащими трубкам, чаши которых украшены схематичными изображениями деревьев (рис. 1: 1) (The Archaeology of the Clay Tobacco Pipe, 1981. P. 217, 288. Fig. 47: 10).

Около 15 % трубок произведены на немецких мануфактурах за пределами Восточной Пруссии. 86 фрагментов стеблей покрыты решетчатым или зубчатым орнаментом (рис. 1: 2, 3), используемыми с конца XVII в. и имеющими голландское происхождение. Такие орнаменты обычно сочетаются с клеймами-надписями, указывающими на производителя. Наиболее распространена надпись «FABRIQUE * ZU ROSTIN». Это клеймо принадлежало мануфактуре в имении Ростин в Бранденбурге, производившей каолиновые курительные трубки в 1753–1804 гг. под таможенной протекцией короля Пруссии, изображение короны которого встречено на шести чашах (рис. 1: 4). Также присутствуют стебли с клеймом «WEISSEN * SPRING», принадлежавшим мануфактуре, основанной в 1765 г. по указу Фридриха II в общине Вейссенспринг в Бранденбурге и работавшей до 1835 г. (Теісhner, 2001. S. 276–277). Находки трубок с клеймом «VERZYL * IN GOUDA» на территории немецких государств в XVIII–XIX вв. в литературе интерпретируются как контрафакт с территории Вестервальда, благодаря более доступному сырью потеснив-

 $^{^{1}}$ Автор благодарит Виталия Витальевича Бубликова за предоставленные материалы.

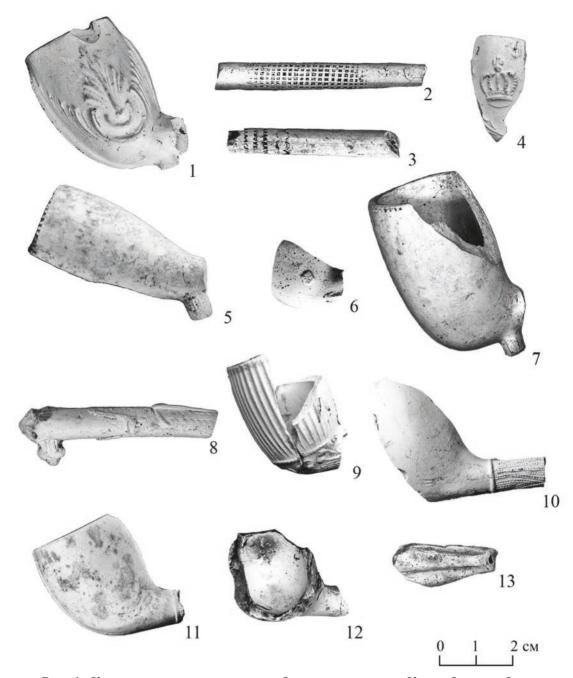

Рис. 1. Каолиновые курительные трубки из предместья Кенигсберга — Фордестен Хуфен.

ший на рынке производителей оригинальных трубок (Liebetrau, 2018. Р. 46). Импорты своеобразных типов трубок из Вестервальда представляют 14 находок, относящиеся к 2 типам. Помимо клейм-надписей обнаружены изделия с клеймами-гербами города Гауда – у 7 фрагментов на каблуках трубок (рис. 1: 5), у 24 фрагментов – на чашах (рис. 1: 6). В последнем случае такая маркировка является однозначным признаком контрафактного происхождения изделия, на что указывает низкое качество клейма и его расположение.

Детализированные клейма на каблуке в некоторых случаях встречаются на трубках, морфология чаш которых типична для английского, но не голландского производства (рис. 1: 7). Герб на чаше иногда сочетается с каблуком в форме ветви с тремя апельсинами — очевидно, отсылке к династии Оранских. В свою очередь, такие каблуки сочетаются со стеблями, украшенными изображением рыб (рис. 1: 8). Эти сюжеты имеют несомненное голландское происхождение, однако украшенные таким образом трубки из Фордестен Хуфен морфологически отличаются от материалов из других регионов.

Не менее 30 % атрибутируемых экземпляров изготовлены в Восточной Пруссии. На существование местного производства указывают находки, орнаменты которых не встречаются на других территориях. Это 209 фрагментов чаш, покрытых орнаментом с цветами и ягодами в придонной части и вертикальными линиями по стенкам до венчика (рис. 1: 9). На 15 фрагментах прослеживается переход орнамента на стебель, в виде травы с пунктирными точками. Всего орнаментация стебля чаши листьями травы встречается 313 раз, при этом в 21 случае чаша и шейка трубки не декорированы. Важно, что морфология чаш у трубок с рассматриваемым орнаментом различна. Они могут быть как вытянутыми, близкими голландской традиции (рис. 1: 10), так и низкими, встречающимися среди трубок «английской» морфологии с 1820-х годов (рис. 1: 11). Среди предметов этой группы встречаются бракованные образцы, у которых чаша лишена входа дымового канала (рис. 1: 12). Также обнаружены 12 фрагментов изделий из каолина, являющихся отходами производства (рис. 1: 13). Все это позволяет сделать вывод о действовавшей с конца XVIII в. мануфактуре, расположенной в Кенигсберге или его окрестностях.

Представленные материалы расширяют представления о борьбе Прусского королевства за контроль над континентальными рынками сбыта, отражают допуск английских потребительских товаров на внутренний рынок и свидетельствуют о существовании локального производства каолиновых курительных трубок в Восточной Пруссии.

Бубликов В.В., 2024. Отчет о полевых археологических работах (раскопках и наблюдениях), проведенных на территории выявленного ОАН «Участок культурного слоя г. Кенигсберга», XVIII в. н.э. – начало XX в. н.э., Калининградская область, г. Калининград, пр. Мира, д. 15» в 2023 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Ф-1.

The Archaeology of the Clay Tobacco Pipe, 1981. VI. Pipes and kilns in the London region / Ed. P. Davey. Oxford. 293 p. (BAR British Series. 97).

Liebetrau S., 2018. Clay Tobacco Pipes from Eisenberg Castle near Korbach, Germany // Journal of the Academie Internationale de la Pipe. Vol. 11. P. 35–50.

Teichner F., 2001. Tonpfeifenbacker in Berlin und Brandenburg 2: Bodenfunde aus Berlin, Konigs Wusterhausen, Kloster Zinna und Potsdam // Ethnographisch-archaologische Zeitschrift. A. 42. S. 265–305.

В.С. Мальнев

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет maltzev024@yandex.ru

ОРУДИЯ РЫБОЛОВСТВА В ПОГРЕБЕНИЯХ РОЖДЕСТВЕНСКОГО (ЯЗЫЧЕСКОГО) МОГИЛЬНИКА В ПЕРМСКОМ КРАЕ

Рождественский I (языческий) могильник — один из объектов Рождественского археологического комплекса, находящегося в Карагайском муниципальном округе Пермского края. Могильник располагается на мысу высокой береговой террасы р. Обва в 500 м восточнее одноименного городища (Крыласова, Белавин, 2015. С. 16). Исследовался Н.Б. Крыласовой в 1990—1993, 1997, 2008—2012, 2014—2023 гг. Вскрыто 2710 кв. м, изучено 444 погребения. Могильник датируется X—XI вв. (Крыласова, 2024. С. 5–8).

Часть связанных с рыболовством предметов, которые представлены в настоящей работе, анализировалась Н.Б. Крыласовой и А.М. Белавиным вместе с другими орудиями, входящими в состав компактных скоплений хозяйственного и производственного инвентаря погребений. Мы отдельно рассмотрим орудия рыболовства и их расположение в захоронениях Рождественского могильника.

Изделия, относящиеся к рыболовному промыслу, представлены в девяти комплексах (п. 65, 169, 247, 249, 250, 257, 264a, 406, 416) – в каждом по одному.

В Пермском Предуралье известны средневековые железные наконечники острог двух типов: двузубые и составные. **Наконечники острог** длиной 20 см (рис. 1: 5, 6), найденные в погребениях Рождественского могильника, относятся к типу составных.

Они складывались из отдельных железных зубьев, фиксирующихся в деревянном основании (Белавин, 2016. С. 45). Крупные размеры острог свидетельствуют, что ими осуществляли лов достаточно крупной рыбы.

Рыболовные крючки представлены двумя типами: для удочки (1 экз.) и для самоловной снасти (6 экз.). Фрагмент крючка длиной 2 см. (рис. 1: 8) предназначался для ловли на поплавочную удочку. Крючки для самоловов длиной 11–17,5 см (рис. 1: 1–4, 7, 9) использовались для ловли крупной рыбы (Мальцев, 2024. С. 37–40). У одного из них сохранилось звено цепи, которое крепится к петле (рис. 1: 3).

Табл. 1. Состав инвентаря погребений с орудиями рыболовства

№ погребения	Орудия дерево- обработки	Орудия охоты	Земледель- ческие орудия	Орудия металло- обработки	Детали конского снаряжения	Детали костюма
65	+	+			+	+
169	+					
247	+	+				+
249	+	+	+			+
250	+	+			+	+
257	+	+	+	+		+
2646	+	+	+			+
406	+	·				+
416	+					

На территории Пермского Предуралья погребения с орудиями рыболовства встречаются на Митинском (п. 72) (Шмуратко, 2020. С. 125) и Бояновском (п. 223) (Данич, 2010. С. 20) могильниках ломоватовской культуры.

В восьми комплексах Рождественского некрополя орудия рыболовства находились в составе скоплений хозяйственного и производственного инвентаря, из них в одном случае (п. 65) набор орудий располагался в северной части могильной ямы в изголовье погребенного. Это был жертвенно-поминальный комплекс, поднесенный умершему спустя некоторое время после захоронения (Крыласова, Белавин, 2015. С. 17). В остальных семи случаях (п. 169, 247, 249, 250, 257, 264a, 406) комплексы орудий располагались в ногах погребенного.

Набор инвентаря отличается разнообразием и включает хозяйственные и производственные инструменты из разных отраслей. Наиболее часто в погребениях с рыболовным инструментарием присутствовали орудия деревообработки (9 случаев из 9) (наструги, топоры, шиповые долота, ножи, оселки). На втором месте — орудия охоты (6 случаев) (железные наконечники стрел и копий). Реже встречаются земледельческие орудия (3 случая) (наконечники мотыг). Орудия металлообработки присутствуют в 1 случае (кузнечный молоточек, тигельные клещи) (табл. 1). В двух погребениях находились удила. Эта деталь конского снаряжения обычно связывается с всадниками-воинами. В целом же состав инвентаря мужских погребений имел хозяйственно-производственную направленность (Крыласова, Белавин, 2015. С. 19). Во всех комплексах с орудиями (за исключением п. 169) присутствовали также детали костюма. В двух случаях обнаружены уникальные предметы: в п. 250 — поясной набор из серебра с чернью, в п. 249 — серебряный медальон с изображением всадника на одной стороне и сидящего человека в окружении двух львов на другой (Крыласова, Белавин, 2015. С. 20).

Таким образом, орудия рыболовства встречаются в девяти захоронениях (2 % от общего количества), причем вместе с другими хозяйственными орудиями. По-видимому, это означает, что индивиды мужского пола из указанных погребений кроме рыбной ловли вели и другую хозяйственную деятельность, не имея четкой специализации. Также следует отметить, что в комплексах встречается по одному орудию рыболовства определенного типа (остроги, крючки для удочки и самоловов). Можно полагать, что погребенные владели только одним способом рыбной ловли.

Крыласова Н.Б., Белавин А.М., 2015. Комплексы орудий в мужских захоронениях ломоватовской культуры как отражение основных хозяйственных и производственных занятий населения // Вестник Челябинского государственного университета. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 16–27.

Белавин А.М., 2016. Рыбная ловля в Прикамье в древности и средние века // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. № 3. С. 42–47.

- Данич А.В., 2010. Отчет о раскопках Баяновского могильника в Добрянском районе Пермского Края в 2010 г. // Архив МАЭ ПГГПУ.
- Крыласова Н.Б., 2024. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2023 г. // Архив МАЭ ПГГПУ.
- Мальцев В.С., 2024. Подходы к классификации средневековых рыболовных крючков // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Серия: Stadia Historica Jenium. № 1 (20). С. 33–42.
- Шмуратко Д.В., 2020. Отчет о раскопках Митинского курганного могильника эпохи Великого переселения народов на севере Пермского края в 2019 г. // Архив МАЭ ПГГПУ.

А.А. Назаров

НИУ «Высшая школа экономики», Москва aralnazarov@edu.hse.ru

ПРОСТРАНСТВО ЗАХОРОНЕНИЯ В МУСУЛЬМАНСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ: СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ?

Погребальный обряд – это сложная система ритуалов, направленных на организацию перехода умершего из мира живых в мир мертвых. Он отражает представления населения о загробном мире и его связи с миром живых (ван Геннеп, 1999. С. 147–149). Расположение погребений на могильнике может указывать на статус покойных, религиозную принадлежность и причины смерти, являясь важным источником информации об оставившем памятник населении.

Ислам более других религий регламентирует погребальный обряд системой священных и нормативных текстов. В ее основе лежит Коран — Священное Писание. Его дополняет Сунна — сборник хадисов о жизни пророка Мухаммада. На их основе возник Шариат — религиозно—правовая система, которая осмысляется в правовом ключе фикхом. В Крыму в XVI—XIX вв. действовал фикх ханафитской школы (Кулиев, 2020, С. 15–16, 29–30; Меньшиков, 2024. С. 303). Эти тексты определяют пространство могилы как дом покойного. Могила должна быть одиночной, глубиной и шириной в половину человеческого роста; длиной в рост покойного. В ней организуется подбой (ляхд), если земля рыхлая — заплечики (шакк). Покойного хоронят в саване, реже в гробу (табуте), головой на запад, лицом к кибле, по направлению к Мекке (на юг). Погребальный инвентарь, сопроводительная пища, пышные надмогильные сооружения являются нарушением канона, обрекая покойного на муки. В археологии они связываются с сохранением доисламских обрядов (Тахмаз, 2007. С. 150; Меньшиков, 2024. С. 313).

Археологический источник содержит информацию об адаптации этих правил. Могила является выражением системы обрядов. Для настоящей работы выбраны полностью исследованные могильник Живописное I в Симферопольском р-не Республики Крым (XVI–XVII вв., 67 погр., раскопан в 2018 г.) (Меньшиков, 2019) и могильник у пос. Заозерное, г. Евпатория (XVIII–XIX вв., 45 погр. раскопан в 1969, 1975 и 1976 гг.) (Антонов, 2021. С. 2–3; Бочаров, 2016. С. 42). Эти памятники близки по времени, их погребальный обряд сходен (Науменко, Сейдалиев, 2021. С. 107). Для него характерны неглубокие могилы шириной до 1 м. Покойные лежат на спине головой на запад. Ляхды и шакки могут сосуществовать на одном могильнике, но, в основном, погребения везде простой формы (Меньшиков, 2024. С. 309).

Рассматриваемые памятники, однако, обладают и локальной спецификой. На могильнике Живописное I представлено равное количество могил с ляхдом и шакком, иногда есть и то, и другое. Мало внутримогильных конструкций: перекрытий, камней, гробов. Черепа лицевой частью повернуты в сторону киблы, реже — на север или вверх. Есть погребения с костями животных (вероятно, погребальной пищей) и одно — с сопроводительным инвентарем (Антонов, 2021. С. 30–32, 65). На могильнике у пос. Заозерное могил с шакком больше, чем с ляхдом, ляхд и шакк не встречаются вместе. Во всех

захоронениях есть каменный заклад, иногда с перекрытием, редко — каменные плиты. В нескольких погребениях обнаружены остатки птичьих яиц, кости скота, погребальный инвентарь (Бочаров, 2016. С. 52–54).

Ляхд и шакк в одном захоронении, погребальный инвентарь и сопроводительная пища противоречат суннитским канонам. В программе «QGIS» проанализировано положение этих погребений в пространстве могильника. У пос. Заозерное такие могилы не образуют скоплений и какой-либо системы. На некрополе Живописное I погребения с костями животных образуют ряд в центральной части, с ляхдом и шакком — ряд на северной границе. Могила с сопроводительным инвентарем находится в стороне от них. Погребения без ляхда или шакка везде составляют большинство, что, вероятно, связано с тем, что население не считало это нарушением канона.

Итак, мы можем предположить, что отклонения от классических погребальных канонов на рассматриваемых могильниках говорят о сохранении языческих погребальных обрядов или мусульманских не классического суннитского толка: шиитских либо традиций населения, принявшего ислам до оформления письменной суннитской традиции. На могильнике у пос. Заозерное дисперсное положение таких погребений может указывать на отсутствие сепарации обрядово отличного населения. На могильнике Живописное I ряды погребений с нарушениями суннитских канонов могут принадлежать носителям иной культуры либо отражать динамику обряда, являясь более ранними либо более поздними, чем другие захоронения.

Антонов Е.Е., 2021. Отчет о выполнении археологических полевых работ на территории выявленного объекта археологического наследия «Грунтовый могильник Живописное 1». Препринт. М.: ИА РАН. 80 с.

Бочаров С.Г., 2016. Позднесредневековый могильник у античного городища Чайка в Западном Крыму // Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища «Чайка» и некрополя у поселка Заозерное) / Отв. ред. Е.А. Попова. М.: МГУ. С. 42–121.

Геннеп А., ван., 1999. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. М.: Восточная литература. 198 с.

Кулиев Д.Т., 2020. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение // Исламоведение. № 1 (43). С. 13–23. Меньшиков М.Ю., 2019. Мусульманский могильник XVI–XVII вв. Живописное 1 (Республика Крым, Симферопольский район) // История и археология Крыма. № 11. С. 203–208.

Меньшиков М.Ю., 2024. От языческих курганов к мусульманским грунтовым некрополям: переходный этап в формировании погребальных памятников золотоордынского времени в Крыму // Археология Евразийских степей. № 3. С. 301–317.

Науменко В.Е., Сейдалиев Э.И., 2021. Османская археология в Крыму // История крымских татар: в пяти томах. Т. 3. Крымское ханство (XV–XVIII вв.) / Отв. ред. И.В. Зайцев. Казань: ИИ АН РТ, Крымский научный центр. С. 81–112.

Тахмаз А.Х.М., 2007. Ханафитский фикх: каноны религиозной практики. Пособие для исламских учебных заведений / Пер. с араб. А. Нирша. Нижний Новгород: Медина. 172 с.

Д.М. Павлов

Институт археологии РАН, Москва Лаборатория RSSDA, Москва scorpioncn2013@gmail.com

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ ЯМАНКА I, II И ИХ ЛАНДШАФТНЫЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Местонахождения Яманка I и Яманка II расположены в Усть-Джегутинском районе Карачаево-Черкесской республики, в 1,8 км северо-восточнее с. Важное, в балке Учкура в безымянном овраге на вертикальном скальном обрыве, имеющем южную экспозицию. Местонахождение Яманка I обнаружено в 2014 г. У.Ю. Кочкаровым в ходе разведок, не опубликовано. Местонахождение Яманка II открыто в 2024 г. во время осмотра скальных выходов восточнее Яманки I.

Всего на Яманке I зафиксировано 107 поверхностей, на Яманке II – 5. На скалах изображены олени, волки, кабаны, антропоморфные фигуры, всадники, знаки (свастики, кресты, тамги, геометрические фигуры), сцены охоты и одна сцена потрошения кабана. Все петроглифы выполнены техникой гравировки. Наблюдается минимум две разновидности гравировок: глубокие и широкие, которых меньшинство, и неглубокие, при помощи которых создана большая часть изображений. Петроглифы датируются средневековым временем и находят аналогии с аланскими изображениями X–XII вв., которые обнаружены на территории Кяфарского городища (Аржанцева, Албегова, 1999. С. 186). Относительно возраста некоторых изображений (в первую очередь геометрических знаков), однако, существует дискуссия. Такие знаки принято относить к бронзовому веку из-за их наличия на стенах дольменов (Марковин, 2004. С. 52). Но наблюдения над ландшафтным и археологическим контекстом привели к мысли, что такая датировка в рассматриваемом случае маловероятна. Во-первых, для изображений на дольменах остается возможность их более позднего нанесения. Во-вторых, выглядит сомнительным, что при интенсивном обрушении скального массива изображения эпохи бронзы сохранились.

Местонахождения располагаются в балке Учкура, образованной временным водотоком. Река Яманка, протекающая внутри балки, судя по всему, находится на первом этапе своего формирования, поскольку глубоко промывает почву, образуя внутри балки небольшой каньон. Петроглифы Яманки I и Яманки II зафиксированы на вертикальном скальном обрыве, который сложен известняками. Он является куэстой, на западной, южной и восточной сторонах которой наблюдаются выходы горной породы. Почти весь склон, кроме южного, нестабилен, на нем заметны свежие выпадения фрагментов скалы. Южный склон тоже подвержен эрозии, хотя она здесь намного медленнее. Поверхности с изображениями разрушаются под воздействием морозобойного выветривания и обрастания биогенной пленкой. На западном и восточном краях местонахождений наблюдаются единичные большие отпавшие от скального массива блоки известняка. Кроме этого, некоторые поверхности с петроглифами находятся высоко и доступны для документирования только с использованием лестницы или альпинистского снаряжения. Наблюдаемые под ними остатки естественных карнизов, однако, позволяют предположить, что в прошлом участки скалы были доступны для нанесения изображений.

Данные об археологическом контексте объектов получены из свода памятников Карачаево-Черкессии Е.П. Алексеевой (Алексеева, 1992. С. 101–103), для уточнения местоположения памятников использована база данных ГИС "Археологическая карта России".

На куэсте с петроглифами известно городище, датируемое V–XII вв. (Биджиев, 1982. С. 66). Внутри него отмечены несколько разграбленных курганов. Примечательно, что с городища есть спуск до места расположения петроглифов по упомянутому выше временному водотоку. Более того, наибольшая концентрация поверхностей с петроглифами на Яманке I наблюдается именно вблизи спуска. Другое скопление изображений находится в центре местонахождения. Возможно, это связано с тем, что здесь вдоль скалы расположен широкий естественный уступ. С местонахождения наблюдается Учкульское городище (Учкурка), датируемое VII–X вв. (Алексеева, 1992. С. 122–123), размещающееся на левой стороне р. Яманки на мысу г. Учкура в 0,6 км от Яманки I.

Ближайший аналог (валуны с петроглифами Кяфарского городища), датируемый X–XII вв., и находящийся рядом археологический памятник (городище на куэсте), существовавший в V–XII вв., позволяют предположить, что как минимум часть изображений может быть датирована раннесредневековым временем.

Кроме того, постоянное разрушение скального массива, морфология балки и р. Яманки не исключают крупных обвалов в прошлом, что может служить дополнительным аргументом в пользу того, что на памятнике в нынешнем состоянии нет петроглифов эпохи бронзы. Южная экспозиция склона в целом характерна для памятников наскального искусства (Мельникова, Николаев, 2021. С. 177), поэтому при обследовании скальных выходов южнее могут быть обнаружены новые изображения.

- Алексеева Е.П., 1992. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.: Наука. 216 с.
- Аржанцева И.А., Албегова З.Х., 1999. Культовые камни Кяфарского городища (еще раз о религиозном дуализме алан) // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М: ИА РАН. С. 183–200.
- Биджиев X.X., 1982. Некоторые итоги исследования средневековых памятников Карачаево-Черкесии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Материальная и духовная культура / Отв. ред. Е.И. Алексеева. Черкесск. С. 59–83.
- ГИС «Археологическая карта России». URL: https://archaeolog.ru/pub/map (дата обращения: 12.12.2024).
- Марковин В.И., 2004. Наскальные изображения Северного Кавказа и некоторые проблемы в их изучении (очерки) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Памяти Василия Васильевича Волкова / Отв. ред. А.Н. Гей. М.: ИА РАН. С. 51–64.
- Мельникова Л.В., Николаев В.С., 2021. Морфология склона как основа исследования петроглифов Восточной Сибири // Поверив алгеброй гармонию: сборник статей памяти Якова Абрамовича Шера / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: ИИМК РАН. С. 172–182.

А.М. Прокудина

Новосибирский государственный университет a.prokudina@g.nsu.ru

АНАТОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕРЕВЯННЫХ АНТРОПОМОРФНЫХ СКУЛЬПТУР ГОРОДИЩА УСТЬ-ВОЙКАРСКОЕ

Городище Усть-Войкарское является средневековым многослойным памятником севера Западной Сибири. Расположение памятника (ЯНАО) в регионе с мерзлотным слоем способствует сохранению предметов из органических материалов. На городище найдено немало фрагментов ткани, изделий из бересты и древесины, в том числе значительное количество антропоморфных деревянных скульптурных изображений (Гаркуша и др., 2024 С. 109).

Как правило, их анализ начинается с описания иконографических и стилистических особенностей. Для скульптур севера Западной Сибири предложено несколько типологий (Иванов, 1970. С 283–285; Кардаш, 2009. С. 188–190, 2013. С. 200–201). В настоящее время проводится комплексное изучение антропоморфных статуэток городища Усть-Войкарское, уже создана на основе внешних стилистических данных основная классификация (Гаркуша и др., 2024. С. 108–114). В продолжение археологического изучения миниатюрных деревянных скульптур с помощью методов естественных и точных наук в рамках данной работы исследовано восемь образцов максимальной сохранности.

На первом этапе созданы 3D-модели скульптур с помощью сканера Range Vision. Применение 3D-аналитики в рамках археологических изысканий позволяет измерять подробно детализированное трехмерное изображение, конструировать его и анализировать плоскости сечения, в отличие от анализа статичных чертежей и фотографий (Зайцева, 2014. С. 13–17). При исследовании моделей зафиксированы различия в макроскопическом строении разных образцов, в текстуре древесины, целостности структуры. Выдвинуто предположение, что скульптуры были выполнены из лиственных и хвойных пород. Скульптуры из лиственных пород характеризовались худшей сохранностью. Скульптуры из хвойных пород выглядели более целостными по структуре.

На втором этапе проведен анатомический анализ древесины для проверки выдвинутой гипотезы. Данный метод позволяет определять породу древесины путем изучения микроскопических признаков клеточного строения (Бенькова, Швейнгрубер, 2004. С. 20–51). Каждая из восьми скульптур изучена при увеличении 5х–10х с помощью микроскопа АМЈ-50М в трех проекциях: поперечной, радиальной и тангенциальной. Работа с археологическим материалом имеет ряд особенностей, которые могут затруднить исследование: неровность поверхности; грязь, плесень в порах древесины; плохая сохранность некоторых скульптур. Тем не менее площадь, необходимую для анатоми-

ческого анализа (3 кв. мм), удалось обнаружить на каждом образце. В результате установлено, что шесть скульптур изготовлены из древесины хвойных пород (75 %), две – из лиственных (25 %). Таким образом, выдвинутая ранее гипотеза подтвердилась. Видовая принадлежность образцов не установлена ввиду недостаточного увеличения микроскопа.

Полученные данные сопоставлены с результатами анатомического анализа дендрообразцов городища Усть-Войкарское (Гурская, 2008. С. 215–217; Гаркуша, 2023. С. 11). Изучаемые изделия обнаружены в основном на территории жилищ между различными ярусами деревянных конструкций, что свидетельствует о неразрывности бытования скульптур и построек. Соответственно, сопоставление результатов анатомического анализа корректно.

Согласно данным М.А. Гурской, для строительства жилых сооружений использовались хвойные виды деревьев, таких, как ель сибирская (*Picea obovata Ledeb*.) (60 %), лиственница сибирская (*Larix sibirica Ledeb*.) (28 %) и сосна сибирская (*Pinus sibirica Du Tour*) (4 %). Кроме того, фиксируется наличие кольев из березы (*Betula sp.*) (8%) (Гурская, 2008. С. 214). Ю.Н. Гаркушей выделены породы: ель сибирская (*Picea obovata Ledeb*.) – 60 %, лиственница сибирская (*Larix sibirica Ledeb*.) – 30 %, сосна сибирская (*Pinus sibirica Du Tour*) – 10 %. Данные обоих исследователей не противоречат друг другу и коррелируют с нашими.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что основной массив миниатюрных деревянных скульптур был изготовлен из хвойных пород древесины. Жилищные постройки сооружались преимущественно из деревьев тех же породы. Можно предположить, что хвойная древесина была основным строительным и поделочным материалом на городище Усть-Войкарское.

Бенькова В.Е., Швейнгрубер Ф.Х., 2004. Анатомия древесины растений России. Берн. 456 с.

- Гаркуша Ю.Н., 2023. Хронология и архитектурно-пространственная организация Усть-Войкарского городища, субарктическая зона Западной Сибири: в 2-х т. Автореф дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск. 28 с.
- Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В., Бауло А.В., 2024. Антропоморфная миниатюрная скульптура с Усть-Войкарского городища: хронология, контекст, семантика // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 52 (№ 2). С. 108–118.
- Гурская М.А., 2008. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауны и флоры Северной Евразии в позднем кайнозое. Вып. 6. Екатеринбург; Челябинск: Рифей. С. 212–231.
- Зайцева О.В., 2014. «3D революция» в археологической фиксации в российской перспективе // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 10–20.
- Иванов С.В., 1970. Скульптура народов Севера Сибири XIX первая половина XX века. Л.: Наука. 295 с.
- Кардаш О.В., 2009. Надымский городок в конце XVI первой трети XVIII в.: история и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан. 360 с.
- Кардаш О.В., 2013. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. Екатеринбург; Салехард: Магеллан. 379 с.

А.В. Фисенко

ГБУК Археологический центр Псковской области, Псков Институт археологии РАН, Москва F1son@yandex.ru

К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ ПО ОБРАБОТКЕ КОСТЯНОГО СЫРЬЯ (НА ПРИМЕРЕ НОВОТОРГОВСКОГО-6 РАСКОПА 2008 г. В ПСКОВЕ)

Введение. В изучении археологических комплексов с остатками косторезного ремесла существенной проблемой является не только установить наличие производства,

но и зафиксировать его отсутствие. На сегодняшний день сформулирован комплексный подход в атрибуции косторезных мастерских: из состава коллекции выделяются производственные остатки, исследуется технологическая схема изготовления конкретных изделий, фиксируются заготовки, отходы, брак на разных этапах технологического процесса, и все это накладывается на археологический контекст. Таким образом реконструируется место расположения мастерской в общей системе застройки (Давидан, 1977; Смирнова, 1998; Яворская, Бадеев, 2019).

К этому подходу было решено добавить еще одно аналитическое измерение – распределение по плану и хронологическим горизонтам раскопа массовых костных остатков животных («кухонных»), чтобы выявить тем самым концентрацию производственных остатков и потенциального сырья. Для демонстрации полученных результатов привлекаются материалы Новоторговского-6 раскопа в Пскове, на площади которого нами выявлен производственный комплекс начала XVI в. по обработке костного материала.

Общая характеристика раскопа. Раскоп Новоторговский-6 исследовался в 2008 г. под руководством А.В. Яковлева. Его площадь составила 712 кв. м, общие датировки культурного слоя: XIII—XIX вв. Раскоп расположен в северной части средневекового района Полонище на территории Нового торга (рис. 1: А). Прекрасная сохранность деревянных конструкций на данном участке позволила составить реконструктивный план застройки в разные хронологические периоды и наложить на них как маркеры косторезного производства, так и массовые костные остатки.

На участке А в северо-западной части раскопа под массивным фундаментом здания XIX — начала XX в. (рис. 1: Б) выявлены непотревоженные культурные напластования более раннего времени. По дендродатам, полученным с 127 образцов, определено два яруса застройки: 1-й ярус датируется концом XVII — началом XVIII в. (соотносится с пластами 8–10 раскопа), 2-й ярус принадлежит началу XVI в. (соотносится с пластами 9–12)¹.

Состав остеологической коллекции. Общее число – 27231 ед. «Кухонные остатки» 2 – 27204 ед., законченные формы изделий из кости – 14 ед., заготовки изделий – 9 ед., отходы производства – 4 ед.

В ходе обработки археологической коллекции нами выделены предметы со следами инструментальной доработки целой кости для бытовых нужд (заготовки коньков из метаподиев КРС и лошади), а также костяные находки со следами сложных ремесленных операций: спилы эпифизов метаподиев, заготовки изделий и остатки раскроя плотного рога (рис. 1: В).

Анализ расположения находок. Все «производственные» костные маркеры концентрировались в пластах 11-12 (60~% или 8~ ед.) и в пластах 9-10 (40~% или 5~ ед.). В планиграфии они зафиксированы преимущественно на участке A-10~ предметов из кости и все опилки из плотного рога. Соответственно, ремесленный комплекс локализуется на участке A, в напластованиях начала XVI в. (2-й ярус).

На реконструированный план застройки были нанесены места обнаружения «производственных» находок (рис. 1: Г), которые четко локализовались на территории жилого двора и в Срубе 5 (далее Ср.5). По всем признакам, перед нами – пример ненарушенного комплекса по обработке костяного сырья. На это указывают массовость материала, наличие отходов производства и заготовок изделий, компактность распространения находок и явная их связь с выявленными археологическими объектами с четкими датировками (Яворская, Бадеев, 2019).

План реконструкции застройки был совмещен с моделью распределения «кухонных» остатков и выявленным производственным комплексом³. Оказалось, что «кухонные»

¹ Дендродаты – с 1512 по 1532 гг., определения М.И. Кулаковой.

² Следует отметить, что остеологический материал по раскопу специалистами археозоологами не исследовался. Термин «кухонные остатки» носит обобщающий характер и используется, согласно устоявшейся в Пскове терминологии, для основного массива массового материала, фигурирующего в статистических таблицах в приложении к отчету.

³ Модель распределения строилась посредством программного обеспечения Surfer.

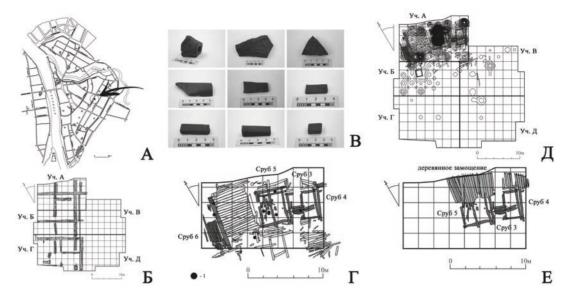

Рис. 1. Псков. Новоторговский-6 раскоп 2008 г.

A – расположение Новоторговского-6 раскопа на карте г. Пскова; B – план фундамента здания XIX – начала XX в.; B – маркеры косторезного ремесла; Γ – план сооружений 2-го яруса (начало XVI в.), участок-A (1 – места обнаружения маркеров косторезного ремесла); \mathcal{I} – модель распространения костных «кухонных» остатков (мин. контур – 20 ед., шаг горизонталей – 20 ед.); E – совмещение планов мостовой 1-го яруса (конец XVII – начало XVIII в.) и срубов 2-го яруса (начало XVI в.), участок-A.

остатки так же, как и производственные, концентрируются в заполнении Cp.5¹ и прилегающем к нему Cp.3, а также в ближних западинах. При этом находки костей практически отсутствуют на остальной площади раскопа (рис. 1: Д). Такой эффект мог быть достигнут только в случае целенаправленных действий по засыпке внутренних объемов срубов грунтом с прилегающей территории, по всей видимости, после прекращения их функционирования.

В напластованиях над срубами выявлен отрезок деревянного замощения 1-го яруса (рис. 1: Е). Процесс засыпки связан с нивелировкой поверхности в момент строительства дороги. Все находки в Ср.5, действительно, оказались перемещены с прилегающей территории. Таким образом, наш производственный комплекс костореза располагался где-то поблизости, но связать его непосредственно со Ср.5 или ближайшими постройками нельзя.

Заключение. Проведенное исследование показывает, что в черте города иногда сложно достоверно определить целостность производственного комплекса, так как он может быть завуалирован неявными нарушениями культурного слоя. Тем не менее на сегодняшний день у исследователей есть дополнительные аналитические инструменты, с помощью которых они могут минимизировать свои ошибки при анализе археологического материала.

Давидан О.И., 1977. К вопросу об организации косторезного ремесла в древней Ладоге // АСГЭ. Вып. 18. С. 101-105.

Смирнова Л.И., 1998. Организация косторезного ремесла в древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина). М.: Памятники исторической мысли. С. 237–247.

Яворская Л.В., Бадеев Д.Ю., 2019. Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. № 4 (30). С. 210–225.

¹ Собранно 3057 ед.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет fadedfox0626@gmail.com

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЛОМОВАТОВСКОЙ И РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУР

Ломоватовская (V – конец XI в.) и родановская (конец XI / начало XII – XV в.) археологические культуры, существовавшие на территории Пермского Предуралья, воспринимаются исследователями как сменяющие друг друга. Прежде всего, речь идет о смене типа хозяйствования. Несмотря на долгий период изучения, актуальными остаются вопросы, в том числе посвященные стратегиям расселения и хозяйственному освоению территории средневековым населением региона, которые редко становились предметами специальных исследований.

В рамках данной работы создана геоинформационная система, содержащая сведения об археологических памятниках ломоватовской и родановской культур, а также об их природно-ландшафтном окружении. Всего для анализа отобрано 281 поселение, среди которых 89 городищ и 192 селища.

Одним из примененных инструментов является вычисление плотности ядер (Kernel Density). С одной стороны, высокая плотность расположения памятников может быть показателем существования хозяйственной, экономической структуры. Она выделяется некоторыми исследователями как косвенный признак центрального места (Nakoinz, 2010. Р. 263). С другой стороны, высокая плотность памятников не равна высокой плотности населения. Такие крупные поселения, как Рождественское и Кыласово городища, характеризуются большей населенностью, нежели периферийные. Таким образом, получившаяся картина демонстрирует не плотность населения, а плотность распространения археологических памятников.

Наблюдая за изменениями в расположении мест высокой плотности, можно отметить их постепенное смещение к северу. Наличие нескольких центров высокой плотности в совокупности с фактом постепенного исчезновения некоторых групп памятников (Вострокнутов, 2017. С. 86) позволяет утверждать, что основная масса населения переместилась к северу и северо-востоку.

При помощи инструмента Кластеризация на основе плотности (Density-based Clustering) можно выделить кластеры точечных объектов из окружающего шума, задавая при этом расстояние для радиуса поиска. Таким радиусом было принято считать расстояние в 10 км, так как именно оно обычно называется исследователями в качестве «эталона» расстояний внутри малых групп памятников (Кананин, 2001. С. 117). Наибольшее количество кластеров характерно для IX–XII вв., к XV в. их количество сокращается до 3. Следует подчеркнуть, что размеры кластеров варьируются от 2 до 30 поселений.

Значимой характеристикой может стать абсолютная высота площадок памятников. Эти данные были получены на основе цифровой модели рельефа (DEM). Селища в среднем находятся на высоте 133 м, городища в среднем располагаются на площадках с высотами около 150 м. Наблюдаемая разница закономерна, так как оборонительная функция городищ в данной местности, отмеченная многими исследователями, определяет их локализацию на более высоких мысах, часто над обрывами. С одной стороны, выбор такого местоположения для строительства городища обусловлен защитой со стороны реки и отсутствием необходимости строить укрепления вокруг всего поселения, с другой стороны, вероятным критерием также служил хороший обзор окружающей местности.

Получены данные о крутизне площадок, на которых расположены археологические памятники. Следует отметить, что показатели кривизны также различаются для селищ и городищ. Средние значения уклона для городищ -5.5° , для селищ -3.2° . Таким образом, в качестве места для городища выбирались более крутые площадки.

Подводя итог, можно сказать, что результаты использования инструментов ГИСанализа демонстрируют различия в топографическом положении городищ и селищ вне зависимости от периода функционирования памятников. Как для ломоватовской, так и для родановской культуры наблюдается преимущество в высотном расположении городищ над селищами, кроме того, поселения обеих культур в среднем расположены на площадках с небольшим уклоном.

В.П. Петров, опираясь на исторические источники XVIII—XX вв. и данные этнографии, в том числе опросы жителей Пермской и Вятской губерний, выделяет признаки, влияющие на выбор площадки для подсечно-огневого земледелия (Петров, 1968. С. 25–82). Среди них называется наличие уклона для оттока лишней влаги, возвышенность и открытость площадки, что обеспечивает повышенную температуру, количество солнечных лучей и обдуваемость. Приведенные выше характеристики поселенческих памятников свидетельствуют о пригодности мест, где они расположены, для подсечноогневого земледелия.

Вострокнутов А.В., 2017. Историческая динамика населения междуречья Камы и Иньвы в V–XV вв. н.э. По данным картографии // VII Халиковские чтения. Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию Билярской археологической экспедиции / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань; Болгар; Билярск: Казанская недвижимость. С. 78–86.

Кананин В.А., 2001. Городище Шудьякар — центр зюздинской группы населения ломоватовской и родановской культур // Труды КАЭЭ. Пермь: Изд-во ПГПУ. С. 116—118.

Петров В.П., 1968. Подсечное земледелие. Киев: Наукова думка. 228 с.

Nakoinz O., 2010. Concepts of Central Place Research in Archaeology // Landscapes and human development. The contribution of European archaeology. Proceedings of the International Workshop "Socio-Environmental Dynamics over the Last 12.000 Years: The Creation of Landscapes (1–4th April 2009)". Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. P. 251–264.

П.С. Шалфеев

Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва pashkandii@yandex.ru

ЗЕРНОВЫЕ ЯМЫ КАК ОТДЕЛЬНАЯ ГРУППА ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ИСТОРИЯ ВОПРОСА)

Зерновые ямы являются простым типом хозяйственных построек и выделяются в отдельную группу сооружений. Они предназначались для хранения зерна. В позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов как отдельные зерновые ямы, так и целые комплексы, ими образованные, широко распространяются на территории Восточной Европы (Вакуленко, 2010).

Появление зерновых ям в Среднем Поволжье исследователи связывают с именьковской археологической культурой (IV–VII вв.), которая приносит сюда пашенное земледелие. Специального изучения зерновых ям, зафиксированных в ходе археологических исследований на памятниках именьковской культуры, не производилось. Данные объекты рассматривались в качестве отдельного типа ям в рамках хозяйственных построек, как в целом для памятников именьковской культуры (работы П.Н. Старостина и Г.М. Матвеевой), так и для ее локальных вариантов (исследования В.Ф. Генинга, Т.И. Останиной). На городищах и селищах именьковской культуры выделяются две основные формы зерновых ям — цилиндрические и «колоколовидные» (Матвеева, 2003. С. 27–28). Наблюдения за расположением зерновых ям, их близость к жилищам позволили Л.А. Вязову предположить, что они составляли с ними «единый жилищно-хозяйственный комплекс», где

средний объем данного типа ям мог обеспечить хранение зерна, достаточного «для пропитания одной семьи в течение года» (Вязов, 2008. С. 37).

Другое направление в исследовании зерновых ям именьковской культуры связано с изучением земледелия методами палеоботаники. В заполнении ям удалось выявить такие сельскохозяйственные культуры, как просо, полба, пшеница, ячмень, рожь, горох.

Следующей землепашеской культурой в Среднем Поволжье, которая для хранения зерна активно применяла ямы, стала культура волжских булгар. Зерновые ямы являются одним из самых распространенных и узнаваемых хозяйственных объектов на территории городских (работы А.П. Смирнова и Т.А. Хлебниковой на Болгарском и Кузнечихинском городищах, А.П. Смирнова и В.Ф. Каховского на городище Хулаш, Г.А. Федорова-Давыдова на Больше-Таябинском, Тигашевском городищах и др.) и сельских поселений (Казаков, 1991. С. 39; Руденко, 2001. С. 113). Специальные исследования этих объектов не проводились. В обобщающих работах они представлены в типологиях хозяйственных объектов Ф.Ш. Хузиным для городищ и К.А. Руденко для селищ. При выделении их основных конструктивных особенностей исследователи расходятся незначительно. Так, Ф.Ш. Хузин относит к «зерновым» круглые и овальные в плане ямы цилиндрического или «колоколовидного» сечения. Он отмечает еще несколько признаков, присущих данным постройкам, - обожженные или обмазанные глиной стенки, реже облицованные досками (Хузин, 2001. С. 270). К аналогичным постройкам К.А. Руденко для домонгольского времени относит «ямы-кладовки» округлой, иногда овальной в плане формы «с вертикальными или чуть сужающимися у дна, иногда обожженными стенками», на дне ям отмечает наличие «изоляционной песчаной подсыпки» (Руденко, 2001. С. 113). Для памятников золотоордынского периода он выделяет еще один тип зерновых ям -«зернохранилища», которые «отличаются крупными размерами и практически полным отсутствием находок» (Руденко, 2001. С. 116). Исследователи отмечают, что зерновые ямы располагались вне жилых построек и имели отдельное наземное перекрытие (Казаков, 1991. С. 39; Руденко, 2001. С. 113, 116).

Важным направлением в изучении зерновых ям является проведение палеоботанических исследований. Практически в каждой палеоботанической пробе с булгарских памятников обнаружена смесь зерен разных видов. Ю.А. Краснов, вслед за В.В. Туганаевым, связывает этот факт с многократным использованием ям (Краснов, 1987. С. 218). Е.Ю. Лебедева на основе анализа проб из 16 ям Болгарского городища выделяет ряд признаков, указывающих на то, что ямы могли использоваться для хранения как пищевого зерна, так и фуража, кроме того, после использования вних могли сбрасывать отходы от «очистки стойл» (Лебедева, 2019. С. 142–146).

Актуальным для булгароведения остается вопрос происхождения и распространения традиции зерновых ям. По мнению В.Ф. Каховского, зерновые ямы характерных форм на территории Среднего Поволжья являются явным признаком болгарской культуры (Каховский, 1968). В.В. Седов полагал, что «зерновые ямы колоколовидной формы» следует рассматривать в качестве наследия именьковской культуры (Седов, 2001. С. 9). Однако хронологическая лакуна между поздними именьковскими и ранними болгарскими памятниками на территории Среднего Поволжья не позволяет принять эту точку зрения.

Вакуленко Л.В., 2010. Комплекс зернохранилищ IV в. н.э. в Прикарпатье // КСИА. Вып. 224. С. 316–323.

Вязов Л.А., 2008. Земледелие племен именьковской культуры // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. № 5/1 (64). С. 32–42.

Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское кн. изд-во. 176 с.

Каховский В.Ф., 1968. Археологические работы в Чувашии в 1966 и 1967 годах // Ученые записки ЧНИИ ЯЛИЭ. Вып. 40. История, этнография, социология. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во. С. 188–233.

- Краснов Ю.А., 1987. Некоторые вопросы истории земледелия у жителей города Болгара и его округи // Город Болгар. Очерки истории и культуры / Отв. ред. Г.А. Федорова-Давыдова. М.: Наука. С. 205–230.
- Лебедева Е.Ю., 2019. Необычные «зерновые» скопления Болгарского городища что в основе? // Поволжская археология. № 4. С. 129–150.
- Матвеева Г.И., 2003. Среднее Поволжье в IV–VII вв.: именьковская культура. Самара: Самарский ун-т. $158 \, \mathrm{c}$.
- Руденко К.А., 2001. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: РИЦ «Школа». 220 с.
- Седов В.В., 2001. К этногенезу волжских болгар // РА. № 2. С. 5–15.
- Хузин Ф.Ш., 2001. Булгарский город в X начале XIII в. Казань: «Мастер-Лайн». 480 с.

СПИСОК СОКРАШЕНИЙ

АбИГИ – Абхазский институт гуманитарных исследований

АГКМ – Алтайский государственный краеведческий музей

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АО – Археологические открытия

АС – Археологический сборник

БПЛА – беспилотный летательный аппарат

ВДИ – Вестник древней истории

ВНУ – Восточноукраинский национальный университет

ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ГИМ – Государственный исторический музей

ГИС – геоинформационная система

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина

ГТУ – Государственный технический университет

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ДВО – Дальневосточное отделение

ИА – Институт археологии

ИАЭТ – Институт археологии и этнографии

ИИМК – Институт истории материальной культуры

КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция

КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт

КИО – культурно-историческая общность

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МАР – Материалы по археологии России

МАЭ – Музей археологии и этнографии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НАН КР – Национальная академия наук Кыргызской республики

НИИГН – Научно-исследовательский институт гуманитарных наук

НИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики

ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет

ОНТИ ПНЦ – Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра

ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ПГНИУ – Пермский государственный национальный исследовательский университет

РА – Российская археология

РАН – Российская академия наук

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры

РНФ – Российский научный фонд

САИПИ – Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства

СНЦ – Самарский научный центр

СО – Сибирское отделение

СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей

ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей

УрО – Уральское отделение

УрФУ – Уральский федеральный университет

ЦКП – центр коллективного пользования

ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЮУ ФНЦ МиГ – Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии

ЮУрГГПУ – Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет

BSA – British School at Athens

FABDEM – Forest and buildings removed Copernicus depth elevation model

MFVUF - Museum für Vor- und Frügeschichte

PB – Sitzungsberichte der Altertumsgesellschaft Prussia für die Vereinsjahre

SPÖG – Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg i. Pr.

для заметок

Научное издание

Новые материалы и методы археологического исследования: территории и границы в археологическом измерении

Материалы VIII конференции молодых ученых

Редактор B.Е. Родинкова Дизайн и верстка: Д.И. Киселев

Подписано в печать 18.03.2025. Формат 60 х 84 $^{1}\!/_{\!8}$ Уч.-изд.л. 16,6. Тираж 300 экз.

Институт археологии РАН 117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Белый ветер» Москва, м. Павелецкая, ул. Щипок, д. 28

ISBN 978-5-94375-460-9